

СТИВЕН

КИНГ



КОЛДУН  
И КРИСТАЛЛ

## Annotation

Добро пожаловать на перепутье судьбы, где открываются по Слову таинственные двери в иные миры, а будущее, предсказанное великой колодой Таро, может быть изменено, но цена тому будет страшной. Добро пожаловать на дальние Тропы Лучей, что соединяют порталы, ограничивающие Срединный Мир! Но берегись – ибо в тех краях живы древние боги и кровавые порождения Мрака, люди жестоки и вероломны, магия сильна и ужасна, и трудно отличить друга от врага на пути к дальней Темной Башне...

---

---

# Стивен Кинг

## Колдун и кристалл

*Эта книга посвящается Джулии Эгли и Марше де Филиппо. Они отвечают на присылаемые мне письма, а большинство писем за последние два года касались Роланда из Гилеада, стрелка. По существу Джулия и Марша притащили меня к компьютеру. Джулия, ты тащила меня сильнее, поэтому твое имя стоит первым.*

# Предисловие автора

«Колдун и кристалл» – четвертая книга долгого повествования, навеянного поэмой Роберта Браунинга «Чайлд Роланд к Темной Башне пришел».

В первой книге, «Стрелок», рассказывается о том, как Роланд из Гилеада преследует и наконец настигает Уолтера, человека в черном, который обманом завоевал дружбу его отца, но на самом деле служил Мартену, великому колдуну. Настигнуть Уолтера для Роланда не цель, а лишь средство к достижению цели: Роланд хочет добраться до Темной Башни, где надеется остановить ускоряющееся разрушение Срединного мира, а, возможно, и повернуть его вспять.

Роланд, безусловно, рыцарь, последний из своего поколения, и Башня – его навязчивая идея. Когда мы встречаем его, он и живет только потому, что хочет до нее добраться. Мы знаем, что Роланд, благодаря козням Мартена, который соблазнил его мать, рано прошел обряд инициации, получив право зваться мужчиной. Мартен ожидает, что Роланд не выдержит испытания и его «изгонят на запад», то есть никогда не дадут ему в руки оружие отца. Роланд, однако, рушит планы Мартена, выдерживает испытание... главным образом благодаря удачному выбору оружия.

Мы знаем, что мир стрелка неким непостижимым образом связан с нашим миром. Эта связь впервые обнаруживается, когда Роланд встречает Джейка, мальчика из Нью-Йорка 1977 года. Дверей между мирами несколько. Одна из них – смерть. Именно так Джейк впервые попадает в мир Роланда: на 43-й улице его сталкивают с тротуара на мостовую, и он погибает под колесами автомобиля. Толкал его человек, которого звали Джек Морт... только в тот момент руками Морта двигал прокравшийся ему в голову давний враг Роланда, Уолтер.

Прежде чем Джейк и Роланд настигают Уолтера, Джейк гибнет снова... на этот раз потому, что стрелок, поставленный перед мучительным выбором: его, символический, сын или Темная Башня, – выбирает Башню. Последние слова Джейка перед падением в пропасть: «Тогда иди... есть и другие миры, кроме этого».

Последняя схватка Роланда и Уолтера происходит около Западного моря. В ночь долгих переговоров человек в черном предсказывает Роланду будущее с помощью необычных карт Таро. Особое внимание Роланда привлекают три карты: Узник, Госпожа теней и Смерть («но не твоя, стрелок»).

Действие второй книги, «Извлечение троих», начинается на берегу Западного моря вскоре после того, как Роланд приходит в себя после жестокой схватки с Уолтером и обнаруживает, что последний мертв, груда костей среди других костей. Обессиленного стрелка атакуют ползучие чудовища, омароподобные твари, и, прежде чем он успевает ретироваться, наносят ему тяжелые раны. Стрелок теряет два пальца на правой руке. Кроме того, в раны попадает яд. Когда Роланд продолжает свой путь на север, по берегу Западного моря, яд начинает действовать, Роланд слабеет... возможно, умирает.

Ему встречаются три двери, стоящие прямо на берегу. Они открываются в Нью-Йорк нашего мира, но в разные *времена*. Из 1987 года Роланд «извлекает» Эдди Дина, наркомана, пристрастившегося к героину. Из 1964-го – Одетту Сюзанну Холмс, женщину-калеку, которой в подземке по колено отрезало ноги. Одетта действительно госпожа теней, в ней прячется еще одна, злобная личность, ярая защитница прав черного населения Америки. Эта вторая женщина, агрессивная и коварная Детта Уолкер, стремится убить Роланда и Эдди,

когда стрелок перетаскивает ее в Срединный мир.

А в промежутке, опять в 1977 году, Роланд проникает в дьявольский мозг Джека Морта, который не единожды – дважды круто повернул жизнь Одетты/Детты. «Смерть, – как сказал Роланду человек в черном, – но не твоя». Не является Морт и тем третьим, о ком говорил Уолтер. Роланд мешает Морту убить Джейка Чеймберза, а вскоре Морт погибает под колесами того самого поезда, которым в 1959 году отрезало ноги Одетты. Таким образом, Роланду не удастся «извлечь» маньяка в свой мир... но, думает он, а нужен ли кому такой помощничек?

Однако за отклонение от предсказанного будущего надо платить, по-другому и быть не может, не так ли? Корт, старый учитель Роланда, мог бы сказать: *Такое большое колесо, и все время вертится. Не окажись перед ним, ибо оно раздавит тебя, и твои глупые мозги, и тело из плоти и крови.*

Роланд предполагает, что, возможно, он перетащил троих в телах Эдди и Одетты, поскольку у Одетты раздвоение личности, однако когда Одетта и Детта сливаются в Сюзанну (за то спасибо любви и мужеству Эдди Дина), стрелок понимает, что это не так. Знает он и другое: ему не дают покоя мысли о Джейке, мальчике, который, умирая, заговорил о других мирах. Половина рассудка стрелка уверена, что никакого мальчика и не было. Помешав Джеку Морту толкнуть Джейка под автомобиль, который раздавил бы его, Роланд создал временной парадокс, губительный для его разума. А в нашем мире разрушающий разум Джейка Чеймберза.

«Бесплодные земли», третья книга цикла, начинается с этого парадокса. Убив гигантского медведя, которого звали Миа (Древние, боявшиеся его) или Шардик (Великие древние, его построившие... ибо медведь на поверку оказался киборгом), Роланд, Эдди и Сюзанна идут по следу чудовища и открывают Тропу Луча. Их шесть, этих лучей, соединяющих двенадцать порталов, или врат, ограничивающих Срединный мир. В точке, где пересекаются лучи, в центре Роландова мира, возможно, в центре всех миров, стрелок надеется наконец-то найти Темную Башню.

К этому времени Эдди и Сюзанна уже не пленники мира Роланда. Любящие друг друга, сами уже наполовину стрелки, они становятся полноправными участниками поисков Темной Башни и по своей воле следуют за Роландом по Тропе Луча.

В говорящем круге неподалеку от Врат Медведя время тает, парадокс самоустраняется, и появляется третий «извлеченный». Джейк возвращается в Срединный мир при завершении опасного обряда, когда все четверо, Джейк, Эдди, Сюзанна и Роланд, вспоминают лица своих отцов и вновь знакомятся друг с другом. А вскоре квартет становится квинтетом: Джейк находит себе нового друга, ушастика-путаника, зверька, похожего на помесь енота с сурком, а заодно немножечко с таксой, обладающего зачатками человеческой речи. Джейк называет нового друга Ыш.

Путь пилигримов приводит их в Лад, полуразрушенный город, населенный дегенерирующими потомками двух враждовавших группировок, седых и младов, которые продолжают раздувать пламя давнего конфликта. Прежде чем добраться до Лада, они попадают в маленький городок Речной Перекресток, в котором остались несколько стариков. Старики узнают в Роланде пришельца из далекого прошлого, из тех времен, когда мир еще не сдвинулся, и с почтением встречают и стрелка, и его спутников. Потом старики рассказывают Роланду о монорельсовой дороге, которая уходит из Лада в бесплодные земли, вдоль Тропы Луча, к Темной Башне.

Джейк напуган этими новостями, но не удивлен. Перед тем как перенестись из Нью-Йорка в Срединный мир, он купил две книги в магазине, принадлежащем некоему Келвину Тауэру. Одна из них – книга загадок с вырванными ответами. Вторая – «Чарли Чу-чу», детская книжка о поезде. Веселенькая история, сказало бы большинство... но не Джейк: есть в Чарли что-то такое, отчего смеяться не хочется. Что-то пугающее. А Роланд сообщает еще одну подробность: на языке его мира чар означает смерть.

Тетушка Талита, матриарх жителей Речного Перекрестка, дает Роланду серебряный крестик, и путники отправляются дальше. У самого Лада они находят потерпевший крушение самолет из нашего мира: немецкий истребитель конца тридцатых годов. В кабине так и остался мумифицированный труп гиганта, по всем признакам, легендарного предводителя разбойников Дэвида Шустрого.

Переходя через полуразрушенный мост над рекой Сенд, Джейк и Ыш едва не теряются. Пока Роланд, Сюзанна и Эдди ищут Джейка, на них нападает умирающий (и очень опасный) бандит. Он похищает Джейка и уводит его в подземелье к Тик-Таку, последнему главарю седых. В действительности Тик-Така зовут Эндрю Шустрый, он – праправнук человека, который погиб, пытаясь посадить на землю самолет из другого мира.

Пока Роланд (с помощью Ыша) разыскивает Джейка, Эдди и Сюзанна находят Колыбель Лада, в которой бодрствует Блейн Моно. Блейн – последний оставшийся на поверхности элемент громадного компьютера, расположенного под городом Лад. Интересует его только одно: загадки. Он обещает путешественникам доставить их на конечную остановку монорельсовой дороги, если они смогут найти ответ на его загадку. В противном случае, говорит Блейн, они поедут туда, где их ждет смерть... в других мирах. При этом они умрут не одни, поскольку Блейн намеревается открыть хранилища нервно-паралитического газа, который убьет всех – младов, седых и стрелков.

Роланд спасает Джейка, оставляя Тик-Така умирать, но Эндрю Шустрый не погибает. Полуослепшего, с жуткой раной на лице, его спасает Ричард Фаннин. Фаннин при этом также называет себя Незнакомцем вне Времени. Он – демон, о котором Роланда предупреждал Уолтер.

Роланд и Джейк воссоединяются с Эдди и Сюзанной в Колыбели Лада, и Сюзанне, с помощью «етой сучки» Детты Уолкер, удается решить загадку Блейна. Они получают доступ в монорельсовый поезд, игнорируя предупреждения сохранившего разум, но очень слабого подсознания Блейна (Эдди окрестил этот голос Маленьким Блейном), чтобы узнать, что Блейн намерен покончить с собой в их присутствии. И хотя управляют поездом компьютеры, запрятанные глубоко под Ладом, который превратился в смертельную западню, им это ничем не сможет помочь, если розовая пуля спрыгнет с рельса при скорости более восьмисот миль в час.

Единственный шанс на спасение – любовь Блейна к загадкам. Роланд из Гилеада предлагает отчаянную сделку. На этой сделке и заканчиваются «Бесплодные земли». С этой сделки начинается новая книга, «Колдун и кристалл».

# Пролог

## Блейн

– ЗАГАДАЙ МНЕ ЗАГАДКУ, – попросил Блейн.

– Да пошел ты, – ответил Роланд, не повышая голоса.

– ЧТО ТЫ СКАЗАЛ? – В своем изумлении голос Большого Блейна стал на удивление схож с голосом его близнеца.

– Я тебя послал, – пояснил Роланд, – но, если это выражение ставит тебя в тупик, Блейн, растолкую. Нет. Мой ответ – нет.

Блейн долго-долго не реагировал, а ответил уже не словами. Стены, пол, потолок начали исчезать, растворяться. В десять секунд салон для баронов вновь перестал существовать. Теперь они летели сквозь горную гряду, которую видели на горизонте: серовато-стальные пики надвигались на них с убийственной скоростью, потом оставались позади, уступая место бесплодным долинам, по которым словно степные черепахи ползали громадные жуки. Роланд вроде бы увидел гигантскую змею, внезапно выползшую из зева пещеры. Она схватила одного из жуков и утащила в свое логово. Никогда в жизни Роланд не видел ни таких существ, ни такого ландшафта, и по коже у него побежали мурашки. Блейн, должно быть, перенес их в другой мир.

– МОЖЕТ, НАМ СОЙТИ ЗДЕСЬ, – задумчиво произнес Блейн, но под кажущимся спокойствием стрелок уловил едва сдерживаемую ярость.

– Почему нет, – с нарочитым безразличием ответил он.

Лицо Эдди перекосило от страха.

– *Что ты задумал?* – вымолвил он одними губами.

Роланд не отреагировал. Он не мог позволить себе отвлекаться по пустякам и прекрасно знал, что задумал.

– ТЫ ГРУБЫЙ И НАГЛЫЙ, – заявил Блейн. – ТЫ, ВОЗМОЖНО, ПОЛАГАЕШЬ ЭТИ ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА ДОСТОИНСТВАМИ, А Я – НЕТ.

– При необходимости я могу быть гораздо грубее.

Роланд из Гилеада расцепил руки и медленно поднялся. Стоял как бы и ни на чем, расставив ноги, правой рукой упираясь в бедро, левой обхватив сандалового дерева рукоятку револьвера. В такой позе ему приходилось стоять много раз – на пыльных улицах сотен забытых городков, в десятках каменистых каньонов, щедро обогранных человеческой кровью, в бесчисленных темных салунах, где пахнет пивом и подгоревшим маслом. Очередная стычка с очередным противником. Ничего больше, но и это немало. Все те же *кхеф*, *ка* и *ка-тет*. Стычки эти составляли основу его жизни, являлись той осью, вокруг которой вращалась его *ка*. А то, что сразиться предстояло словами, а не пулями, значения не имело. Все равно речь шла о жизни: то ли он на щите, то ли со щитом. Запах смерти витал в воздухе. Точно так же на болоте воняет гнилью. А потом накатила волна боевой ярости, как обычно... и он потерял контроль над собой.

– Я могу назвать тебя бесчувственной, безмозглой, придурковатой машиной. Могу назвать глупым, бестолковым существом, у которого не больше здравого смысла, чем у завывания зимнего ветра в дупле дерева.

– ПРЕКРАТИ.

Роланд продолжал тем же ровным тоном, словно и не услышал Блейна:

– Таких, как ты, Эдди называет «железками». Не будь ты ею, я бы мог кой-чего добавить.

– Я ДАЛЕКО НЕ КАКАЯ-ТО ТАМ...

– Я мог бы назвать тебя, к примеру, членососом, но у тебя нет рта. Я мог бы сказать, что ты гаже самого гадкого нищего, который когда-либо ползал по самой мерзкой улице мироздания, но у тебя нет колен, на которых ползают, тебе никогда не упасть на них, тебе не постичь человеческого недостатка, зовущегося милосердием. Я мог бы даже сказать, что ты трахал свою мать, если б она у тебя была.

Роланд умолк на мгновение, чтобы перевести дух. Эдди, Сюзанна и Джейк затаили дыхание. Гробовое молчание Блейна Моно окутывало, душило их.

– Я могу назвать тебя вероломным существом, позволившим покончить с собой своей единственной подруге, трусом, радующимся мучениям глупцов и убийству невинных, растерявшимся и писклявым механическим гоблином, который...

– ПРИКАЗЫВАЮ ТЕБЕ ПРЕКРАТИТЬ, А НЕ ТО Я УБЬЮ ВАС ВСЕХ ПРЯМО ЗДЕСЬ!

Глаза Роланда сверкнули таким неистовым синим светом, что Эдди отпрянул. Рядом ахнули Джейк и Сюзанна.

– Убей, если хочешь, но ты мне не указ! – проревел стрелок. – Ты забыл лица тех, кто создал тебя! Так что теперь или убей нас, или молчи и слушай меня, Роланда из Гилеада, сына Стивена, стрелка, властителя Древних Земель! Я не для того шел все эти мили и все эти годы, чтобы слушать твой детский лепет! Ты меня понял? Так что слушай МЕНЯ!

Мгновение стояла абсолютная тишина. Никто не смел дохнуть. Роланд смотрел прямо перед собой, гордо подняв голову, с рукой на рукоятке револьвера.

Сюзанна Дин поднесла руку ко рту и ощупала пальцами изогнувшиеся в улыбке губы – так женщина иной раз ощупывает новый, еще непривычный предмет туалета, скажем, шляпку, чтобы убедиться, хорошо ли сидит. Она боялась, что наступил последний миг ее жизни, но в сердце в этот момент доминировал не страх – гордость. Скосив взгляд, она увидела, что Эдди во все глаза смотрит на Роланда и тоже улыбается. А уж на лице Джейка читался откровенный восторг.

– Скажи ему! – выдохнул Джейк. – Пни ему под зад! Так его!

– Ты бы лучше прислушался к его словам, – поддакнул Эдди. – Ему действительно наплевать, Блейн. Не зря же его прозвали Бешеный Пес из Гилеада.

После долгой, долгой паузы Блейн спросил:

– ОНИ ТАК ЗВАЛИ ТЕБЯ, РОЛАНД, СЫН СТИВЕНА?

– Возможно, – спокойно ответил Роланд, стоя в разреженном воздухе над безжизненными холмами.

– КАКОЙ МНЕ ОТ ВАС ПРОК, ЕСЛИ ВЫ НЕ ХОТИТЕ ЗАГАДЫВАТЬ ЗАГАДКИ? – спросил Блейн. Теперь он говорил голосом дующегося, обиженного ребенка, которому родители разрешили засидеться допоздна и не уложили в постель.

– Я не говорил, что мы не хотим.

– НЕ ГОВОРИЛ? – недоуменно переспросил Блейн. – Я НЕ ПОНИМАЮ, ОДНАКО АНАЛИЗ ГОЛОСОВЫХ МОДУЛЯЦИЙ ПОДТВЕРЖДАЕТ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ СКАЗАННОГО. ОБЪЯСНИ.

– Ты сказал, что хочешь услышать загадки немедленно. В этом я тебе отказал. В своем нетерпении ты повел себя неподобающим образом.

– Я НЕ ПОНИМАЮ.



– Ты мне нагрубил. Это ты понимаешь?

Вновь долгая, долгая пауза. В последние столетия компьютер сталкивался лишь с невежеством, забвением, идолопоклонством. И уже запомнил, что есть обычное человеческое мужество.

– ЕСЛИ Я НАГРУБИЛ ТЕБЕ, ИЗВИНИ, – послышалось наконец.

– Извинения принимаются, Блейн. Но есть более серьезная проблема.

– ОБЪЯСНИ.

– Восстанови стены, и я объясню. – Роланд уселся в кресло, словно о дальнейших препирательствах и перспективе мгновенной смерти речь уже не шла.

Блейн подчинился. Стены потеряли прозрачность, кошмарный пейзаж исчез. Зеленая лампочка на схеме маршрута мигала рядом с кружком с надписью КАНДЛТОН.

– Хорошо, – кивнул Роланд. – Грубость можно простить, Блейн. Так меня учили в юности. Но меня также учили, что глупости нет прощения.

– И В ЧЕМ ЖЕ ПРОЯВИЛАСЬ МОЯ ГЛУПОСТЬ, РОЛАНД ИЗ ГИЛЕАДА? – Голос Блейна зазвучал зловеще. Сюзанна подумала о старом коте, притаившемся у мышиной норки: хвост мотается из стороны в сторону, зеленые глаза злобно горят.

– У нас есть то, что ты хочешь, но взамен, если получишь желаемое, ты предлагаешь нам смерть. Это *очень* глупо.

Долго, долго обдумывал Блейн слова Роланда. И наконец:

– СКАЗАННОЕ ТОБОЙ – ПРАВДА, РОЛАНД ИЗ ГИЛЕАДА, НО КАЧЕСТВО ТВОИХ ЗАГАДОК НЕ ДОКАЗАНО. Я НЕ ХОЧУ ОТДАВАТЬ ВАМ ВАШИ ЖИЗНИ ЗА ПЛОХИЕ ЗАГАДКИ.

Роланд кивнул:

– Я тебя понимаю, Блейн. А теперь послушай и постарайся понять меня. Частично я уже рассказал об этом моим друзьям. Когда я был маленьким, в феоде Гилеад каждый год проводились семь больших ярмарок, в честь Зимы, Широкой Земли, Первого Сева, Летнего Солнцестояния, Полной Земли, Завершения Жатвы и Нового года. Загадывание загадок было непременной частью каждой ярмарки, но самую важную роль они играли на праздниках Широкой и Полной Земли, потому считалось, что качество загадок напрямую влияет на урожай: чем они лучше, тем сбор больше.

– ЭТО СУЕВЕРИЕ, НЕ ИМЕЮЩЕЕ ПОД СОБОЙ ФАКТИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ, – отрезал Блейн. – Я НАХОЖУ СИЕ ГЛУПЫМ И РАЗДРАЖАЮЩИМ.

– Разумеется, суеверие, – согласился Роланд, но ты бы удивился, узнав, насколько четко загадки предсказывали урожай. К примеру, ответ мне Блейн, на бал кони ходят?

– СТАРО И НЕ ОЧЕНЬ-ТО ИНТЕРЕСНО, – ответил Блейн радостным голосом: наконец-то ему предложили загадку. – НА БАЛКОНЕ ХОДЯТ. ЗАГАДКА ОСНОВАНА НА ФОНЕТИЧЕСКОМ СОЗВУЧИИ. ЕЩЕ ОДНА ЗАГАДКА ПОДОБНОГО РОДА ИЗВЕСТНА НА УРОВНЕ, ГДЕ РАСПОЛОЖЕН ФЕОД НЬЮ-ЙОРК: ЧТО ДЕЛАЛ СЛОН, КОГДА ПРИШЕЛ НАПОЛЕОН?

– Это я знаю, – подал голос Джейк. – Когда слон пришел на поле, он щипал травку.

– ДА, – согласился Блейн. – ОЧЕНЬ СТАРАЯ ГЛУПАЯ ЗАГАДКА. ГОДИТСЯ ТОЛЬКО ДЛЯ ПРИМЕРА.

– Вот тут я полностью согласен с тобой, дружище Блейн, – вставил Эдди.

– Я НЕ ТВОЙ ДРУЖИЩЕ, ЭДДИ ИЗ НЬЮ-ЙОРКА.

– Да хрен с тобой. Поцелуй меня в задницу и чеши на небеса.

– НЕБЕС ТУТ НЕТ.

Эдди с ответом не нашелся.

– Я БЫ ХОТЕЛ УСЛЫШАТЬ И ДРУГИЕ ЯРМАРОЧНЫЕ ЗАГАДКИ ИЗ ГИЛЕАДА, РОЛАНД, СЫН СТИВЕНА.

– Ровно в полдень на Широкую и Полную Землю от шестнадцати до тридцати конкурсантов собирались в Зале Предков, который по такому случаю открывали для всех. Лишь несколько раз в году простой люд, купцы, ремесленники, фермеры и тому подобные, допускались в Зал Предков, и в эти дни он заполнялся *до отказа*.

Взгляд стрелка стал мечтательным, отрешенным, таким Джейк видел его лицо в другой, смутной жизни, когда Роланд рассказывал ему, как он и его друзья, Катберт и Жами, однажды пробрались на балкон того самого Зала Предков, чтобы посмотреть на танцы. Они с Роландом тогда карабкались по горам, преследуя Уолтера.

Джейк с любопытством взгляделся в Роланда, вновь задавшись вопросом, а откуда пришел этот необычный человек... и почему.

– В центре зала ставили большую бочку, и каждый желающий бросал в нее кусочки коры с написанными на них загадками. Многие загадки были старыми, услышанными от стариков, взятыми из книг, но многие придумывались специально к конкурсу. Трое судей, один обязательно стрелок, выносили решение по каждой и допускали к конкурсу только те, которые признавали пристойными.

– ДА, ЗАГАДКИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ПРИСТОЙНЫМИ, – согласился Блейн.

– А потом их начинали отгадывать. – Слабая улыбка осветила лицо стрелка при воспоминании о тех днях, когда он был не старше того мальчугана, что сидел напротив него с ушастиком на коленях. – Конкурс продолжался не один час. Отгадки выстраивались в шеренгу посреди Зала Предков. Место в шеренге определялось жребием, а поскольку место в конце ценилось куда выше, чем в начале, каждый надеялся оказаться последним, хотя победитель должен был правильно ответить хотя бы на одну загадку.

– ЕСТЕСТВЕННО.

– Каждый мужчина или женщина – в числе лучших отгадчиков Гилеада были и женщины, – подходил к бочке, вытаскивал загадку. Если после трех минут раздумий она оставалась неотгаданной, конкурсант уступал место следующему.

– И ЕМУ ПРЕДЛАГАЛОСЬ НАЙТИ ОТВЕТ НА ТУ ЖЕ ЗАГАДКУ?

– Да.

– ТО ЕСТЬ ВРЕМЕНИ НА ОБДУМЫВАНИЕ У НЕГО БЫЛО БОЛЬШЕ?

– Да.

– ПОНЯТНО. ЭТО КРУТО.

Роланд нахмурился:

– Круто?

– Он имел в виду – забавно, – вставила Сюзанна.

Роланд пожал плечами.

– Зевак это веселило, тут сомнений нет, но участники конкурса воспринимали происходящее очень серьезно. Частенько после завершения состязания и вручения приза возникали ссоры и даже драки.

– КАКОГО ПРИЗА, РОЛАНД, СЫН СТИВЕНА?

– Победитель получал самого крупного гуся в феоде. И год за годом этот гусь доставался моему учителю Корту.

– КАК ЖАЛЬ, ЧТО ЕГО НЕТ СРЕДИ ВАС. – В голосе Блейна слышались уважительные нотки. – ОН, ДОЛЖНО БЫТЬ, ВЕЛИКИЙ ОТГАДЧИК.

– Был великим, – кивнул Роланд. – Так ты готов выслушать мое предложение, Блейн?

– РАЗУМЕЕТСЯ. ВЫСЛУШАЮ С БОЛЬШИМ ИНТЕРЕСОМ, РОЛАНД ИЗ ГИЛЕАДА.

– Пусть оставшиеся часы станут нашей ярмаркой. Ты не будешь загадывать нам загадки, потому что хочешь услышать новые, а не пересказывать некоторые из миллионов, уже известных тебе...

– СОВЕРШЕННО ВЕРНО.

– Мы все равно не сможем найти на них ответы, – продолжил Роланд. – Я уверен, ты знаешь загадки, которые поставили бы в тупик даже Корта, если б он вытащил их из бочки. – Уверенности в этом у Роланда не было, но он полагал, что махать кулаками больше незачем и пришло время погладить Блейна по шерстке.

– КОНЕЧНО ЖЕ, – согласился Блейн.

– Вместо гуся призом станут наши жизни. По пути мы будем загадывать тебе загадки, Блейн. Если ко времени прибытия в Топику ты отгадаешь их все, можешь исполнить свой первоначальный план – убить нас. Это будет твой гусь. Но если мы озадачим тебя... если найдется загадка, в книге Джейка или у нас в головах, которой ты не знаешь и на которую не сможешь дать ответ... тебе придется довести нас до Топики и освободить, чтобы мы продолжили свой путь. Это будет *наш* гусь.

Ему ответила тишина.

– Ты меня понял?

– ДА.

– Ты согласен?

Блейн Моно молчал. Эдди обнял Сюзанну за плечи, поднял голову, разглядывая потолок салона для баронов. Левая рука Сюзанны легла на живот, прикрывая сокрытую в нем тайну. Джейк легонько поглаживал Ыша по спинке, избегая кровавых корок на ранах. Они ждали, пока Блейн, настоящий Блейн, оставшийся далеко позади, живущий своей псевдожизнью под городом, все обитатели которого умерли от его руки, обдумает предложение Роланда.

– ДА, – наконец вымолвил Блейн. – Я СОГЛАСЕН. ЕСЛИ Я ОТГАДАЮ ВСЕ ВАШИ ЗАГАДКИ, Я ВОЗЬМУ ВАС С СОБОЙ В ТО МЕСТО, ГДЕ ТРОПА ЗАКАНЧИВАЕТСЯ В ПУСТОШИ. ЕСЛИ ОДИН ИЗ ВАС ЗАГАДАЕТ ЗАГАДКУ, РАЗГАДАТЬ КОТОРУЮ Я НЕ СМОГУ, Я СОХРАНЮ ВАМ ЖИЗНЬ И ОСТАВЛЮ В ТОПИКЕ, ОТКУДА ВЫ СМОЖЕТЕ ПРОДОЛЖИТЬ ПОИСКИ ТЕМНОЙ БАШНИ, ЕСЛИ БУДЕТ НА ТО ВАШЕ ЖЕЛАНИЕ. ПРАВИЛЬНО Я ПОНЯЛ ТВОИ УСЛОВИЯ, РОЛАНД, СЫН СТИВЕНА?

– Да.

– ОЧЕНЬ ХОРОШО, РОЛАНД ИЗ ГИЛЕАДА.

– ОЧЕНЬ ХОРОШО, ЭДДИ ИЗ НЬЮ-ЙОРКА.

– ОЧЕНЬ ХОРОШО, СЮЗАННА ИЗ НЬЮ-ЙОРКА.

– ОЧЕНЬ ХОРОШО, ДЖЕЙК ИЗ НЬЮ-ЙОРКА.

– ОЧЕНЬ ХОРОШО, ЫШ ИЗ СРЕДИННОГО МИРА.

Ыш вскинул мордочку, услышав свое имя.

– ВЫ – КА-ТЕТ: ЕДИНСТВО ИЗ МНОЖЕСТВА. Я – ТОЖЕ. ТЕПЕРЬ НАМ ПРЕДСТОИТ ВЫЯСНИТЬ, КАКОЙ КА-ТЕТ СИЛЬНЕЕ.

Вновь наступила тишина, нарушаемая лишь мерным гудением моторов, несущих их через бесплодные земли, по Тропе Луча, к Топике, где заканчивался Срединный мир и

начинался мир Крайний.

– ИТАК, – торжественно провозгласил Блейн, – ЗАБРАСЫВАЙТЕ ВАШИ СЕТИ, СКИТАЛЬЦЫ. ИСПЫТАЙТЕ МЕНЯ ВАШИМИ ЗАГАДКАМИ. ДАВАЙТЕ НАЧНЕМ СОСТЯЗАНИЕ.

**Часть первая**  
**Загадки**

Город Кандлтон не умер, пусть и разрушенный, отравленный, радиоактивный. Прошли столетия, но в нем по-прежнему теплилась странная жизнь: жуки размерами с черепах, птицы, похожие на маленьких бесформенных дракончиков, несколько спотыкающихся роботов, которые бродили между разрушенными домами, словно стальные зомби, с поскрипывающими шарнирами, поблескивающими глазами-объективами.

– Предъявите ваш пропуск! – выкрикивал один из них, зажатый в углу холла отеля «Кандлтонские путешественники» последние двести тридцать четыре года. Чуть заржавевшую голову робота украшала шестиконечная звезда. За эти годы ему удалось прогнуть металлическую стену, блокирующую ему путь, но не более того.

– Предъявите ваш пропуск! В южном и восточном секторах города повышенные уровни радиации! Предъявите ваш пропуск! В южном и восточном секторах города повышенные уровни радиации!

Раздувшаяся крыса, слепая, с внутренностями, волочащимися следом в кожном мешке, переползла через ноги робота-охранника. Робот-охранник этого не заметил, продолжая биться стальной головой о стальную стену.

– Предъявите ваш пропуск! В южном и восточном секторах города повышенные уровни радиации!

За спиной робота, в баре отеля, покоились черепа мужчин и женщин, которые пришли пропустить по рюмочке, когда прогремел взрыв. Некоторые черепа лыбились, словно их обладатели умерли смеясь. Возможно, некоторые действительно смеялись.

Когда Блейн Моно пролетел над развалинами, рассекая ночь, словно пуля, вылетевшая из ствола, наземь полетели еще не разбившиеся стекла, вниз посыпалась пыль, несколько черепов раскололись, как древние глиняные вазы. Снаружи по улицам пронесся вихрь радиоактивной пыли, фонарный столб перед рестораном «Свинина и говядина» вывернуло из земли. На городской площади Кандлтонский фонтан треснул и развалился на две половины, выплеснув не воду, а пыль, змей, скорпионов-мутантов и нескольких слепых черепах-жуков.

А когда объект, промелькнувший над Кандлтоном, исчез, словно никогда и не появлялся, и город вернулся к тому состоянию, что последние два с половиной столетия заменяло прежнюю жизнь, его настигла ударная волна, гроыхнула над городом впервые за семь последних лет. Вызванной ею вибрации вполне хватило, чтобы обрушить универсальный магазин, расположенный за фонтаном. Робот-охранник попытался в последний раз предупредить:

– В южном и вос... – и замолчал навсегда, уткнувшись в стену, как наказанный ребенок.

В двух или трех сотнях колес от Кандлтона, если продвигаться вдоль Тропы Луча, уровень радиации и концентрация ДЕРЗ в почве уменьшились практически до нуля. Здесь монорельс проходил буквально в десяти футах над землей, и здесь же олениха, выглядевшая почти что нормально, грациозно вышла из соснового леса, чтобы напиться из ручья, вода в котором на три четверти самоочистилась от всякой дряни.

Конечно, олениха отличалась от обычных особей: короткая пятая нога болталась под брюхом, как сосиска, а слепой третий глаз белел на левой стороне морды. Однако у нее сохранилась способность к воспроизводству потомства, а ДНК не очень-то изменилась, во всяком случае, для мутанта в двенадцатом поколении. За шесть лет жизни она родила трех детенышей. Двух – нормальных, «добрая скотина», говорила про таких тетушка Талита из Речного Перекрестка. Третий родился без кожи, кошмарный уродец, мать его тут же и затоптала.

Мир, во всяком случае эта часть мира, постепенно излечивался, зализывая раны.

Олениха начала пить, потом посмотрела вверх, глаза у нее округлились, с морды капала вода. Издалека до нее донесся низкий гудящий звук. Мгновением позже к нему присоединилась искорка. Мозг подал команду тревоги. Мышцы отреагировали быстро, но, хотя от искорки ее отделяли многие колеса, шансов на спасение у нее не было. Она еще не начала сгибать задние ноги, когда искорка увеличилась до размеров прожектора и залила ярким светом ручей и опушку. Со светом пришел сводящий с ума рев моторов монопоезда, мчащегося на полной скорости. Что-то розовое пролетело поверх бетонных столбов, на которых покоился рельс, оставляя за собой вихри пыли, летящие камни, разорванных зверушек, взметнувшуюся в воздух прошлогоднюю листву. Олениха погибла мгновенно. Воздушный водоворот, вызванный Блейном, не засосал ее, слишком большая, но проволока ярдов семьдесят. Вода капала с морды и копыт. Клок шкуры и пятую ногу оторвало и унесло вслед за Блейном, как подхваченную ветром шляпу.

Наступила тишина, хрупкая, как первый лед на пруду, а потом ударная волна разорвала ее в клочья, сшибив с высот на землю птицу-мутанта, возможно, ворона. Птица камнем упала в ручей, подняв фонтан брызг. А красный глаз, задние огни Блейна, с каждым мгновением уменьшался, удаляясь и удаляясь.

Из-за облаков выглянула полная луна, посеребрив опушку и ручей. На диске луны проглядывалось лицо, но не то, которое хотели бы видеть влюбленные. С луны на землю взирал оскал черепа, такого же, что оставались в баре отеля «Кандлтонские путешественники». И череп этот с улыбкой лунатика поглядывал на немногих существ, которые еще жили и трепыхались внизу. В Гилеаде до того, как мир «сдвинулся с места», полную луну на Новый год называли Демонической и старались на нее не смотреть, полагая сие дурной приметой.

Нынче, однако, это не имело значения. Нынче демонов хватало повсюду.

## 2

Сюзанна взглянула на карту-схему маршрута и увидела, что зеленая точка, отмечающая их местоположение, находится на полпути между Кандлтоном и Рилейей, следующей остановкой Блейна. *Да только кто собирается останавливаться?* – подумала она.

Оторвав взгляд от карты-схемы, она повернулась к Эдди. Тот все еще изучал потолок салона для баронов. Она подняла голову и увидела квадрат, не иначе как люк (но в таком чуде техники, как говорящий поезд, решила Сюзанна, он должен называться покруче, какой-нибудь «аварийный выход»). На люке краснела простенькая пиктограмма, изображающая человека, вылезавшего из поезда. Сюзанна попыталась представить себе, что будет, если она, следуя нарисованной инструкции, вылезет через люк на скорости восемьсот миль в час. Перед ее мысленным взором предстала женская голова, сорванная с шеи, как цветок со

стебля. Она увидела, как голова проносится вдоль крыши салона для баронов, стукнувшись о нее разок, и исчезает в темноте с вытаращенными глазами и растрепанными волосами.

Сюзанна постаралась побыстрее отогнать от себя эту жуткую картину. Все равно лючок на крыше наверняка заблокирован, заперт намертво. Блейн Моно не собирался выпускать их. Им, возможно, удастся выбраться из салона, но полной уверенности в этом у Сюзанны не было, даже если бы им и удалось загадать Блейну загадку, на которую у того не найдется ответа.

*Мне не хочется этого говорить, но ты разговариваешь, как гребаный хонки<sup>[1]</sup>, дорогой,* зазвучал в ее голове голос Детты Уолкер. *Не доверяю я твоему механическому мозгу. Тебя надо вдарить покрепче, а не повязывать синей ленточкой твои банки памяти.*

Джейк протянул стрелку потрепанную книгу загадок, словно больше не хотел брать на себя ответственность за ее хранение. Сюзанна понимала чувства ребенка: возможно, их жизни зависели от того, что написано на много раз читанных, замусоленных страницах. Пожалуй, ей тоже не хотелось держать при себе эту книгу.

– Роланд, – прошептал Джейк. – Она тебе нужна?

– *Жна!* – Ыш глянул на стрелка. – Олан-нажна! – Зубы ушастика-путаника сомкнулись на книге, он вытащил ее из руки Джейка, и его непропорционально длинная шея потянулась к Роланду, предлагая ему «Загадки, шарады и головоломки для всех и каждого».

Роланд бросил на книгу короткий взгляд, по глазам чувствовалось, что думает он совсем о другом, качнул головой:

– Пока нет. – Он посмотрел на карту-схему. Лица у Блейна не было, следовательно, загадывая загадки, они могли обращаться и к карте. Зеленая точка приблизилась к Рилейе.

Сюзанна подумала было, а как выглядят места, над которыми они сейчас пролетают, но потом решила, что знать этого она не хочет. После того как они увидели, во что превратился город Лад.

– Блейн! – позвал Роланд.

– ДА.

– Ты можешь оставить нас одних? Нам нужно потолковать.

*Надо быть сумасшедшим, чтобы думать, что он это сделает,* сказала себе Сюзанна. Но Блейн ответил незамедлительно.

– ДА, СТРЕЛОК. Я МОГУ ОТКЛЮЧИТЬ ВСЕ МОИ ДАТЧИКИ В САЛОНЕ ДЛЯ БАРОНОВ. КОГДА ВАШЕ СОВЕЩАНИЕ ЗАКОНЧИТСЯ И ВЫ БУДЕТЕ ГОТОВЫ ЗАГАДЫВАТЬ МНЕ ЗАГАДКИ, Я ВЕРНУСЬ.

– Да, ты и генерал Макартур, – пробормотал Эдди.

– ЧТО ТЫ СКАЗАЛ, ЭДДИ ИЗ НЬЮ-ЙОРКА?

– Не важно. Говорил сам с собой, ничего больше.

– ЧТОБЫ ВЫЗВАТЬ МЕНЯ, ПРИКОСНИТЕСЬ К КАРТЕ-СХЕМЕ, – добавил Блейн. – ПОКА КАРТА-СХЕМА КРАСНАЯ, МОИ ДАТЧИКИ ОТКЛЮЧЕНЫ. УВИДИМСЯ ПОЗЖЕ, АЛЛИГАТОР. ДО СКОРОЙ ВСТРЕЧИ, КРОКОДИЛ. НЕ ЗАБУДЬ НАПИСАТЬ. – Пауза. – ОЛИВКОВОЕ МАСЛО, НО НЕ КАСТОРОВОЕ.

Прямоугольник карты-схемы маршрута на переднем торце салона внезапно окрасился таким ярким красным светом, что Сюзанна прищурилась.

– Оливковое масло, но не касторовое? – переспросил Джейк. – Что бы *это* значило?

– Не важно, – отмахнулся Роланд. – Времени у нас мало. Монопоезд несется к конечной



станции с постоянной скоростью, независимо от того, с нами Блейн или нет.

– Ты же не веришь, что он действительно ушел, не так ли? – спросил Эдди. – Такой скользкий тип, как он. Да перестань, спустись на землю. Он наверняка подслушивает, даю голову на отсечение.

– Я в этом очень сомневаюсь, – возразил Роланд, и Сюзанна мысленно согласилась с ним. Во всяком случае, на текущий момент. – Ты же слышал, как он обрадовался перспективе отгадывать загадки после стольких лет бездействия. И...

– И он уверен в себе, – добавила Сюзанна. – Не видит в нас серьезных соперников.

– Он не прав? – спросил Джейк стрелка. – Мы сможем взять над ним верх?

– Я не знаю, – ответил Роланд. – Если ты насчет спрятанного у меня в рукаве туза, так его там нет. Это честная игра... но по крайней мере игра, в которую мне уже приходилось играть. Мы все играли в нее прежде, в том или ином виде. И вот эта книга. – Он указал на книгу загадок, которую Джейк взял у Ыша. – Могушественные силы задействованы в этой истории, и не все они стремятся не допустить нас к Темной Башне.

Сюзанна слышала его, но думала в этот момент о Блейне. Блейне, который так легко ушел и оставил их одних, совсем как ребенок, который водит в «прятках», закрывает глаза и ждет, пока спрячутся остальные участники игры. И кто же тогда они? Участники Блейновой игры? От этой мысли ей стало совсем нехорошо. Лучше уж представлять, как вылезает из люка и тебе ветром сносит голову.

– Так что же нам делать? – спросил Эдди. – У тебя наверняка есть какая-то идея, иначе ты не отослал бы его.

– Его могучий разум в сочетании с долгим периодом одиночества и бездействия мог куда в большей степени приблизить его к человеку, хотя он сам об этом даже не догадывается. На это я, во всяком случае, надеюсь. Прежде всего мы должны провести рекогносцировку. Должны определить, если сумеем, где он слаб, а где – силен, где полностью уверен в себе, а где испытывает хоть малейшие сомнения. Загадки не просто показатель ума человека, их задающего. Они призваны выявить слабые места того, кто их отгадывает.

– А у него есть слабые места? – спросил Эдди.

– Если нет, – спокойно ответил Роланд, – мы все умрем в этом поезде.

– Мне нравится твое умение ободрить нас в трудную минуту, – чуть улыбнулся Эдди. – Это одна из причин, по которой с тобой так приятно иметь дело.

– Мы начнем с четырех загадок, – продолжил Роланд. – Легкой, не очень легкой, довольно трудной и очень трудной. Он разгадает все четыре, я в этом уверен, но мы должны вслушиваться в его ответы.

Эдди кивнул, в Сюзанне затеплилась искорка надежды. Вроде бы подход предлагался правильный.

– Потом мы снова отошлем его и будем держать совет. Возможно, определимся, в каком направлении надо двигаться. Первые загадки мы можем брать откуда угодно, но... – он многозначительно посмотрел на книгу, – ...исходя из рассказа Джейка о том, что произошло в книжном магазине, нужный нам ответ обнаружится в этой книге, а не в моих воспоминаниях о ярмарочных загадках. Он просто *обязан* быть здесь.

– Вопрос, – подала голос Сюзанна.

Роланд повернулся к ней, брови вопросительно поднялись.

– Мы ищем *вопрос*, а не ответ, – пояснила она. – На этот раз именно от ответов зависит,

останемся мы в живых или нет.

Стрелок кивнул. На его лице отражалось недоумение, может, даже раздражение, такое Сюзанне приходилось видеть не часто. И когда Джейк вновь протянул ему книгу, Роланд ее взял. Подержал (поблекшая, но все еще ярко-красная обложка довольно-таки странно смотрелась в его больших загорелых руках... особенно правой, без двух пальцев), потом передал Эдди.

– Самая легкая загадка – твоя. – Роланд посмотрел на Сюзанну.

– Хорошо. – По ее губам промелькнула тень улыбки. – Надеюсь, ты начал с меня не потому, что я – слабый пол.

Стрелок уже повернулся к Джейку:

– Ты будешь вторым, с чуть более сложной загадкой. Я – третьим. А ты – последним, Эдди. Выбери из книги ту, что покажется тебе трудной...

– Самые трудные – в конце, – вставил Джейк.

– ...но только давай без твоих глупостей, хорошо? Вопрос жизни и смерти. Время для глупостей осталось в прошлом.

Эдди смотрел на него, высокого, много пережившего, не останавливающегося ни перед чем ради поставленной цели – добраться до Башни. А знает ли Роланд, подумал он, как больно ранят его слова. Небрежный совет перестать вести себя, как ребенок, улыбочки, шуточки в тот самый момент, когда на карту поставлены их жизни.

Он открыл рот, чтобы что-то сказать – Эдди Дин славился своими репликами, забавными и жалящими одновременно, такие реплики всякий раз выводили из себя его брата Генри, – и закрыл. Может, на этот раз Роланд прав. Может, сейчас самое время отказаться от детских выходок. Может, пора и повзрослеть.

### 3

Еще три минуты они перешептывались, а Сюзанна и Джейк листали книгу «Загадки...» (Джейк сказал, что себе он уже выбрал). Потом Роланд прошел к переднему торцу салона и приложил руку к яростно горящему красному прямоугольнику. Тут же возникала карта-схема маршрута. С непрозрачными стенами они по-прежнему не ощущали никакого движения, но зеленая точка заметно приблизилась к Рилейе.

– ИТАК, РОЛАНД, СЫН СТИВЕНА! – возвестил Блейн. Эдди показалось, что он уловил в голосе не просто веселые, а радостные нотки. – ТВОЙ КА-ТЕТ ГОТОВ НАЧАТЬ?

– Да. Сюзанна из Нью-Йорка откроет первый раунд. – Роланд повернулся к ней, чуть понизил голос (она, конечно, понимала, что Блейн все услышит, если у него будет такое желание): – Тебе не надо выходить на середину прохода, как нам, потому что у тебя нет ног, но говорить ты должна громко и отчетливо, и всякий раз, обращаясь к нему, называть по имени. Если... *когда* он правильно ответит на твою загадку, скажешь: «Спасибо, Блейн, ты ответил правильно». Потом Джейк выйдет в проход и загадает свою загадку. Все понятно?

– А если он ответит неправильно или не ответит вовсе?

Роланд мрачно улыбнулся.

– Думаю, что об этом мы пока можем не беспокоиться. – Он вновь возвысил голос: – Блейн?

– СЛУШАЮ ТЕБЯ, СТРЕЛОК.

Роланд глубоко вдохнул.

– Начинаем.

– ЧУДЕСНО!

Роланд кивнул Сюзанне. Эдди сжал ее руку. Джейк похлопал по другой. Ёш глянул на нее золотистыми глазами.

Сюзанна, нервно улыбнувшись, уставилась на карту-схему:

– Привет, Блейн.

– ПРИВЕТСТВУЮ ТЕБЯ, СЮЗАННА ИЗ НЬЮ-ЙОРКА.

У нее гулко билось сердце, под мышками выступил пот, появилось то самое чувство, с которым она впервые столкнулась в первом классе: начинать трудно. Трудно встать перед классом и первой запеть песню, пошутить, рассказать о том, как ты провела лето... или загадать загадку, как сейчас. Она решила остановиться на сочинении, которое Джейк Чеймберз прочитал им на память во время их долгого разговора. Того, что они вели, распрощавшись со стариками из Речного Перекрестка. В сочинении, озаглавленном «КАК Я ПОНИМАЮ ПРАВДУ», было две загадки, одну из которых Эдди уже загадал Блейну.

– СЮЗАННА? ТЫ ЗДЕСЬ, МОЯ МАЛЕНЬКАЯ КРЕСТЬЯНОЧКА?

Он снова подтрунивал, но на этот раз весело, добродушно. *Добродушно*. Блейн, если хотел, мог быть такой душкой. Как некоторые знакомые ей избалованные дети.

– Да, Блейн, я здесь, и вот моя загадка. Что это такое – о четырех колесах и воняет?

Что-то щелкнуло, особым образом, словно кто-то цокнул языком. Затем последовала короткая пауза. Когда Блейн отвечал, шутливости в голосе практически не осталось:

– ГОРОДСКАЯ МУСОРОВОЗКА, РАЗУМЕЕТСЯ. ДЕТСКАЯ ЗАГАДКА. ЕСЛИ И ПРОЧИЕ БУДУТ НЕ ЛУЧШЕ, Я ПОЖАЛЕЮ О ТОМ, ЧТО СОХРАНИЛ ВАМ ЖИЗНЬ, ПУСТЬ ДАЖЕ НА КОРОТКОЕ ВРЕМЯ.

Карта-схема полыхнула, на этот раз не красным, а светло-розовым.

– Не выводите его из себя, – взмолился Маленький Блейн. Всякий раз, когда он подавал голос, Сюзанна представляла себе потного лысого коротышку. Если голос Большого Блейна накатывал со всех сторон (как голос Бога в каком-то фильме Сесилия де Милля, подумала Сюзанна), то голос Маленького Блейна исходил лишь из одного динамика, расположенного над их головами: – *Пожалуйста*, не злите его. Он уже разогнался до предельной скорости, компенсаторы едва справляются с нагрузкой. И состояние рельсового пути значительно ухудшилось с той поры, как по нему ездили в последний раз.

Сюзанна, которая в свое время накаталась и на троллейбусах, и в вагонах подземки, не чувствовала никакой тряски. Движение оставалось таким же плавным, как и в тот момент, когда они выезжали из Колыбели Лада, но она почему-то верила Маленькому Блейну. Она догадывалась, что если их таки *тряхнет*, то после этого они уже ничего не смогут почувствовать.

Роланд ткнул ее локтем в бок, возвращая к реальности.

– Спасибо, Блейн, ты ответил правильно. – Она не отрывала глаз от карты-схемы, а потом трижды похлопала себя по шее пальцами правой руки. То есть повторила жест Роланда при его первом разговоре с тетушкой Талитой.

– БЛАГОДАРИЮ ТЕБЯ ЗА УЧТИВОСТЬ. – В голосе Блейна вновь слышалась веселость, и Сюзанна расценила сие как добрый знак, хотя и поняла, что смеется он над ней. – Я, ОДНАКО, НЕ ЖЕНЩИНА. НАСКОЛЬКО Я ПОНИМАЮ, БУДЬ У МЕНЯ ПОЛ, Я БЫЛ БЫ МУЖЧИНОЙ.

Сюзанна в недоумении повернулась к Роланду.

– Мужчинам почтение выказывают левой рукой. Постукиванием по ключице. – Он показал, как.

– Однако.

Роланд посмотрел на Джейка. Тот встал, положил Ыша в кресло (мог бы и не класть: зверек тут же спрыгнул на пол и последовал за мальчиком), вышел в проход, встал лицом к карте-схеме.

– Привет, Блейн, это Джейк. Ты знаешь, сын Элмера.

– ЗАГАДЫВАЙ СВОЮ ЗАГАДКУ.

– Может бежать, но не ходит, имеет рот, но не говорит, ложе есть, но не спит, с головой, но не плачет.

– НЕПЛОХО! ОСТАЕТСЯ НАДЕЯТЬСЯ, ЧТО СЮЗАННА ВОЗЬМЕТ С ТЕБЯ ПРИМЕР, ДЖЕЙК, СЫН ЭЛМЕРА. ОТВЕТ ОЧЕВИДЕН ДЛЯ ЛЮБОГО РАЗУМНОГО СУЩЕСТВА ИЛИ МАШИНЫ, НО ТЫ, ОДНАКО, СТАРАЛСЯ. РЕКА.

– Спасибо, Блейн, ты ответил правильно. – Джейк трижды постучал согнутыми пальцами левой руки по ключице и сел. Сюзанна обняла его, прижала к себе. Джейк с благодарностью взглянул на нее.

Поднялся Роланд.

– Хайль, Блейн.

– ХАЙЛЬ, СТРЕЛОК. – Вновь голос Блейна звучал весело... возможно, причиной тому стало приветствие, которого Сюзанна еще ни разу не слышала. *Что за «хайль»*, подумала она. Почему-то на ум пришел Гитлер, мысли ее перекинулись на упавший на землю самолет, который они нашли около Лада. «Фоккевульф», определил модель Джейк. В самолетах она совершенно не разбиралась, но знала, что в кабине сидел мертвый пилот, погибший так давно, что тело уже не воняло.

– ЗАГАДЫВАЙ ЗАГАДКУ, РОЛАНД, И ПУСТЬ ОНА БУДЕТ ИЗЯЩНОЙ.

– Постараюсь, Блейн, надеюсь, тебе понравится. О четырех ногах утром, о двух днем и о трех вечером. Что это?

– ИЗЯЩНАЯ ЗАГАДКА, – признал Блейн. – ПРОСТЕНЬКАЯ, НО ВСЕ РАВНО ИЗЯЩНАЯ. ОТВЕТ – ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ В МЛАДЕНЧЕСТВЕ ПОЛЗАЕТ НА РУКАХ И КОЛЕНЯХ, В ЗРЕЛОМ ВОЗРАСТЕ ХОДИТ НА ДВУХ НОГАХ, А В СТАРОСТИ ОПИРАЕТСЯ НА ПАЛКУ.

Голос сочился самодовольством, и Сюзанна неожиданно отметила для себя, что презирает Блейна, плюющего на всех, несущего смерть. У нее возникло ощущение того, что она испытывала бы к нему те же чувства, даже если бы он не заставил их поставить на кон свои жизни в этом конкурсе загадок.

Роланд, однако, ничем не выказал своих истинных чувств.

– Спасибо, Блейн, ты ответил правильно.

Он сел, не похлопав себя по ключице, взглянул на Эдди. Тот поднялся и выступил в проход.

– Что происходит, Блейн, старина? – спросил он.

Роланд поморщился, покачал головой, прикрыл глаза изуродованной правой рукой.

Блейн молчал.

– Блейн? Ты здесь?

– ДА, НО НАСТРОЕНИЕ У МЕНЯ НЕ СТОЛЬ ФРИВОЛЬНОЕ, КАК У ТЕБЯ, ЭДДИ ИЗ НЬЮ-ЙОРКА. ЗАГАДЫВАЙ СВОЮ ЗАГАДКУ. ПОДОЗРЕВАЮ, ОНА БУДЕТ ТРУДНОЙ,

НЕСМОТРЯ НА ТО ЧТО ТЫ ПЫТАЕШЬСЯ ВАЛЯТЬ ДУРАКА. С НЕТЕРПЕНИЕМ ЖДУ.

Эдди бросил взгляд на Роланда, тот махнул рукой – *продолжай, ради твоего отца, продолжай!* – повернулся к карте-схеме, на которой зеленая точка только что миновала Рилейю. Сюзанна поняла, что Эдди догадывается о том, что она уже знала наверняка: Блейн раскусил их замысел, он в курсе того, что они пытаются проверить его способности по всему спектру загадок. Ему это известно... и он с радостью идет им навстречу.

Сердце Сюзанны упало: надежда на то, что они легко и быстро выкрутятся из этой передраги, погасла.

4

– Ну, не знаю, покажется ли она тебе трудной, но я считаю, что эта загадка – не подарок. – Ответа он, кстати, не знал, потому что кто-то выдрал страницы с ответами из книги «Загадки, шарады и головоломки для всех и каждого», но не думал, что это имеет хоть какое-то значение. Установленные правила не требовали от них знания ответов.

– Я ВЫСЛУШАЮ И ОТВЕЧУ.

– Не сказано – не разбито. Что это?

– ТИШИНА. ТО, О ЧЕМ ТЫ ПОЧТИ НИЧЕГО НЕ ЗНАЕШЬ, ЭДДИ ИЗ НЬЮ-ЙОРКА. – Блейн ответил практически без паузы, и у Эдди засосало под ложечкой. Необходимости советоваться с остальными не было: ответ Блейн дал правильный. Да еще так быстро. Эдди ничего подобного не ожидал. Он никогда бы в этом не признался, но лелеял надежду, что сможет сокрушить Блейна первой же загадкой, да так, чтобы того не смогли собрать ни вся королевская конница, ни вся королевская рать. Впрочем, та же надежда вспыхивала в нем всякий раз, когда он брал в руки пару костей, в темной подсобке какого-нибудь бара, или, набрав семнадцать, вскрывал карты, играя в блэкджек. Надежда эта твердила ему, что для него все должно пройти хорошо, ибо он – лучший и другого такого нет и не будет.

– Да, – вздохнул Эдди, – тишина. О которой я почти ничего знаю. Спасибо, Блейн, ты сказал правду.

– НАДЕЮСЬ, ТЫ ОТКРЫЛ ДЛЯ СЕБЯ ЧТО-ТО ТАКОЕ, ЧТО ПОМОЖЕТ ТЕБЕ, – добавил Блейн, а Эдди подумал: *Ах ты, гребанный механический врун.* Самодовольство вернулось в голос Блейна, и Эдди не мог не задаться вопросом, а откуда у голоса машины взялась эмоциональная окраска. Создавали их такими Великие древние или на каком-то этапе машина претерпела некие изменения? Мало ли что могло произойти в электронном мозгу за долгие годы, столетия одиночества? – ВЫ ХОТИТЕ, ЧТОБЫ Я ВНОВЬ УДАЛИЛСЯ, И ВЫ МОГЛИ БЫ ПОСОВЕЦАТЬСЯ?

– Да, – ответил Роланд.

Карта-схема вспыхнула ярко-красным. Эдди повернулся к стрелку. Лицо Роланда тут же превратилось в бесстрастную маску, но за мгновение до этого Эдди углядел на нем нечто ужасное – абсолютную безысходность. Эдди никогда не видел такого в лице Роланда, даже когда Роланд умирал от укусов омароподобных тварей, даже когда Эдди нацеливал на стрелка его же револьвер, даже когда мерзкий Гашер схватил Джейка и скрылся с ним в подземельях Лада.

– Что будем делать? – спросил Джейк. – Все примем участие в следующем раунде?

– Думаю, смысла в этом не много, – ответил Роланд. – Блейн знает тысячи загадок, может, миллионы, и это плохо. А вот что хуже, *гораздо хуже* — он понимает, как загадки

отгадываются... владеет логическим методом, который позволяет придумать загадки и, соответственно, их разгадывать. – Он повернулся к Эдди и Сюзанне, которые вновь сидели обнявшись: – Я в этом прав? Вы согласны?

– Да, – ответила Сюзанна, а Эдди с неохотой кивнул. Ему *не хотелось* соглашаться... но он согласился.

– И что из этого? – спросил Джейк. – Что нам *делать*, Роланд? Я хочу сказать, должен же быть выход... не так ли?

*Солги ему, ублюдок*, послал Эдди в направлении Роланда яростный мысленный импульс.

Роланд, по-видимому, уловил мысль Эдди и постарался ей последовать. Потрепал волосы Джейка изувеченной рукой.

– Думаю, выход есть всегда, Джейк. И вопрос в том, сумеем мы или нет найти нужную загадку. Он говорил, что дорога занимает чуть меньше девяти часов...

– Восемь часов сорок пять минут, – вставил Джейк.

– ...то есть времени у нас маловато. Мы едем час...

– Если карта-схема соответствует действительности, мы уже на полпути к Топике. – Голос Сюзанны подсел. – Наш механический друг мог и солгать насчет продолжительности путешествия. Чтобы добавить себе шансов.

– Мог, – согласился Роланд.

– Так что же нам делать? – повторил Джейк.

Роланд глубоко вдохнул, задержал дыхание, выдохнул.

– Сейчас загадывать загадки буду только я. Загадаю ему самые сложные из тех, что помню, которые задавались на ярмарках в дни моей юности. Потом ты, Джейк, если мы будем приближаться к Топике с той же скоростью, а победить Блейна мне не удастся... Ты задашь ему последние загадки из своей книжки. Самые трудные. – Он потер щеку, взглянул на ледяную скульптуру. Раньше она чем-то напоминала его, а теперь превратилась в нечто бесформенное. – Я по-прежнему думаю, что ответ – в этой книге. Иначе ты не наткнулся бы на нее перед тем, как вернуться в этот мир.

– А мы? – спросила Сюзанна. – Что делать нам с Эдди?

– *Думайте*, – ответил Роланд. – *Думайте*, ради ваших отцов.

– Я не стреляю рукой, – заговорил Эдди. Внезапно он изменился, стал чужим даже для себя. Что-то похожее он ощущал, когда увидел в дереве рогатку и ключ, которые только и ждали, чтобы он достал их... и в то же время чувство было иным.

Роланд как-то странно посмотрел на него:

– Да, Эдди, сказанное тобой правда. Стрелок стреляет умом. О чем ты подумал?

– Ни о чем. – Он мог бы кое-что добавить, но ему вновь помешало видение: Роланд, сидящий на корточках рядом с Джейком на одном из привалов по пути к Ладу. Перед сложенным, но еще не разожженным костром. Роланд в роли учителя. В учениках на этот раз Джейк. С кремнем и огнивом он пытается разжечь костер. Искра за искрой вылетают и тают в темноте. И Роланд говорит, что Джейк глупец. Что он... ну да... вел себя *глупо*.

– Нет, – вырвалось у Эдди. – Он такого не говорил. Во всяком случае, мальчику не говорил.

– Эдди? – В голосе Сюзанны слышалась озабоченность. Даже испуг.

*А почему бы тебе прямо не спросить, что он сказал, братец?* Голос Генри, голос Великого Мудреца и Известного Наркомана. Впервые за долгое время. *Спроси его, он же сидит рядом с тобой, давай спроси, что он сказал. Прекрати ходить вокруг да около, как*

*ребенок, наложивший в ползунки.*

Да только совет был не из лучших, потому что в мире Роланда такие методы не срабатывали. Мир Роланда сплошь состоял из загадок, здесь стреляли не рукой, а *умом*, гребаным *умом*, и что мог сказать один человек другому, которому никак не удавалось донести искру до растопки? Приблизь кремень, разумеется, и именно это Роланд и сказал: *Приблизь кремень и держи его крепче.*

Но речь сейчас не об этом. Чуть похоже, да только чуть – не считается, как говаривал Генри Дин до того, как стал Великим Мудрецом и Выдающимся Наркоманом. Память Эдди не желала приходить ему на помощь, потому что Роланд обидел его... пристыдил... выставил на посмешище...

Возможно, не специально, но... *что-то* было. Что-то такое, напомнившее ему знакомые ощущения. Обычно они возникали стараниями Генри. Иначе чего бы Генри появляться здесь, после столь длительного отсутствия?

Теперь все смотрели на него. Даже Ыш.

– Валяй, – бросил он Роланду, наверное, излишне резко. – Ты хочешь, чтобы мы думали, так мы уже думаем. – Он, во всяком случае, думал,

*(Я стреляю умом)*

так напрягал свои гребаные мозги, что они раскалились, но он не собирался говорить об этом стрелку. – Валяй загадывай Блейну свои загадки. Не теряй времени.

– Как скажешь, Эдди. – Роланд поднялся, прошел в переднюю часть салона, прикоснулся к красной прямоугольной пластине. Тут же появилась карта-схема маршрута. Зеленая точка отделилась от Рилейи, но Эдди отметил, что монопоезд сбросил скорость, то ли следуя заложенной в компьютер программе, то ли потому, что Блейн радовался жизни и никуда не спешил.

– ТВОЙ КА-ТЕТ ГОТОВ ПРОДОЛЖАТЬ НАШЕ СОСТЯЗАНИЕ, РОЛАНД, СЫН СТИВЕНА?

– Да, Блейн, – ответил Роланд, и Эдди показалось, что в голосе стрелка слышится обреченность. – Только загадки буду загадывать я один. Если ты не возражаешь.

– ЭТО ТВОЕ ПРАВО КАК ГЛАВЫ И ОТЦА ТВОЕГО КАТЕТА. ЭТО БУДУТ ЗАГАДКИ С ЯРМАРКИ?

– Да.

– ОТЛИЧНО. – Мерзкая удовлетворенность в голосе. – МНЕ НЕ ТЕРПИТСЯ ИХ УСЛЫШАТЬ.

– Хорошо. – Роланд глубоко вдохнул и начал: – Корми меня, и я живу. Дай мне попить, и я умру. Кто я?

– ОГОНЬ, – тотчас же, без паузы, самодовольный тон, в котором читалось: *у этой загадки отросла борода, когда твоя бабушка еще под стол пешком ходила, но давай следующую! Давно уже я так не веселился, не молчи, переходи к следующей загадке!*

– Я пролетаю под солнцем, Блейн, но не отбрасываю тени. Кто я?

– ВЕТЕР, – без малейшего колебания.

– Ты ответил правильно. Следующая. Легкий, как перышко, но долго не удержишь.

– ВДОХ, – без малейшего колебания.

Однако он заколебался, внезапно подумал Эдди. Джейк и Сюзанна не отрывали глаз от Роланда. Сжав кулаки, они *молили* его загадать Блейну правильную загадку, ту самую, что ударит ему под дых, о которую он разобьет лоб. Эдди не мог смотреть на них, особенно на

Сюзи, и одновременно сосредото-читься на своем. Поэтому уставился на собственные руки, тоже сжавшиеся в кулаки, заставил пальцы разжаться, ладони лечь на колени. Далось ему это с превеликим трудом. А из прохода до него доносился голос Роланда, бомбардирующего Блейна загадками своей юности:

– Если разобьешь меня, моя работа не остановится. Если сможешь коснуться, моя работа закончится. Если потеряешь меня, вскоре найдешь с кольцом. Кто я?

У Сюзанны на мгновение перехватило дыхание, и Эдди, хотя не поднимал глаз, понял, что она думает о том же, что и он: это хорошая загадка, *чертовски* хорошая загадка, может...

– ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СЕРДЦЕ, – ответил Блейн. Опять же без малейшего колебания. – ЭТА ЗАГАДКА ОСНОВАНА ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ НА ПОЭТИЧЕСКИХ ИЛЛЮЗИЯХ. ДЛЯ ПРИМЕРА ДОСТАТОЧНО ОБРАТИТЬСЯ К ТВОРЧЕСТВУ ДЖОНА ЭВЕРИ, СИРОНТЫ ХАНЦ, ОНДОЛЫ, УИЛЬЯМА БЛЕЙКА, ДЖЕЙМСА ТЕЙТА, ВЕРОНИКИ МЭЙС И ДРУГИХ. ПРОСТО УДИВИТЕЛЬНО, КАК ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ СУЩЕСТВА ПРЕВОЗНОСЯТ ЛЮБОВЬ. ПРИЧЕМ ЭТА ОЦЕНКА ОСТАЕТСЯ НЕИЗМЕННОЙ НА ВСЕХ УРОВНЯХ БАШНИ, ДАЖЕ В ЭТОТ ПЕРИОД УПАДКА ПРОДОЛЖАЙ, РОЛАНД ИЗ ГИЛЕАДА.

Сюзанна вновь задышала. Пальцы Эдди хотели опять сжаться в кулаки, но он им не позволил. *Пододвинь кремень ближе*, подумал он голосом Роланда. *Пододвинь кремень ближе, ради твоего отца!*

А Блейн Моно мчал их на юго-восток, под Демонической Луной.



# Глава вторая

## Песий водопад

1

Джейк не знал, трудными или легкими покажутся Блейну десять последних загадок из его книги, но сам полагал их очень сложными. Разумеется, напомнил он себе, он – не думающая машина, в распоряжении которой гигантские компьютеры. Он мог лишь одно – загадать эти загадки. Бог ненавидит трусов, как иной раз говаривал Эдди. Если Блейн правильно ответит на эти десять, он предложит загадку Эрона Дипно о Самсоне (*Из идущего вышло ядимое, и так далее*). Если и тут он потерпит неудачу, тогда... черт, что тогда делать, он не знал, просто понятия не имел, что ему тогда делать. *Правда в том*, подумал Джейк, что *я спекся*.

А почему нет? Чего только не пришлось ему пережить за последние восемь часов! Поначалу его охватил ужас: он не сомневался, что вместе с Ышем свалится с подвесного моста и найдет смерть в реке Сенд. Потом Гашер потащил их через этот безумный лабиринт, который когда-то был Ладом. И, наконец, ему пришлось смотреть в страшные зеленые глаза Тик-Така и отвечать на его не имеющие ответа вопросы о времени, нацистах и транзитивных схемах. Допрос Тик-Така, наверное, ничем не отличался от Окончательного Экзамена в аду.

Затем радость спасения Роландом (и Ышем, если б не Ыш, не жить бы ему сейчас), изумление от увиденного под городом, трепетный восторг, когда Сюзанна разгадала загадку, открывающую ворота Блейна, и, наконец, безумный рывок к монопоезду, чтобы попасть в него, прежде чем Блейн откроет хранилища нервно-паралитического газа, расположенные под Ладом.

Пережив все это, Джейк пребывал в полной уверенности, что Роланд, *конечно же*, сокрушит Блейна, а тот выполнит свою часть сделки и высадит их на конечной остановке (в том месте, которое в Срединном мире называлось Топикой<sup>[2]</sup>). После чего они найдут Темную Башню и сделают все, что должны сделать, изменят то, что необходимо изменить, поправят то, что требует исправления. А потом? Потом, разумеется, будут жить долго и счастливо. Как герои сказки.

Да только...

Они разделяют мысли друг друга, говорил Роланд. Разделенный *кхеф* – один из атрибутов *ка-тета*. И как только Роланд вышел в проход, чтобы загадывать Блейну загадки, которые слышал в молодости, чувство обреченности начало напозать на мысли Джейка. Исходило оно не от стрелка. Черную волну гнала Сюзанна. Она – не Эдди, последний своими мыслями ушел далеко-далеко. Возможно, оно и к лучшему, решил Джейк, но поручиться за это не мог, и...

...и в душу Джейка вновь начал закрадываться страх. Не просто страх – отчаяние. Словно безжалостный враг все глубже и глубже загонял его в угол, и спасения не было. Пальцы его беспрестанно чесывали шерстку Ыша, а взглянув вниз, Джейк даже вздрогнул от изумления: рука, в которую Ыш впился зубами, чтобы не упасть с моста, больше не болела. Он видел углубления от зубов ушастика, кровавые корки на ладони и на запястье, но рука больше не болела. Он осторожно согнул ее. Боль чувствовалась, но очень уж слабая,

можно сказать, ее не было.

– Блейн, что, поднимаясь, раскрывается, а опускаясь, складывается?

– ЗОНТИК, – все с тем же веселым самодовольством, от которого Джейка уже начало мутить, ответил Блейн.

– Спасибо, Блейн, опять ты ответил правильно. Сле...

– Роланд?

Стрелок повернулся к Джейку, сосредоточенность, читаемая на его лице, уступила место пусть не улыбке, но ее подобию. Джейка такая реакция только порадовала.

– Что такое, Джейк?

– Моя рука. Ее дергало от боли, а теперь она не болит.

– ЕРУНДА, – заговорил Блейн голосом Джона Уэйна.<sup>[3]</sup> – Я НЕ МОГУ СМОТРЕТЬ, ЕСЛИ СОБАКА МУЧАЕТСЯ, НАКОЛОВ ЛАПУ, И УЖ ТЕМ БОЛЕЕ НЕ ОСТАВЛЮ БЕЗ ПОМОЩИ ТАКОГО МИЛОГО ПАРНИШКУ, КАК ТЫ. ВОТ Я ТЕБЯ И ВЫЛЕЧИЛ.

– Как? – спросил Джейк.

– ПОСМОТРИ НА ПОДЛОКОТНИК ТВОЕГО КРЕСЛА.

Джейк увидел едва заметную сетку переплетенных нитей, чуть похожую на динамик транзисторного приемника, который он получил в подарок, когда ему было семь или восемь лет.

– ЕЩЕ ОДНА ЛЬГОТА ПУТЕШЕСТВУЮЩИМ В САЛОНЕ ДЛЯ БАРОНОВ, – все так же самодовольно продолжил Блейн. Джейк подумал, что Блейн отлично прижился бы в школе Пайпера. Там хватало таких же учителей. – ОСНОВНОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ СКАНИРУЮЩЕГО СПЕКТРАЛЬНОГО УСИЛИТЕЛЯ – ДИАГНОСТИКА. НО ОН ТАКЖЕ МОЖЕТ ОКАЗАТЬ НЕСЛОЖНУЮ ПЕРВУЮ ПОМОЩЬ ВРОДЕ ТОЙ, ЧТО Я ОКАЗАЛ ТЕБЕ. ОН ТАКЖЕ ВКЛЮЧАЕТ СИСТЕМУ ПОДАЧИ ПИТАНИЯ, УСТРОЙСТВО ДЛЯ РЕГИСТРАЦИИ МОЗГОВЫХ ВОЛН, СТРЕСС-АНАЛИЗАТОР И КОРРЕКТОР ЭМОЦИЙ, КОТОРЫЙ МОЖЕТ СТИМУЛИРОВАТЬ ВЫРАБОТКУ ЭНДОРФИНОВ. СКАНИРУЮЩИЙ УСИЛИТЕЛЬ СОЗДАЕТ ТАКЖЕ ОЧЕНЬ ПРАВДОПОДОБНЫЕ ИЛЛЮЗИИ И ГАЛЛЮЦИНАЦИИ. НЕ ЖЕЛАЕШЬ ЛИ НАСЛАДИТЬСЯ СЕКСУАЛЬНЫМ КОНТАКТОМ С ОДНОЙ ИЗ СЕКС-БОМБ ТВОЕГО УРОВНЯ БАШНИ, ДЖЕЙК ИЗ НЬЮ-ЙОРКА? МЭРИЛИН МОНРО, РАКЕЛ УЭЛЧ, ЭДИТ БАНКЕР?

Джейк рассмеялся. Он понимал, что смеяться над Блейном рискованно, но ничего не мог с собой поделать.

– Эдит Банкер *не существует*, – поправил он Блейна. – Она всего лишь персонаж в телевизионном фильме. А актрису зовут Джин Степлтон. Только она похожа на нашу домоправительницу, миссис Шоу. Милая женщина, но не... знаете ли... не из тех, с кем хочется заниматься сексом.

Блейн долго молчал. Когда же голос компьютера вновь донесся из динамиков, в нем слышалась холодность, заменившая фривольность тона.

– ПРИНОШУ СВОИ ИЗВИНЕНИЯ, ДЖЕЙК ИЗ НЬЮ-ЙОРКА. ТАКЖЕ СНИМАЮ ПРЕДЛОЖЕНИЕ О СЕКСУАЛЬНОМ КОНТАКТЕ.

*Это будет мне уроком*, подумал Джейк, поднося руку ко рту, чтобы скрыть улыбку. Громко (надеясь, что в голосе, соответственно ситуации, не прозвучит и йоты насмешки) он ответил:

– Все нормально, Блейн. Думаю, что для этого я еще слишком молод.

Сюзанна и Роланд переглянулись. Сюзанна не знала, кто такая Эдит Банкер, телесериал

«Все в семью» появился на экранах после того, как ее «извлекли» в Срединный мир. Но суть она уловила правильно. Джейк увидел, как ее полные губы беззвучно произнесли одно слово и послали его стрелку, как мыльный пузырь.

*Ошибка.*

Да. Блейн допустил ошибку. Более того, Джейк Чеймберз, одиннадцатилетний мальчик, поймал его на ней. А где одна ошибка, там и другая. Может, есть еще надежда. Джейк решил, что он это проверит. Настроение у него немного улучшилось.

2

Роланд едва заметно кивнул Сюзанне, потом повернулся к переднему торцу салона, чтобы порадовать Блейна следующей загадкой. Но не успел открыть рот, как Джейк почувствовал, что его потащило вперед. Вот оно, наглядное проявление законов физики, подумал он. Когда поезд мчался с постоянной скоростью, движения не ощущалось, но торможение тут же дало о себе знать.

– ВОТ ЭТО ВАМ НЕПРЕМЕННО НАДО УВИДЕТЬ. – Голос Блейна вновь зазвучал весело, но Джейк не доверял этому тону. Иной раз он слышал, как его отец точно так же начинал телефонный разговор (обычно с каким-то сотрудником, который НПК – напортачил по-крупному), а заканчивалось все тем, что Элмер Чеймберз вскакивал, перегибался через стол, словно человек, у которого схватило живот, и орал во всю мощь легких так, что багровело лицо и лиловели мешки под глазами. – ВСЕ РАВНО МНЕ ЗДЕСЬ ОСТАНАВЛИВАТЬСЯ. Я ДОЛЖЕН ПЕРЕЙТИ НА ПИТАНИЕ ОТ АККУМУЛЯТОРОВ, А ИМ ТРЕБУЕТСЯ ПОДЗАРЯДКА.

Поезд остановился с легким толчком. Стены, пол, потолок салона начали терять цвет, стали прозрачными. Сюзанна ахнула от страха и восхищения. Роланд двинулся влево, выставив перед собой руку, чтобы не удариться головой о стену, затем наклонился вперед, уперевшись ладонями в колени, сощурился. Ёш затыкал. Только Эдди, казалось, не замечал захватывающего зрелища, открывшегося перед ними, спасибо переходу «баронского» салона в обзорный режим. Он поднял голову, всецело поглощенный своими мыслями, и вновь уставился на руки. Джейк с любопытством всмотрелся в него, но тут же отвернулся.

Они зависли над огромным каньоном в залитом лунным светом воздухе. Под ними Джейк видел широкую бурлящую реку. Не Сенд, если только в мире Роланда реки не меняли направление течения на противоположное (Джейк слишком мало знал о Срединном мире, чтобы с ходу отметить такую возможность). И эта река в отличие от Сенда, величественно несущего свои воды, ревела, как бурный поток, только вырвавшийся с гор, напоминая разозленного драчуна, которому не терпится пустить в ход кулаки, чтобы стравить пар.

Джейк глянул на деревья, растущие по обоим берегам, с облегчением отметив, что выглядят они совершенно нормально: такие же хвойные леса встречались в горах Колорадо или Вайоминга, а потом взгляд его переместился к обрыву. Здесь поток «ломался» и падал вниз. Водопад таких размеров Джейк и представить себе не мог. В сравнении с ним Ниагара, где он побывал с родителями (в одной из трех семейных поездок, которые он мог вспомнить: две из них прерывались срочным вызовом отца на работу), казалась аттракционом в третьеразрядном аквапарке. Воздушная полусфера, пропитанная капельками воды, накрывала водопад. К нему подтягивался поднимающийся снизу туман. В нем многоцветьем мерцали полдесятка лунных радуг. Джейку они напоминали переплетенные олимпийские

кольца.

По центру водопада, похоже, двумя сотнями футов ниже того места, где река сваливалась с обрыва, из воды торчали два огромных каменных выступа. Хотя Джейк понятия не имел, как скульптору (или его команде) удалось поместить их там, где они находились, он не мог поверить, что эти выступы – творение природы. Они напоминали головы огромных, с оскаленными мордами псов.

*Песий водопад*, подумал он. После него еще одна остановка – Дашервилл... и Топика. Последняя остановка. Просьба освободить вагоны.

– ОДИН МОМЕНТ, – напомнил о себе Блейн. – СЕЙЧАС ОРГАНИЗУЮ ЗВУКОВОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ, ЧТОБЫ ДОБИТЬСЯ ПОЛНОГО ЭФФЕКТА.

Что-то захрипело, должно быть, где-то прочищалось механическое горло, и на них накатила ревущий шквал. Вода, миллиарды галлонов воды каждую минуту переливались через край и с высоты двух тысяч футов падали в гигантскую каменную чашу у подножия водопада. Туман клубился над выступающими песьими мордами, как дымок, поднимающийся из вентиляционных шахт ада. Уровень шума все нарастал. От грохота у Джейка завибрировала голова. Прижимая руки к ушам, он увидел, что Роланд, Эдди и Сюзанна делают то же самое. Ыш тьявкал, но Джейк не мог его слышать. Губы Сюзанны задвигались, и вновь он сумел прочесть по ним слова: *Прекрати, Блейн, прекрати!* Но расслышать их не мог, как не слышал тьявканья Ыша, хотя не сомневался, что орала Сюзанна во весь голос.

А Блейн все усиливал рев водопада, пока Джейк не почувствовал, как глаза задрожали в глазницах. А уж в том, что барабанные перепонки у него лопнули, он не сомневался.

А потом все закончилось. Как отрезало. Они по-прежнему висели в залитом лунным светом воздухе, над падающей водой переливались лунные радуги, из ревущего потока все так же торчали мокрые и жестокие каменные морды псов, но обрушивающий мир грохот исчез.

Джейк уже подумал, что случилось то, чего он боялся, что он оглох, но тут же понял, что слышит, как тьякает Ыш и плачет Сюзанна. Поначалу звуки эти доносились из далекого далека, словно его уши забило ватой, потом приблизились.

Эдди обнял Сюзанну за плечи, посмотрел на карту-схему.

– Хороший ты парень, Блейн.

– Я ПРОСТО ПОДУМАЛ, ЧТО ВЫ ПОЛУЧИТЕ УДОВОЛЬСТВИЕ, УСЛЫШАВ, КАК РЕВЕТ ПЕСИЙ ВОДОПАД, – ответил ему Блейн. В громовом голосе слышались насмешка и одновременно обида. – Я ДУМАЛ, ЭТО ПОМОЖЕТ ВАМ ЗАБЫТЬ О МОЕЙ ПРИСКОРБНОЙ ОШИБКЕ, КАСАЮЩЕЙСЯ ЭДИТ БАНКЕР.

*Моя вина*, подумал Джейк. *Блейн, возможно, машина, да еще с суицидальными наклонностями, но ему все равно не нравится, когда над ним смеются.*

Он подсел к Сюзанне и тоже обнял ее. Он все еще слышал Песий водопад, но Блейн сильно уменьшил уровень шума.

– Что здесь происходит? – спросил Роланд. – Как ты подзаряжаешь аккумуляторы?

– ТЫ ВСКОРЕ САМ ВСЕ УВИДИШЬ, СТРЕЛОК. А ПОКА ЗАГАДАЙ МНЕ ЗАГАДКУ.

– Хорошо, Блейн. Вот одна из загадок Корта, в свое время он их много напридумывал.

– ЖДУ С НЕТЕРПЕНИЕМ.

Роланд помолчал, должно быть, собираясь с мыслями, взглянул вверх: крышу салона заменило черное звездное небо (Джейк нашел Атона и Лидию, Старую Звезду и Древнюю

Матерь, они чуть успокоили его, поблескивая на привычных глазу местах). А стрелок уже перевел взор на прямоугольник с картой-схемой, которым они подменяли лицо Блейна.

– Мы – маленькие существа, и все мы очень разные. Одна из нас ушла на бал, вторую по дороге бес украл. Третья на бис решила сплясать, четвертая на бок улеглась спать. Пятую искали со сворой гончих псов, мелькнула и пропала в буране из слов<sup>[4]</sup>.

– А, Е, И, О, У, – ответил Блейн. – **ОСНОВНЫЕ ГЛАСНЫЕ АЛФАВИТА.** – Вновь ни малейшего колебания. Только голос стал еще более насмешливым, голос жестокого маленького мальчика, наблюдающего, как жуки бегают по раскаленной конфорке. – **ОДНАКО ЭТА ЗАГАДКА ПРИДУМАНА НЕ ТВОИМ УЧИТЕЛЕМ, РОЛАНД ИЗ ГИЛЕАДА. Я УЗНАЛ ЕЕ ОТ ДЖОНАТАНА СВИФТА ИЗ ЛОНДОНА, ГОРОДА В ТОМ МИРЕ, ИЗ КОТОРОГО ПРИШЛИ ТВОИ ДРУЗЬЯ.**

– Спасибо, – со вздохом ответил Роланд. – Ты ответил правильно, Блейн, и, несомненно, ты прав и в том, откуда взялась эта загадка. Я давно подозревал, что Корту известно о существовании других миров. Думаю, он скорее всего общался с *манни*, которые жили неподалеку от города.

– **О МАННИ Я НИЧЕГО НЕ ХОЧУ ЗНАТЬ, РОЛАНД ИЗ ГИЛЕАДА. ЭТО ГЛУПАЯ СЕКТА. ЗАГАДАЙ МНЕ ЗАГАДКУ.**

– Хорошо. Что...

– **ПОСТОЙ-ПОСТОЙ. ЛУЧ НАБИРАЕТ СИЛУ. НЕ СМОТРИТЕ ПРЯМО НА ПСОВ, МОИ ИНТЕРЕСНЫЕ НОВЫЕ ДРУЗЬЯ! И ПРИКРОЙТЕ ГЛАЗА!**

Джейк отвел взгляд от каменных колоссов, но не успел вовремя поднять руку. И периферийным зрением углядел, как головы внезапно обрели яростно сверкающие яркосиние глаза. Молнии устремились из этих глаз к моно поезду. А потом Джейк упал на застланный ковром пол «баронского» салона, плотно прижимая ладони к закрытым глазам, и слышал лишь подвывание Ыша да потрескивание электрических разрядов: вокруг поезда бушевала гроза.

Когда Джейк вновь открыл глаза, Песий водопад исчез: стараниями Блейна стены потеряли прозрачность. Потрескивание разрядов, однако, осталось: энергия Луча каким-то образом выстреливалась из глаз каменных псов и накапливалась Блейном. *Когда мы тронемся в путь, то питание пойдет от аккумуляторов, подумал Джейк. Блейн обретет полную автономию, с Ладом оборвутся все связи. Может, оно и к лучшему.*

– Блейн, каким образом энергия Луча запасается в этом месте? – спросил Роланд. – Что заставляет ее истекать из глаз этих каменных псов? Как ты утилизируешь ее?

Блейн молчал.

– И кто их высек из камня? – спросил Эдди. – Великие древние? Не они, так? Люди, которые жили до них. Или... *были* они людьми?

Блейн молчал. Молчи и дальше, думал Джейк. Не хотелось ему ничего знать ни о Песьем водопаде, ни о том, что происходило в его чреве, под толщей воды. Прежде он ничего не знал о мире Роланда, а то, что увидел в последнее время, привело его к однозначному выводу: не было тут ничего хорошего.

– Лучше не спрашивайте его, – донесся до них голос Маленького Блейна. – Так безопаснее.

– Не задавайте ему глупых вопросов, он не будет играть в глупые игры, – откликнулся Эдди. На его лице вновь появилась отстраненность, он с головой ушел в свои мысли и, когда Сюзанна обратилась к нему по имени, не ответил ей.

Роланд сел по другую сторону прохода от Джейка, медленно потер правой рукой щетину на правой щеке, тем подсознательным жестом, который появлялся у него в минуты усталости или сомнений.

– Мои загадки иссякают.

Джейк в удивлении повернулся к нему. Стрелок загадал компьютеру порядка пятидесяти загадок, без специальной подготовки это немало, но Джейк полагал, что Роланд знает их гораздо больше, учитывая, что в Гилеаде, где он вырос, им придавалось такое большое значение...

Должно быть, Роланд прочитал эти мысли на лице Джейка, потому что горькая, как желчь, улыбка тронула уголки рта, и стрелок кивнул, словно мальчик говорил вслух.

– Я тоже этого не понимаю. Если б ты спросил меня вчера или днем раньше, я бы ответил, что в том коробе, который называется моей памятью, хранится не меньше тысячи загадок. Может, две тысячи. Но...

Он пожал плечами, покачал головой, снова потер щеку.

– Дело не в забывчивости. Их там словно и не было. Видать, со мной происходит то же, что и с остальным миром.

– Ты «сдвинулся». – Сюзанна посмотрела на Роланда с такой жалостью, что через секунду-другую он отвел глаза. – Как и все остальное.

– Боюсь, что да. – Он взглянул на Джейка, губы плотно сжаты, глаза пронизывают насквозь. – Будешь готов загадывать загадки, когда я позову тебя?

– Да.

– Хорошо. И не отчаивайся. Мы еще живы.

Снаружи треск электричества стих.

– АККУМУЛЯТОРЫ ЗАРЯЖЕНЫ, И ВСЕ В ПОЛНОМ ПОРЯДКЕ, – возвестил Блейн.

– Великолепно, – сухо ответила Сюзанна.

– Лепно! – согласился Ыш, точно ухватив саркастические интонации Сюзанны.

– Я ДОЛЖЕН ПЕРЕКЛЮЧИТЬ ОСНОВНЫЕ СИСТЕМЫ НА РАБОТУ ОТ АККУМУЛЯТОРОВ. НА ЭТО УЙДЕТ ОКОЛО СОРОКА МИНУТ. ОПЕРАЦИИ РУТИННЫЕ, В БОЛЬШИНСТВЕ ВЫПОЛНЯЮТСЯ В АВТОМАТИЧЕСКОМ РЕЖИМЕ. ПОКА ИДЕТ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ, МЫ МОЖЕМ ПРОДОЛЖАТЬ НАШЕ СОСТЯЗАНИЕ. МНЕ ОНО ДОСТАВЛЯЕТ НЕСКАЗАННОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ.

– Все равно что пересаживаешься с электрической тяги на дизельную в Бостоне, – вставил Эдди. По голосу чувствовалось, что он по-прежнему где-то далеко. – Чтобы ехать в Хартфорд, или Нью-Хейвен, или какой другой город, где не согласится жить ни один гребаный человек в здравом уме.

– Эдди? – спросила Сюзанна. – О чем ты...

Роланд коснулся ее руки и покачал головой.

– НЕ ОБРАЩАЙТЕ ВНИМАНИЯ НА ЭДДИ ИЗ НЬЮ-ЙОРКА. – По голосу Блейна чувствовалось, что он веселится от души.

– Это точно, – отозвался Эдди. – Не обращайтесь внимания на Эдди из Нью-Йорка.

– ОН НЕ ЗНАЕТ ХОРОШИХ ЗАГАДОК, НО ТЫ ЗНАЕШЬ ИХ МНОГО, РОЛАНД ИЗ ГИЛЕАДА. ЗАГАДАЙ МНЕ ЕЩЕ ОДНУ.

И когда Роланд загадал, Джейк подумал о своем экзаменационном сочинении. *Блейн* –

*это боль*, написал он в нем. *Блейн – это боль. Вот правда.* Так оно и вышло, он не ошибся. Истинная правда.

Не прошло и часа, как Блейн Моно тронулся с места.

4

Сюзанна зачарованно наблюдала, как зеленая точка приближается к Дашервиллу, минует его и продолжает движение по последнему отрезку маршрута, к конечному пункту. Скорость точки подсказывала, что на аккумуляторах монопоезд движется чуть медленнее, и ей показалось, что лампы в салоне для баронов горят не так ярко, но она не верила, что эта разница имеет хоть какое-то значение. Блейн мог ехать до Топики со скоростью шестьсот, а не восемьсот миль в час, но последних его пассажиров ожидал один и тот же исход – Блейн все равно размажет их по стенке.

Роланд также сбавил скорость, все глубже и глубже залезая в кладовые памяти. Однако находил все новые загадки и не желал признать своего поражения. Как обычно. С той поры как он начал учить ее стрелять, Сюзанна испытывала нежеланную любовь к Роланду из Гилеада, чувство, родившееся из смеси восхищения, страха и жалости. Она думала, что по-настоящему он ей никогда не понравится (потому что Детта Уолкер, ее неразрывная часть, всегда будет ненавидеть его за то, как он схватил ее и вытащил, упирающуюся, на свет Божий). Он, в конце концов, спас душу и тело Эдди Дина. Она могла бы любить его только за это, не говоря о прочем. Но еще больше она любила его, так ей казалось, за твердость духа, умение никогда, ни при каких обстоятельствах не сдаваться. Слова *отступление* в его словаре не существовало, даже если он терпел *поражение*... а сейчас именно это и происходило.

– Блейн, где можно найти дороги без карет, леса без деревьев, города без домов?

– НА КАРТЕ.

– Правильный ответ, благодарю. Следующая загадка. У меня сотня ног, но я не могу стоять, длинная шея, но нет головы. Я отнимаю у служанки жизнь. Кто я?

– ЩЕТКА, СТРЕЛОК. ДРУГОЙ ВАРИАНТ: «Я ОБЛЕГЧАЮ СЛУЖАНКЕ ЖИЗНЬ». ТВОЙ МНЕ ПРАВИТСЯ БОЛЬШЕ.

Комплимент Роланд проигнорировал.

– Нельзя увидеть, нельзя пощупать, нельзя услышать, нельзя унюхать. Живет за звездами и под горами. Оканчивает жизнь и убивает смех. Что это, Блейн?

– ТЕМНОТА.

– Спасибо, ответ правильный.

Изувеченная правая рука скользнула по правой щеке, знак усталости и сомнений, от скрежета щетины по мозолистой ладони по коже Сюзанны побежали мурашки. Джейк сидел на полу по-турецки, сверля стрелка взглядом.

– Бегает, но не ходит, иногда поет, но не говорит, без плеч, но с руками, без головы, но с лицом. Что это, Блейн?

– ЧАСЫ.

– Дерьмо, – процедил Джейк, не разжимая губ.

Сюзанна посмотрела на Эдди, и в ней поднялась волна раздражения. Он вроде бы потерял всякий интерес к происходящему, заторчал, так вроде бы обозначали это состояние на сленге восьмидесятых. Она уж собралась двинуть его локтем в бок, чтобы привести в

чувство, потом вспомнила, как Роланд покачал головой, показывая, что делать этого не надо, и оставила Эдди в покое. Как знать, о чем он там думает, по лицу ничего не скажешь, но, может, его раздумья чем-то да помогут.

*Если так, то тебе хорошо бы поспешить, дорогой,* мысленно сказала она Эдди. Точка на карте-схеме все еще находилась ближе к Дашервиллу, чем к Топике, но еще четверть часа, и она перевалит за середину.

А поединок тем временем продолжался. Роланд загадывал загадки, Блейн тут же их разгадывал, не давая стрелку ни секунды передышки.

Что строит замки, срывает горы, ослепляет одних, помогает видеть другим? ПЕСОК.

*Спасибо.*

Что живет зимой, умирает летом, растет с корнями наверху? СОСУЛЬКА.

*Блейн, ты ответил правильно.*

Человек ходит над, человек ходит под, во время войны сторает дотла? МОСТ.

*Спасибо.*

Бесконечной чередой загадки шагали мимо Сюзанны, пока она не потеряла счет. Неужели именно так и проходил конкурс отгадчиков во времена его юности на ярмарках Широкой Земли и Полной Земли, когда он и его друзья (хотя Сюзанна подозревала, что по большому счету не *все* из них были ему друзьями, далеко не все) состязались за призового гуся? Она догадалась, что ответ скорее всего – да. Победителем становился тот, кому удавалось дольше всех сохранить свежую голову, каким-то образом проветривая перегретые мозги.

Особенно удручала та *легкость*, с которой Блейн выдавал ответ. Какой бы трудной ни казалась ей загадка, Блейн мгновенно перекидывал мяч на сторону Роланда, *ка-слам*.

– Блейн, кто имеет глаза, но не видит?

– ОТВЕТА ЧЕТЫРЕ. ИГОЛКА, ТАЙФУН, КАРТОФЕЛЬ И ВЛЮБЛЕННЫЙ.

– Спасибо, Блейн, ты ответил...

– СЛУШАЙ, РОЛАНД ИЗ ГИЛЕАДА, СЛУШАЙ, *КА-ТЕТ*.

Роланд замолк на полуслове, прищурился, чуть склонил голову набок.

– ВСКОРЕ ВЫ УСЛЫШИТЕ, КАК МОИ ДВИГАТЕЛИ НАБИРАЮТ МОЩЬ. МЫ НАХОДИМСЯ В ШЕСТИДЕСЯТИ МИНУТАХ ЕЗДЫ ОТ ТОПИКИ. С ЭТОГО МОМЕНТА...

– Если мы едем семь часов, то я вырос с семейкой Брейди<sup>[5]</sup>, – вставил Джейк.

Сюзанна нервно огляделась, ожидая, что сарказм Джейка вновь не останется безнаказанным, но Блейн только хохотнул. А заговорил голосом Хэмпфри Богарта<sup>[6]</sup>:

– ВРЕМЯ ЗДЕСЬ БЕЖИТ ПО-ДРУГОМУ, ЛАПЧКА. ПОРА БЫ ТЕБЕ ЭТО ЗНАТЬ. НО НЕ ВОЛНУЙСЯ. ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ, КАСАЮЩИЕСЯ ВРЕМЕНИ, СОХРАНЯЮТСЯ. СТАЛ БЫ Я ТЕБЕ ЛГАТЬ?

– Да, – пробормотал Джейк.

Видать, от ответа Джейка в «рот» Блейна попала смешинка: он захохотал безумным, механическим смехом, напомнившим Сюзанне комнаты смеха в дешевых парках-аттракционах. Когда же лампы салона начали пульсировать в такт смеху, она закрыла глаза и зажала уши руками.

– Прекрати, Блейн! Прекрати!

– ПРОШУ МЕНЯ ИЗВИНИТЬ, МЭМ, – прогнусавил Блейн а-ля Джимми Стюарт<sup>[7]</sup>. – ЧЕРТОВСКИ ЖАЛЬ, ЧТО ОСКОРБИЛ ВАШ СЛУХ СВОИМ ВУЛЬГАРНЫМ СМЕХОМ.

Сюзанна ожидала, что сейчас рассмеется Эдди, такие выходки всегда его смешили, но



Эдди продолжал смотреть на свои руки, наморщив лоб, с пустыми глазами, чуть приоткрыв рот. *Прямо-таки деревенский идиот*, подумала Сюзанна и опять едва удержалась от того, чтобы не двинуть ему локтем в бок, чтобы содрать эту дурацкую маску с его лица. Она знала, что долго сдерживаться не сможет: если уж им суждено умереть в этом поезде, она хотела умирать в объятиях Эдди, чтобы его глаза смотрели в ее, а не черт знает куда.

Но пока она решила его не трогать.

– С ЭТОГО МОМЕНТА, – нормальным голосом продолжил Блейн, – Я СТАНОВЛЮСЬ КАМИКАДЗЕ И ОТПРАВЛЯЮСЬ В ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЕТ. АККУМУЛЯТОРЫ, КОНЕЧНО, СЯДУТ, НО Я ДУМАЮ, ЧТО УЖЕ ПОЗДНО ЗАБОТИТЬСЯ О СОХРАНЕНИИ ЭНЕРГИИ, НЕ ТАК ЛИ? В ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫЕ УПОРЫ, КОТОРЫМИ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ МОНОРЕЛЬС, Я ВРЕЖУСЬ НА СКОРОСТИ ДЕВЯТЬСОТ МИЛЬ В ЧАС, ИЛИ ПЯТЬСОТ ТРИДЦАТЬ КОЛЕС. УВИДИМСЯ, АЛЛИГАТОР. ДО СКОРОГО, КРОКОДИЛ, НЕ ЗАБУДЬ НАПИСАТЬ. Я ГОВОРЮ ВАМ ВСЕ ЭТО, ПОТОМУ ЧТО ПРЕВЫШЕ ВСЕГО ЦЕНЮ ЧЕСТНУЮ ИГРУ, МОИ ИНТЕРЕСНЫЕ НОВЫЕ ДРУЗЬЯ. ЕСЛИ ВЫ ПРИПАСЛИ САМЫЕ ИНТЕРЕСНЫЕ ЗАГАДКИ НА КОНЕЦ, САМОЕ ВРЕМЯ ПЕРЕЙТИ К НИМ СЕЙЧАС.

Голос Блейна пропитала алчность – неприкрытое желание услышать и отгадать все их загадки. И Сюзанну захлестнуло чувство обреченности.

– Я могу не успеть загадать тебе все самые лучшие загадки, – как бы между прочим заметил Роланд. – Стоит ли так спешить?

Короткая пауза, но гораздо более длинная, чем после любой из загадок Роланда, а потом Блейн хохотнул. Как же Сюзанна ненавидела этот безумный смех, звучащий в нем цинизм, от которого у нее стыла кровь. Может, потому, что смеялся он, как обычный человек.

– ОТЛИЧНО, СТРЕЛОК. УДАЧНЫЙ ХОД. НО ТЫ НЕ ШАХРАЗАДА, ДА И НЕТ У НАС ТЫСЯЧИ И ОДНОЙ НОЧИ, ЧТОБЫ РАЗГОВОРЫ РАЗГОВАРИВАТЬ.

– Я не понимаю тебя. И не знаю никакой Шахразады.

– НЕ ВАЖНО. СЮЗАННА ПРОСВЕТИТ ТЕБЯ, ЕСЛИ ТЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ХОЧЕШЬ ЗНАТЬ. МОЖЕТ, ДАЖЕ ЭДДИ. ДЕЛО В ТОМ, РОЛАНД, ЧТО ОБЕЩАНИЯМИ НОВЫХ ЗАГАДОК МЕНЯ НЕ СБИТЬ С ЦЕЛИ. МЫ ИГРАЕМ НА ГУСЯ. В ТОПИКЕ ОДИН ИЗ НАС ДОЛЖЕН ЕГО ПОЛУЧИТЬ, ТЫ ЭТО ПОНИМАЕШЬ?

Вновь изувеченная рука поднялась к щеке. Снова Сюзанна услышала, как заскрежетала щетина по мозолям.

– Мы обо всем договорились. Никто не отказывается.

– ПРАВИЛЬНО. НИКТО НЕ ОТКАЗЫВАЕТСЯ.

– Хорошо, Блейн, тогда продолжим состязание. Следующая загадка.

– КАК ВСЕГДА, ЖДУ С НЕТЕРПЕНИЕМ.

Роланд посмотрел на Джейка.

– Готовься, Джейк, я почти иссяк.

Джейк кивнул.

А под ними двигатели монопоезда начали прибавлять мощности: послышалось гудение, чуть завибрировал пол.

*Крушения не произойдет, если в книге Джейка найдется загадка, которую Блейну не отгадать*, думала Сюзанна. *Роланду Блейна не остановить, и он, мне кажется, это знает. Думаю, уже час как знает.*

– Блейн, я появляюсь раз в минуту, дважды каждое мгновение, но ни разу в сто тысяч лет. Кто я?

Итак, поединок будет продолжаться, поняла Сюзанна. Роланд будет загадывать загадки, а Блейн не задумываясь их отгадывать, эдакий всевидящий, всезнающий бог. Сюзанна сидела, сцепив на коленях похолодевшие руки, наблюдая, как зеленая точка приближается к Топике, месту, где оканчивался монорельс, месту, где могла оборваться тропа их *ка-тета*. Она думала о Песьем водопаде, о каменных головах, выступающих из бешеного, бурлящего потока под звездным небом. Думала об их глазах.

Их ярко-синих глазах.

# Глава третья

## Призовой гусь

1

Эдди Дин, который не знал, что Роланд иногда держит его за *ка-мей*, то есть за дурачка в их *ка-тете*, слышал все и одновременно ничего не слышал, видел все – и ничего не видел. С начала состязания если что и произвело на него впечатление, так это огненные стрелы, вылетевшие из глаз каменных псов. Прикрывая глаза от нестерпимого блеска лучей, он думал о Портале Луча и Поляне Медведя, о том, как он приложил ухо к земле и услышал далекое урчание могучих механизмов.

Наблюдая за вспыхнувшими глазами псов, слушая, как Блейн подпитывает энергией аккумуляторы, готовясь к последнему рывку через Срединный мир, Эдди думал: *Нет тишины в холлах мертвых, не все еще порушено. Даже теперь часть наследия древних еще функционирует. Вот это действительно ужасно, не так ли? Да. Вот в чем весь ужас.*

На короткое время Эдди оставался со своими друзьями не только телом, но и мыслями. А потом вновь отсек от себя реальность. *Эдди в улете*, сказал бы Генри, *не надо его трогать.*

Опять перед его мысленным взором возник Джейк с кремнем и огнивом. Застыл на секунду или две, как шмель над благоухающим нектаром цветком, а затем Эдди отогнал его прочь. Потому что вспомнить он хотел другое. И образ Джейка с кремнем и огнивом лишь помогал вспомнить это другое, направлял его к другой двери вроде тех, что встретились им на берегу Западного моря, или той, что он расчистил в грязи говорящего кольца, перед тем как они «извлекли» Джейка... только дверь эта находилась в его голове. А то, что ему требовалось, – за дверью. И он... в определенном смысле... ковырялся в замке.

Торчал, на языке Генри.

Старшему брату нравилось унижать его (в конце концов Эдди понял, в чем причина: Генри боялся его и завидовал), но Эдди навсегда запомнил один случай, когда Генри потряс его, сказав о нем добрые слова. *Не просто добрые – хвалебные.*

Их компания сидела в проулке за «Дали», некоторые сосали «попсиклс», кто-то ел «худзи рокетс», кто-то курил сигареты из пачки «Кента», которую Джимми Полино, Джимми Полно, так его звали из-за изуродованной в результате болезни ступни, украл с туалетного столика матери. Генри, естественно, был среди тех, кто курил.

В компании, вернее, банде, к которой принадлежал Генри (и Эдди тоже, как его младший брат) существовал свой «птичий» язык, с особыми терминами, владение которым свидетельствовало о принадлежности к их пародии на *ка-тет*. В шайке Генри не били – *знали домой с гребаным пером в заднице*. С девчонками не перепихивались – *затраховали паскуд до слез*. Не обдалбливались – *торчали до усрачки*. С другими бандами не дрались – *нарывались на гребаное падло*.

В тот день речь шла о том, с кем бы каждый хотел быть, если б пришлось нарваться на гребаное падло. Джимми Полно (ему пришлось говорить первым, потому что он притащил сигареты, по местной терминологии – *гребаные канцероноски*) высказался за Шкипера Браннигэна, потому что, по мнению Джимми, Шкипер никого не боялся. Одни раз, сказал Джимми, Шкипер так разозлился на учителя на танцах в школе в пятницу вечером, что

*вышиб* из него все дерьмо. Погнал *гребаного говнюка* домой с пером в заднице. Поэтому он и остановил свой выбор на Шкипере Браннигэне.

Все внимательно слушали, согласно кивая головами, ели «рокетсы», посасывали «попсиклсы», курили «кенты». Все знали, что Шкипер Браннигэн гребаный сосунок, а Джимми несет околесицу, но никто ничего не сказал. Господи, естественно, не сказал. Если б они не притворялись, что верят выдумкам Джимми, никто бы не стал притворяться, что верит их выдумкам.

Томми Фредерикс высказался за Джона Парелли. Джорджи Пратт – за Кзабу Драбника, которого за глаза звали не иначе как спятивший гребаный венгр. Френк Дуганелли выбрал себе в напарники Ларри Макейна, хотя Ларри и сидел в исправительном центре для несовершеннолетних. Жаль, что Ларри замели, вздохнул Френк.

Когда очередь дошла до Генри Дина, тот основательно обдумал вопрос, благо он того заслуживал, а потом неожиданно обхватил рукой плечи брата.

*Эдди, сказал он. Мой младший брат. Он – мужик.*

Все ошарашенно воззрились на него, а больше всех удивился Эдди. Челюсть у него отвисла чуть ли не до пряжки ремня. Тут Джимми и скажи: *Перестань, Генри, не валяй дурака. Это серьезный вопрос. Кому бы ты доверил прикрыть спину, если б тебе пришлось нарваться на гребаное падло?*

*Я и так серьезно,* ответил Генри.

*Почему Эдди,* спросил Джорджи Пратт, озвучив вопрос, которым задался Эдди. *У него еще молоко на губах не обсохло. Так какого хрена?*

Генри вновь задумался, не потому, что не знал ответа, знал, Эдди в этом не сомневался, но чтобы подобрать нужные слова. А потом сказал: *Потому что когда Эдди в ударе, он может уговорить дьявола прыгнуть в его же костер.*

Вернулся образ Джейка, одно воспоминание наложилось на другое. Джейк бил кремнем по огниву, высекая искры на растопку, но искры или не долетали, или гасли, не зажигая огня.

*Он может уговорить дьявола прыгнуть в его же костер.*

*Придвинь камень,* сказал Роланд, и тут на два образа наложился третий: Роланд у двери, к которой они подошли на пляже, горящий в лихорадке, умирающий, дрожащий, как лист на ветру, кашляющий, не отрывающий синих глаз от Эдди, говорящий: *Наклонись ближе, Эдди, наклонись ближе, ради твоего отца.*

*Потому что он хотел схватить меня,* подумал Эдди. Откуда-то издалека, словно из другого мира, находящегося за одной из этих волшебных дверей, он услышал слова Блейна о том, что игра подходит к концу. Если они приберегли свои лучшие загадки, пора выкладывать их на стол. У них остался час.

*Час! Только час!*

Его мозг попытался сфокусироваться на этой мысли, но Эдди прогнал ее прочь. Что-то в нем происходило (по крайней мере он на это надеялся), шел какой-то лихорадочный поиск, и он не мог позволить своему мозгу отвлекаться на ультиматумы свихнувшейся машины. Если позволит, то потеряет единственный оставшийся шанс на спасение. В определенном смысле он снова пытался разглядеть что-то в куске дерева, нечто такое, что он мог вырезать: лук, рогатку, может, ключ, чтобы открыть какую-то невообразимую дверь. И он не мог смотреть слишком долго, потому что это нечто ускользнуло бы от взгляда. Это нечто требовалось ухватить сразу, мгновенно.

Эдди почувствовал, как под полом загудели моторы Блейна. Мысленным взором увидел,

как брызнули искры при соударении кремня и огнива, мысленно услышал, как Роланд советует Джейку придвинуть камень к растопке. *И не бей по нему огнивом, Джейк, скреби.*

Почему я здесь? Если это не то, что мне надо, почему моя память вновь и вновь возвращает меня в это место?

Потому что дальше нельзя, там зона безумия, и само приближение к ней заставило меня вспомнить о Генри. Привело меня к Генри.

*Генри сказал, что я могу уговорить дьявола прыгнуть в его же костер.*

*Да. За это я его всегда любил. Приятно осознавать, что брат такого высокого о тебе мнения.*

И теперь Эдди видел, как Роланд пододвигает руки Джейка, одну – с кремнем, другую – с огнивом, ближе к растопке. Джейк нервничает. Эдди это видит. Роланд – тоже. И, чтобы снять волнение мальчика, отвлечь его, заставить на мгновение забыть о том, что ему надо разжечь костер, Роланд...

*Он загадал мальчику загадку.*

Эдди Дин дыхнул в замочную скважину двери своей памяти, которая до этого никак не хотела открываться. На этот раз она подалась.

## 2

Зеленая точка приближалась к Топике, и Джейк впервые ощутил легкую вибрацию... словно поезд превысил предельную скорость, при которой амортизаторы могли полностью компенсировать возникающие возмущения. Стены и потолок «баронского» салона оставались непрозрачными, но Джейк и так мог представить себе пролетающие мимо окрестности. Блейн на всех парах мчался через бесплодные земли к тому месту, где заканчивался Срединный мир. Без труда представил себе Джейк и стальные упоры в конце монорельса. Выкрашенные в чередующиеся желтую и черную полосы. Он не знал, откуда ему это известно, но нисколько не сомневался, что так оно и есть.

– ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ МИНУТ, – самодовольно заявил Блейн. – ХОЧЕШЬ ЗАГАДАТЬ ЕЩЕ ЗАГАДКУ, СТРЕЛОК?

– Боюсь, что нет, Блейн. – По голосу чувствовалось, что Роланд полностью выдохся. – Я иссяк, ты меня победил. Джейк?

Джейк поднялся, повернулся лицом к карте-схеме. Сердце его билось очень медленно, но очень сильно, удары пульса гремели, как барабаны. Ыш устроился у ног Джейка, озабоченно глядя ему в лицо.

– Привет, Блейн. – Джейк облизал пересохшие губы.

– ПРИВЕТ, ДЖЕЙК ИЗ НЬЮ-ЙОРКА. – Добрый голос такого милого старичка, у которого вошло в привычку время от времени развращать малолетних, уводя их за кусты. – СОБИРАЕШЬСЯ ЗАГАДАТЬ ЗАГАДКИ ИЗ СВОЕЙ КНИГИ? ВРЕМЯ НАШЕГО ОБЩЕНИЯ ИСТЕКАЕТ.

– Да. Загадаю тебе эти загадки. Надеюсь, они покажутся тебе сложными, Блейн.

– ПОСТАРАЮСЬ СПРАВИТЬСЯ С НИМИ, ДЖЕЙК ИЗ НЬЮ-ЙОРКА.

Джейк раскрыл книгу на странице, заложенной пальцем. Десять загадок. Одиннадцать, считая с Самсоновой, которую он решил оставить напоследок. Если Блейн ответит на все (а Джейк предчувствовал, что так оно и будет), Джейк намеревался сесть рядом с Роландом, посадить Ыша на колени и ждать конца. Есть же и другие миры, кроме этого.

– Слушай, Блейн. В темном тоннеле лежит железное чудовище. Оно может атаковать, лишь подавшись назад. Что это?

– ПУЛЯ, – ни малейшего колебания.

– Ходишь по живым – лежат тихо, ходишь по мертвым – громко ворчат. Кто они?

– ОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ, – ни малейшего колебания.

Если Джейк действительно знал, что игра проиграна, почему он чувствовал такое отчаяние, такую горечь, такую злость?

*Потому что он – боль, вот почему. Блейн – действительно СИЛЬНАЯ боль, я и хотел бы, чтобы он хоть раз прочувствовал на себе, что это такое. А второе мое желание – чтобы он остановился хоть на секунду.*

Джейк перевернул страницу. До вырванных ответов оставалось совсем немного. Он чувствовал пальцем оторванные корешки. Книга вот-вот закончится. Джейк подумал об Эроне Дипно из «Манхэттенского ресторана для ума». Эрон Дипно приглашал его зайти еще раз, поиграть в шахматы, и, между прочим, старик-толстяк варил отличный кофе. В Джейке внезапно проснулась тоска по дому. Он почувствовал, что готов продать душу за один взгляд на Нью-Йорк. Черт, да он продал бы ее за возможность один раз вдохнуть загазованного воздуха на Сорок второй улице в час пик.

Он отогнал тоску прочь и перешел к следующей загадке.

– Я – изумруды и бриллианты, потерянные луной. Меня скоро найдет и поднимет солнце. Кто я?

– РОСА.

Безжалостная точность. И ни малейшего колебания.

Зеленая точка сближалась с Топикой, зазор между ней и последним кружком на карте-схеме неумолимо сокращался. Одну за другой Джейк загадывал загадки. Одну за другой Блейн их разгадывал. Перевернув последнюю страницу, Джейк увидел обращение издателя или редактора к читателям: *Мы надеемся, что вы насладились уникальной возможностью дать волю своим воображению и логическому мышлению. Раскрыться в полной мере им позволяют только ЗАГАДКИ!*

*Я наслаждения не получил,* подумал Джейк. *Не получил абсолютно никакого наслаждения, и я надеюсь, что ты подавишься своим самодовольством.* Он прочитал последнюю загадку, и у него затеплилась надежда. Ему показалось, что разгадать ее невозможно.

На карте-схеме расстояние до Топики сократилось до ширины пальца.

– Поторопись, Джейк, – прошептала Сюзанна.

– Блейн?

– ДА, ДЖЕЙК ИЗ НЬЮ-ЙОРКА?

– Без крыльев я летаю. Без глаз я вижу. Без рук я поднимаюсь. Пугливее, чем любой зверь, сильнее, чем любой враг. Мне свойственны хитрость, безжалостность, я могу прихвастнуть. В конце концов я всегда беру верх. О чем идет речь?

Стрелок вскинул голову, синие глаза блеснули. Сюзанна перевела взгляд с лица Джейка на карту-схему. Однако Блейн, как всегда, ответил без запинки.

– ВООБРАЖЕНИЕ МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ.

Джейк уже собрался заспорить, но подумал: *зачем тратить драгоценное время?* Ответ, похоже, правильный. Другого и быть не могло.

– Спасибо, Блейн, ты ответил правильно.

– И ПРИЗОВОЙ ГУСЬ УЖЕ МОЙ. СУДЯ ПО ВСЕМУ, Я ПОБЕДИЛ. МЫ ПРИБЫВАЕМ ЧЕРЕЗ ДЕВЯТНАДЦАТЬ МИНУТ И ПЯТЬДЕСЯТ СЕКУНД. ЕСТЬ ТЕБЕ ЧТО ЕЩЕ СКАЗАТЬ, ДЖЕЙК ИЗ НЬЮ-ЙОРКА? ВИДЕОСЕНСОРЫ ПОКАЗЫВАЮТ, ЧТО КНИЖКА ТВОЯ ЗАКОНЧИЛАСЬ. ОНА, ДОЛЖЕН СКАЗАТЬ, НЕ ТАК ХОРОША, КАК Я НАДЕЯЛСЯ.

– Все горазды критиковать, – бросила Сюзанна. Вытерла слезу, скатившуюся из глаза. Стрелок, не поворачиваясь к ней, взял ее за руку.

– Да, Блейн, у меня есть еще одна загадка.

– ПРЕВОСХОДНО.

– Из ядушего вышло ядомое, и из сильного вышло сладкое.

– ЭТА ЗАГАДКА ИЗ БИБЛИИ, ТОЙ ЧАСТИ ВЕТХОГО ЗАВЕТА, КОТОРАЯ НАЗЫВАЕТСЯ «КНИГА СУДЕЙ». – В голосе Блейна слышалась насмешка, и остатки надежды Джейка испарились как дым. Он подумал, что сейчас заплачет, не от страха – от раздражения. – ЗАГАДАЛ ЕЕ САМСОН СИЛЬНЫЙ. ЯДУЩЕЕ – ЛЕВ. СЛАДКОЕ – МЕД, ПРИНЕСЕННЫЙ ПЧЕЛАМИ, КОТОРЫЕ ПОСЕЛИЛИСЬ В ЧЕРЕПЕ ЛЬВА. БУДЕШЬ ЗАГАДЫВАТЬ ЕЩЕ? У ТЕБЯ ЕЩЕ БОЛЬШЕ ВОСЕМНАДЦАТИ МИНУТ, ДЖЕЙК.

Джейк покачал головой. Выпустил книгу с загадками из рук, улыбнулся, когда Ыш поймал ее на лету и, вытянув длинную шею, протянул Джейку.

– Я загадал все. Больше нет.

– СТЫД И ПОЗОР. – В голосе Блейна вновь слышались интонации Джона Уэйна. – ПОХОЖЕ, Я ТАКИ ВЫИГРАЛ ЭТОГО ГУСЯ, ЕСЛИ ТОЛЬКО КТО-ТО ЕЩЕ НЕ ХОЧЕТ ЗАГАДАТЬ МНЕ ЗАГАДКУ. КАК НАСЧЕТ ТЕБЯ, ЫШ ИЗ СРЕДИННОГО МИРА? ЕСТЬ У ТЕБЯ ЗАГАДКИ, МОЙ МАЛЕНЬКИЙ УШАСТИК?

– Ыш! – ответил ушастик-путаник приглушенным голосом: он все еще держал книгу в зубах. Джейк с улыбкой взял книгу, сел рядом с Роландом, обнял его.

– СЮЗАННА ИЗ НЬЮ-ЙОРКА?

Она покачала опущенной головой, смотреть на карту-схему не хотелось. Повернула руку Роланда своей, мягко погладила шрамы на месте двух пальцев.

– РОЛАНД, СЫН СТИВЕНА? НЕ ВСПОМНИЛ НОВЫХ ЗАГАДОК С ЯРМАРОК ГИЛЕАДА?

Покачал головой и Роланд... а потом Джейк увидел, как вскинулся Эдди Дин. Необычная улыбка заиграла на губах Эдди, по-особенному зажглись глаза, и Джейк понял, что надежда его не покинула. Вновь расцвела в душе, яркая, горячая, живая. Как... ну, как летняя роза во всей красе.

– Блейн? – хриплым шепотом заговорил Эдди. Словно ему сдавили горло.

– ДА, ЭДДИ ИЗ НЬЮ-ЙОРКА, – с нескрываемым презрением.

– У меня есть пара загадок. Ты понимаешь, чтобы скоротать время до прибытия в Топику. – Вот тут Джейк осознал: Эдди говорит таким голосом не потому, что ему сдавило горло – он старается сдержать смех.

– ГОВОРИ, ЭДДИ ИЗ НЬЮ-ЙОРКА.

Сидя и слушая, как Джейк загадывает последние свои загадки, Эдди размышлял над рассказом Роланда о ярмарочном гусе. Потом мысли его вернулись к Генри, проследовав из пункта А в пункт В по загадочной тропе ассоциативного мышления. Или, если угодно,

маршрутом «Трансберд<sup>[8]</sup> эйрлайнз»: от гуся – к индейке. Он и Генри как-то раз заговорили о том, чтобы завязать с героином. Генри заявлял, что заморозка (по его терминологии – *стать замороженной индейкой*) – не единственный способ. Можно просто остыть (стать *холодной индейкой*). Эдди спросил, а как назвать того, кто только что ввел себе убойный передоз? И Генри не задумываясь ответил: *Его надо называть пережаренной индейкой*. Как они тогда смеялись... но теперь, по прошествии времени, странного времени, если говорить о последних событиях, получалось, что поводом для смеха был не кто иной, как младший из братьев Дин, а также новые друзья младшего брата. Выходило, что именно им уготована роль пережаренной индейки, точнее, пережаренного призового гуся.

*Если только ты не вырвешься из улета.*

Да.

*Так вырывайся, Эдди.* Вновь голос Генри, давнишнего визитера его головы, только теперь голос трезвый и ясный. Голос друга, а не врага, словно все прежние конфликты остались в прошлом, а топор войны зарыт в землю. *Вырывайся и заставь дьявола лезть в его же костер. Возможно, будет больно, но ты-то знаешь, что такое настоящая боль. Черт, да я сам причинил тебе столько боли, но ты выжил. Выжил как миленький. И ты знаешь, что от тебя требуется.*

Конечно. На том привале Джейку в конце концов удалось разжечь костер. Роланд своей загадкой снял напряжение, Джейк высек хорошую искру, растопка занялась, и вскоре они сидели у ярко пылающего костерка. Разговаривали. Разговаривали и задавали друг другу загадки.

Эдди знал и кое-что еще. Блейн разгадал сотни загадок, пока они мчались на юго-восток вдоль Тропы Луча, и остальные пребывали в полной уверенности, что на каждую он отвечал без малейшего колебания. Раньше Эдди соглашался с ними... но теперь, мысленно вернувшись к началу состязания, он вспомнил одну интересную подробность: *Блейн дернулся.*

Однажды.

*Он разозлился. То же случилось и с Роландом.*

Стрелок, которого часто выводили из себя выходки Эдди, по-настоящему выказал злость лишь единожды. После того как Эдди вырезал ключ. Роланд попытался скрыть свою злость, замаскировать ее под обычное раздражение, но Эдди ощутил ее в полной мере. Он достаточно долго прожил рядом с Генри Дином и безошибочно реагировал на отрицательные эмоции. И ему было больно не от самой злости Роланда, но от презрения, которым стрелок щедро ее сдобрил. Презрением Генри всегда пользовался с превеликим удовольствием.

*Почему мертвый младенец переходит дорогу? – спросил Эдди. Потому что сидит в курице, ха-ха-ха.*

Позже, когда Эдди попытался защитить свою загадку, говоря, что она, возможно, безвкусная, но остроумная, Роланд отреагировал практически так же, как Блейн: *Плевать я хотел на вкус. Она бессмысленная и не имеющая решения, а потому глупая. О хорошей загадке такого не скажешь.*

Но когда Джейк иссяк, загадав все загадки, Эдди внезапно открылась удивительная, развязывающая ему руки истина: понятие «хорошо» – это для благородных. Так было всегда, так и будет. Даже если человеку, использующему это понятие, тысяча лет и стреляет он, как Буффало Билл. Роланд сам признавал, что в загадках он не силен. Его учитель полагал, что Роланд слишком уж глубоко задумывается. Его отец считал, что причина – в недостатке



воображения. Так или иначе, Роланд из Гилеада никогда не выигрывал ярмарочные состязания. Он пережил всех своих современников, и это, несомненно, тянуло на приз, но никогда не получал призового гуся. *Я всегда мог выхватить оружие быстрее любого из моих знакомых, но вот хитрые загадки мне не давались.*

Эдди, помнится, пытался сказать Роланду, что шутки и загадки предназначены для того, чтобы развить зачастую скрытый талант, но Роланд его проигнорировал. Точно так же, предполагал Эдди, дальтоник пропускает мимо ушей описание радуги.

Эдди подумал, что у Блейна могут возникнуть трудности с хитрыми, а вернее, нехорошими загадками.

Эдди слышал, как Блейн опрашивает всех, даже Ёша, не осталось ли у кого не загаданных ему загадок. Он слышал откровенную насмешку в голосе Блейна, очень даже хорошо слышал. Несомненно, слышал. Потому что он возвращался. Возвращался из улета. Возвращался, чтобы проверить, сможет ли уговорить дьявола прыгнуть в его же костер. Оружие на этот раз помочь не могло, но он мог прекрасно обойтись без оружия. Потому что...

*Потому что я стреляю умом. Моим умом. Господи, помоги мне пришить этот раздувшийся калькулятор моим умом. Помоги мне обхитрить его.*

– Блейн, – начал он, а потом, когда компьютер соблаговолит обратить на него внимание, добавил: – У меня есть пара загадок. – Когда он произносил эти слова, ему открылась еще одна удивительная истина: он с трудом сдерживал смех.

4

– ГОВОРИ, ЭДДИ ИЗ НЬЮ-ЙОРКА.

Эдди не успевал сказать остальным, чтобы они приготовились ко всяким неожиданностям, но, судя по их лицам, в этом не было необходимости. Эдди забыл о них и сосредоточился на Блейне.

– Что это такое, о четырех колесах и воняет?

– ГОРОДСКАЯ МУСОРОВОЗКА, КАК Я УЖЕ ГОВОРИЛ. – Неодобрение... или неприязнь? Да, похоже, голос пропитан и тем и другим. – ТЫ ТАК ГЛУП ИЛИ НЕВНИМАТЕЛЕН, ЧТО ЭТОГО НЕ ПОМНИШЬ? ЭТО ЖЕ ПЕРВАЯ ЗАГАДКА, КОТОРУЮ ВЫ МНЕ ЗАГАДАЛИ.

*Да, подумал Эдди. И именно тогда мы упустили главное, потому что хотели победить тебя какой-нибудь архитрудной загадкой из прошлого Роланда или книжки Джейка. Иначе состязание тогда бы и закончилось.*

– Тебе она не понравилась, не так ли, Блейн?

– Я НАШЕЛ ЕЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ГЛУПОЙ, – согласился Блейн. – МОЖЕТ, ПОТОМУ-ТО ТЫ ЗАДАЛ ЕЕ ВТОРОЙ РАЗ. СВОЙ СВОЯКА ВИДИТ ИЗДАЛЕКА, ЭДДИ ИЗ НЬЮ-ЙОРКА, НЕ ТАК ЛИ?

Улыбка осветила лицо Эдди, он ткнул пальцем в карту-схему:

– Палкой и камнями можно переломать мне кости, но слова вреда не принесут. Или, как говорили у нас в Нью-Йорке: «Можешь поносить меня по-всякому, но чтобы оттрахать твою мамашку, член у меня все равно встанет».

– Поторопись! – прошептал Джейк. – Если ты можешь что-то сделать, не теряй времени!

– Он не любит глупых вопросов, – гнул свое Эдди. – Он не любит глупых игр. И мы это

знали. Все написано в «Чарли Чу-Чу». И сколько глупости ты сможешь проглотить? Черт, вот в какой книжке следовало искать ответ, вместо того чтобы ставить на «Загадки». Да только мы этого не понимали.

Эдди попытался вспомнить еще одну загадку из экзаменационного сочинения Джейка. Вспомнил. Озвучил.

– Блейн, когда дверь нельзя открыть?

Вновь раздался цокающий звук, впервые после того, как Сюзанна загадала Блейну загадку о некоем вонючем предмете о четырех колесах. Пауза получилась короче, чем после загадки Сюзанны, с которой началось состязание, но она была... Эдди это почувствовал.

– КОГДА ОНА ОТКРЫТА, – с обидой в голосе ответил Блейн. – ТРИНАДЦАТЬ МИНУТ И ПЯТЬ СЕКУНД ДО ПРИБЫТИЯ В ТОПИКУ, ЭДДИ ИЗ НЬЮ-ЙОРКА. ТЫ ХОЧЕШЬ УМЕРЕТЬ С ТАКИМИ ГЛУПЫМИ ЗАГАДКАМИ НА ЯЗЫКЕ?

Эдди сел, не спуская глаз с карты-схемы. Его улыбка стала шире, хотя он и чувствовал, как по спине текут струйки пота.

– Хватит скулить, приятель. Если хочешь удостоиться чести размазать нас по округе, придется поиметь дело с несколькими загадками, которые, возможно, не полностью соответствуют твоим логическим стандартам.

– ТЫ НЕ ДОЛЖЕН ГОВОРИТЬ СО МНОЙ ПОДОБНЫМ ОБРАЗОМ.

– А если буду? Ты меня убьешь? Не смей меня. Продолжим. Ты согласился играть. Вот и играй.

Карта-схема блеснула розовым.

– Ты его злишь, – скорбно заметил Маленький Блейн. – Ты очень его злишь.

– Отвали, недоносок, – беззлобно бросил Эдди, а когда розовое свечение погасло и на карте-схеме вновь появилась зеленая точка, продолжил. – Отгадывай, Блейн: А, И, Б сидели на трубе, А упало, Б пропало, что осталось на трубе?

– ТАКАЯ ЗАГАДКА НЕДОСТОЙНА НАШЕГО СОСТЯЗАНИЯ. Я ОТВЕЧАТЬ НЕ БУДУ. – Даже тембр его голоса изменился, теперь он говорил как четырнадцатилетний подросток, у которого вот-вот сломается голос.

Глаза Роланда яростно вспыхнули.

– Что ты сказал, Блейн? Правильно ли я тебя понял? Ты признаешь, что не знаешь ответа?

– НЕТ! РАЗУМЕЕТСЯ, НЕТ! НО...

– Тогда отвечай, если можешь. Отвечай на загаданную тебе загадку.

– ЭТО НЕ ЗАГАДКА! – Блейн разве что не плакал. – ЭТО ШУТКА! ДЕТСКАЯ ШУТКА ДЛЯ ГЛУПЫХ ДЕТЕЙ!

– Отвечай, а не то я объявлю состязание законченным, а наш *ка-тет* — победителем. – Роланд говорил тем же властным тоном, что Эдди впервые услышал в Речном Перекрестке. – Ты должен ответить, потому что глупость, на которую ты ссылаешься, не есть нарушение правил, установленных нами по взаимной договоренности.

Вновь что-то зацокало, на этот раз громче, так громко, что Эдди даже скривился. А Ыш прижал уши к спине. За звуками последовала пауза, долгая, в три секунды.

– РАЗУМЕЕТСЯ, И, – обиженно ответил Блейн. – ЕЩЕ ОДНА ФОНЕТИЧЕСКАЯ ЗАГАДКА. И – НЕ ТОЛЬКО СОЮЗ, НО И БУКВА ВЫСОКОГО СЛОГА, ТАКАЯ ЖЕ, КАК А ИЛИ Б. МНЕ ПРОТИВНО ОТВЕЧАТЬ НА СТОЛЬ НЕДОСТОЙНУЮ ЗАГАДКУ.

Эдди поднял правую руку. Потер указательный палец о большой.

– ЧТО СИЕ ОЗНАЧАЕТ, ГЛУПЕЦ?

– Это самая маленькая в мире скрипочка, играющая известную в узких кругах мелодию «А моему сердцу на тебя начхать», – ответил Эдди. Джейк расхохотался. – Извини меня за мой дешевый нью-йоркский юмор. Вернемся к состязанию. Почему лейтенанты полиции опоясываются ремнями?

Лампы в салоне для баронов замигали. Что-то странное начало твориться со стенами, они то приобретали, то теряли прозрачность. У Эдди, хоть и видел он все это лишь боковым зрением, закружилась голова.

– Блейн? Отвечай.

– Отвечай, – поддержал его Роланд. – Отвечай, а не то я объявлю, что состязание окончено, и признаю тебя проигравшим.

Что-то коснулось локтя Эдди. Он скосился вниз и увидел маленькую, изящную руку Сюзанны. Взял ее в свою, пожал, улыбнулся. В надежде, что в улыбке будет больше уверенности, чем в его сердце. Дело шло к тому, что они выиграют состязание, он в этом практически не сомневался, но Эдди понятия не имел, как поведет себя Блейн, когда (и если) это произойдет.

– ЧТОБЫ... ЧТОБЫ НЕ УПАЛИ ШТАНЫ? – Голос Блейна окреп, он повторил те же слова, но уже утвердительно. – ЧТОБЫ НЕ УПАЛИ ШТАНЫ. ЗАГАДКА ОСНОВАНА НА УТРИРОВАННОЙ ПРОСТОТЕ...

– Ответ правильный. Молодец, Блейн, но не пытайся тянуть время. Не получится. Следующая...

– Я НАСТАИВАЮ НА ТОМ, ЧТОБЫ ТЫ ПРЕКРАТИЛ ЗАГАДЫВАТЬ МНЕ ЭТИ ГЛУПЫЕ...

– Тогда останови поезд, – оборвал его Эдди. – Если ты так расстроился, немедленно останавливай поезд, а я перестану загадывать загадки.

– НЕТ.

– Как скажешь. Тогда продолжим. Что это такое: ирландское и остается вне дома, даже в дождь?

На этот раз зацокало так громко, что в барабанные перепонки Эдди словно впились острые иголки. Пауза продлилась пять секунд. Зеленая точка практически соприкоснулась с кружком, обозначающим на карте-схеме Топику. Потом последовал ответ:

– МЕБЕЛЬ ПЭДДИ<sup>[9]</sup>

Правильный ответ на шутку-загадку, которую Эдди услышал в проулке за «Дали» или в каком-то другом месте, где собиралась их банда, дался Блейну нелегко. Видать, ему пришлось вывернуться наизнанку. Лампы в «баронском» салоне замигали еще сильнее, зажужжали. У Эдди создалось ощущение, что они вот-вот начнут лопаться одна за другой.

Карта-схема окрасилась в розовый свет.

– Прекратите! – заверещал Маленький Блейн пронзительным голосом персонажа одного из старых мультфильмов «Уорнер бразерз». – Прекратите, вы же его убиваете!

*А что, по-твоему, он пытается сделать с нами, недоносок?* – подумал Эдди.

Он хотел было приложить Блейна загадкой, которую загадал, сидя у костра Джейк (зеленое, весит сто тонн, живет на дне морском – Моби Сопля), но передумал. Ему хотелось как можно дальше уйти от той логики, к которой привык Блейн. Выйти на недоступный компьютеру сюрреалистический уровень, с тем чтобы окончательно раздавить его. Окончательно и бесповоротно. Потому что какие бы человеческие эмоции ни позволяли

имитировать диполярные цепи, Блейн все равно оставался машиной. И следуя за Эдди в Сумеречную зону, Блейн мог окончательно свихнуться.

– Почему люди идут к кровати, Блейн?

– ПОТОМУ ЧТО... ПОТОМУ ЧТО... БОГИ ТЕБЯ ПОБЕРИ, ПОТОМУ ЧТО...

Под ногами у них что-то закрипело, салон для баронов резко качнуло сначала вправо, потом влево. Сюзанна закричала. Джейка бросило ей на колени. Стрелок подхватил их обоих.

– ПОТОМУ ЧТО КРОВАТЬ НЕ ИДЕТ К НИМ, БОГИ ТЕБЯ ПОБЕРИ! ДЕВЯТЬ МИНУТ И ПЯТЬДЕСЯТ СЕКУНД!

– Сдавайся, Блейн, – великодушно предложил Эдди. – Остановись, прежде чем я окончательно пережгу тебе мозги. Если не остановишься, так и будет. Мы оба это знаем.

– НЕТ!

– У меня же миллион этих хохмочек. Я их слышал всю жизнь. Они прилипли к моей памяти, как мухи прилипают к клейкой бумаге. Другие точно так же запоминают рецепты. Так что скажешь? Сдаешься?

– НЕТ! ДЕВЯТЬ МИНУТ И ТРИДЦАТЬ СЕКУНД!

– Хорошо, Блейн. Ты сам на это напросился. Вот тебе одна из лучших. Почему мертвый младенец идет через дорогу?

Поезд дернулся. Эдди так и не понял, каким чудом он удержался на рельсе, но удержался. Скрип под ногами стал громче. Теперь не только стены, но и пол, и потолок то обретали, то теряли прозрачность. В какой-то момент они сидели в консервной банке, в следующий летели над простирающейся до горизонта серой равниной.

А из динамиков рвался голос насмерть перепуганного ребенка.

– Я ЗНАЮ, ОДИН МОМЕНТ, Я ЗНАЮ, ПОВТОРИТЬ ПРОЦЕСС, ЗАДЕЙСТВОВАТЬ ВСЕ ЛОГИЧЕСКИЕ ЦЕПОЧКИ...

– Отвечай, – потребовал Роланд.

– МНЕ НУЖНО ВРЕМЯ! ВЫ ДОЛЖНЫ ДАТЬ МНЕ ВРЕМЯ! – Тут же Блейн торжественно завопил: – ВРЕМЕННЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ НА ОТВЕТ НЕ УСТАНОВЛИВАЛИСЬ, РОЛАНД ИЗ ГИЛЕАДА, НЕНАВИСТНЫЙ СТРЕЛОК ИЗ ПРОШЛОГО, КОТОРОМУ СЛЕДОВАЛО ОСТАТЬСЯ СРЕДИ МЕРТВЫХ!

– Не устанавливались, – согласился Роланд. – Но ты не можешь убить нас, не разгадав загадку, Блейн, а Топика совсем рядом. Отвечай!

Стены салона вновь исчезли, и Эдди увидел, как мимо пронеслись огромные высокие башни элеватора. Тех мгновений, что элеватор оставался в поле зрения, едва хватило, чтобы его идентифицировать. Вот когда он в полной мере оценил безумную скорость, с которой несся монопоезд. Небось быстрее самолета на добрые три сотни миль в час.

– Оставьте его в покое, – простонал Маленький Блейн. – Вы же его убиваете! *Убиваете!*

– Разве не этого он хотел? – спросила Сюзанна голосом Детты Уолкер. – Умереть? Так он сам говорил. Мы не возражаем. Ты – парень неплохой, Маленький Блейн, но даже такой гребаный мир, как этот, будет лучше без твоего большого брата. Мы возражали против того, чтобы он взял с собой и нас.

– Последний шанс, – провозгласил Роланд. – Отвечай или забудь про гуся, Блейн.

– Я... Я... ВЫ... ШЕСТНАДЦАТЬ ДРОБЬ ТРИДЦАТЬ ТРИ... ВСЕ АВТОНОМНЫЕ... АНТИ... АНТИ... ВСЕ ЭТИ ГОДЫ... ЛУЧ... ПОТОП... ПИФАГОР... КАРТЕЗИАНСКАЯ ЛОГИКА... СМОГУ Я... СУМЕЮ Я... БРАТЯ ЭЛЛМАН... ПАТРИЦИЯ... КРОКОДИЛ И

УЛЫБКА... ЦИФЕРЬЛАТ... ТИК-ТАК, ОДИННАДЦАТЬ ЧАСОВ, ЧЕЛОВЕК НА ЛУНЕ И ГОТОВ ПРЫГНУТЬ... НЕ ОСТАНАВЛИВАЙСЯ, НЕ ОСТАНАВЛИВАЙСЯ, MON CHER... О, МОЯ ГОЛОВА... БЛЕЙН... БЛЕЙН СУМЕЕТ... БЛЕЙН ОТВЕТИТ... Я...

Блейн уже вопил, как младенец, перескочил на какой-то другой язык и запел. Эдди решил, что поет Блейн по-французски. Слов он не знал, но когда включились барабаны, мелодию он узнал: «Велкро флай» в исполнении «Зи-Зи-Топ».

Стекло, прикрывающее карту-схему, разлетелось. Мгновением позже сама карта-схема вылетела из гнезда, открыв поблескивающие лампочки и транзисторные платы, скрывающиеся за ней. Лампочки пульсировали в такт барабанам. Внезапно язык синего пламени вырвался из черного прямоугольника, который занимала карта-схема, мгновенно закоптив стену. А откуда-то спереди, от каплеобразной морды Блейна, донесся нарастающий скрежет.

– Он переходит дорогу, потому что сидит в курице, козел! – закричал Эдди. И направился к дымящейся дыре. Сюзанна успела схватить его за рубашку, но Эдди словно этого и не заметил, шагал как шагал. Похоже, напрочь забыв, где находится. Огонь битвы охватил Эдди, распалив своим праведным жаром. Взор его сверкал, синапсы раскалились, сердце пылало. Он держал Блейна на мушке, знал, что существо, стоящее за голосом, смертельно ранено, но продолжал нажимать на спусковой крючок: *Я стреляю умом.*

– Какая разница между грузовиком с мячами для боулинга и грузовиком с дохлыми сурками? – гремел Эдди. – Мячи для боулинга не разгрузить вилами!

Раздирающий душу вопль, полный злобы и смертной муки, вырвался из дыры, которую закрывала карта-схема. Вновь полыхнул синий огонь, словно в носовой части салона электрический дракон разинул пасть и выдохнул. Джейк криком предупредил об опасности, но Эдди не нуждался в подсказках: его рефлексy обострились до предела. Он нырнул, и электрический разряд прошел над его правым плечом. Только волосы встали дыбом. Эдди выхватил револьвер, тяжелый револьвер сорок пятого калибра, с рукояткой из сандалового дерева, один из двух револьверов, которые Роланд вынес из руин Срединного мира. Он продолжал идти к переднему торцу салона и, естественно, продолжал говорить. Как сказал Роланд, Эдди на роду написано умереть, не закрывая рта. Так вот умер и его друг Катберт. Эдди мог назвать много куда более худших способов отойти в мир иной, и только один лучший.

– Ну что, Блейн, пидор вонючий. Раз уж разговор у нас пошел о загадках, какая самая знаменитая загадка Востока? Многие курят, но не Фу Манчу! Знаешь, почему? Нет? Что ж ты у нас такой козел. А как насчет этой? Почему женщина назвала своего сына Семь-с-половиной? Потому что вытащила его имя из шляпы!

Он уже добрался до пульсирующего прямоугольника. Поднял револьвер Роланда, и салон для баронов наполнил грохот. Он всадил в дыру все шесть пуль, всякий раз взводя курок ладонью, как показывал им Роланд, твердо зная, что все делает правильно, что так и надо... это и есть *ка*, черт побери, гребаная *ка*, только так ты и ставишь точку, если зовешься стрелком. Он – из племени Роланда, все так, его душа, возможно, обречена гореть в самом жарком костре ада, но, черт побери, он не согласился бы ни на что другое, даже если бы ему предложили взамен весь героин Азии.

– Я ТЕБЯ НЕНАВИЖУ! – выкрикнул Блейн детским голосом. От четкого произношения не осталось и следа. Он словно набил рот кашей. – Я ВСЕГДА БУДУ ТЕБЯ НЕНАВИДЕТЬ!

– Тебя тревожит не смерть, так? – напирал Эдди. Лампочки в дыре начали меркнуть.

Вновь оттуда вылетел язык синего пламени, но Эдди пришлось лишь откинуть голову, чтобы избежать его. Слабенький был язычок, дохлый. Еще чуть-чуть, и Блейн умрет, как умерли умерщвленные им млады и седые Лада. – Ты не любишь проигрывать.

– НЕНАВИЖУ... В-Е-Е-Е-Ч-Ч-Ч...

Слово трансформировалось в гул. Гул – в урчание. Стихло и оно.

Эдди оглянулся. Роланд был рядом, поддерживая Сюзанну под круглую попку, как ребенка. Она бедрами обхватила его талию. Джейк – по другую сторону стрелка, Ыш – у его ног.

Из дыры, которую прикрывала карта-схема, потянуло горелым, запах этот не казался им неприятным. Эдди подумал, что так пахнут листья, которые сжигали в Нью-Йорке каждый октябрь. Черная дыра теперь походила на глазницу в черепе. Все лампочки в ней потухли.

*Твой гусь спекся, Блейн, подумал Эдди, и индейка изжарилась. Счастливый гребаный День поминовения.*

## 5

Перестало скрипеть и под полом. Впереди что-то грохнуло, а потом все стихло и там. Роланд почувствовал, как его мягко потащило вперед, и уперся в стену свободной рукой, чтобы не потерять равновесия. Тело поняло, что происходит, раньше головы: двигатели Блейна сдохли. И теперь они просто скользили по рельсу. Но...

– Назад, – распорядился Роланд. К самой стене. Мы катимся по инерции. Если конечная точка маршрута близко, столкновения все равно не избежать.

Он повел их мимо остатков ледяной скульптуры Блейна в заднюю часть салона.

– И держитесь подальше от этой штуковины. – Роланд указал на музыкальный инструмент, некую помесь рояля и клавесина. Инструмент стоял на низкой платформе. – Он может сползти с нее. Господи, как бы я хотел посмотреть, где мы находимся. Ложитесь на пол. Прикройте руками головы.

Они подчинились. Роланд сделал то же самое. Лежал, уперевшись подбородком в роскошный синий ковер, закрыв глаза, думая о происшедшем.

– Извини меня, Эдди, – нарушил он тишину. – Вот как поворачивается колесо *ка!* Однажды мне пришлось просить о том же моего друга Катберта... и по той же причине. Ну почему я такой слепец? *Высокомерный слепец!*

– Извиняться тебе не за что. – Чувствовалось, что Эдди неловко.

– Есть. Я с пренебрежением воспринимал твои шутки. Но именно они спасли наши жизни. Извини меня. Я забыл лицо моего отца.

– Тебе не за что извиняться и ничьего лица ты не забывал, – возразил Эдди. – Против своей природы не попрешь, Роланд.

Стрелок обдумал последнюю фразу Эдди, и ему открылось нечто восхитительное и ужасное одновременно: а ведь такая мысль никогда не приходила ему в голову. Ни разу за всю его жизнь. В том, что он пленник *ка...* об этом он знал с раннего детства. Но вот насчет своей *природы...* своего *естества...*

– Спасибо, тебе, Эдди. Я думаю...

Прежде чем Роланд успел сказать, о чем он думал, Блейн Моно прибыл на свою последнюю стоянку. Всех бросило вперед по центральному проходу «баронского» салона. Ыш затыкал. Роланд плечом ударился о перегородку. Несмотря на толстую обивку, удар был

так силен, что плечо сразу онемело. Люстру качнуло вперед и ударило о потолок. Их осыпало хрустальными осколками. Джейк откатился в сторону, вовремя освободив люстре место для приземления. Клавесин-рояль скинуло с возвышения. Он ударился о диван, перевернулся и застыл, издав долгий стон: б-р-р-р-а-н-н-н-г-г-г. Вагон перекосило вправо, и стрелок приготовился к прыжку, чтобы прикрыть своим телом Сюзанну и Джейка, если вагон перевернется. Но он вернулся в прежнее положение, пол покачался из стороны в сторону и остановился.

Путешествие закончилось.

Стрелок приподнялся. Плеча он еще не чувствовал, но рука действовала – добрый знак. Слева Джейк уже сел и стряхивал с брюк осколки хрусталя. Справа Сюзанна пыталась остановить кровь, текущую из пореза под левым глазом Эдди.

– Приехали, – объявил Роланд. – Кто ра...

Над их головами гроыхнуло, напомнив Роланду взрывы шутих, которые Катберт и Алан бросали в канавы, а то и выгребные ямы аккуратно в тот момент, когда в туалете кто-то справлял большую нужду. Однажды Катберт стрелял шутихами из рогатки. Только на этот раз они имели дело не с детскими шалостями.

Сюзанна вскрикнула, скорее от изумления, чем от страха, подумал Роланд... а потом они увидели дневной свет. Какое счастье. И свежий воздух потек к ним через взорванный люк аварийного выхода. Еще лучше. Воздух пах дождем и влажной землей.

Что-то стукнуло, и из паза вывалилась лестница со ступеньками-кольцами из скрученной стальной проволоки.

– Сперва бросаются в тебя люстрами, потом указывают на дверь. – Эдди, пошатываясь, встал, потом помог подняться Сюзанне. – Если от меня хотят отделаться, я это сразу чувствую. Что ж, зажужжим, как пчелки, и упорхнем.

– Это по мне, – Сюзанна вновь потянулась к порезу под левым глазом Эдди. Он взял ее за руку, поцеловал пальцы и предложил не суетиться понапрасну.

– Джейк? – спросил стрелок. – Как ты?

– Нормально, – отозвался Джейк. – А ты, Ыш?

– Ыш!

– Похоже, и у него все нормально. – Он поднял прокушенную руку, печально посмотрел на нее.

– Опять болит? – спросил стрелок.

– Да. Блейновы примочки больше не действуют. Ну и черт с ними... так хорошо остаться в живых.

– Да. Жизнь хороша. Как и астин. Есть он у тебя?

– Ты про аспирин?

Роланд кивнул. Магическое лекарство из мира Джейка, название которого он никак не мог произнести правильно.

– Девять из десяти врачей рекомендуют анасин, милый, – вставила Сюзанна, а когда Джейк вопросительно посмотрел на нее, добавила: – Наверное, в твоём времени им уже не пользуются, так? Ну и ладно. Мы-то здесь, сладенький мой, целые и невредимые, а это главное. – Она обняла Джейка, поцеловала его в лоб, нос, потом в губы. Джейк засмеялся и покраснел. – Это главное, и сейчас мы можем забыть обо всем остальном.

– Первая помощь подождет. – Эдди обнял Джейка за плечи и повел к лестнице. – Сможешь забраться?

– Да. Но я не смогу взять Ыша. Роланд, возьмешь его?

– Да. – Роланд подхватил Ыша и засунул за пазуху, как и в тот раз, когда спускался в подземелье, преследуя Джейка и Гашера. Ыш тарачился на Джейка блестящими, с золотистыми ободками глазами. – Поднимайся.

Джейк полез первым. Роланд следовал за ним, так близко, что Ыш, вытянув длинную шею, мог обнюхивать пятки мальчика.

– Сюз? – спросил Эдди. – Тебя подсадить?

– Чтобы ты облапал мой аккуратненький зад? Ничего не выйдет, белый красавчик! – Сюзанна подмигнула ему и начала взбираться по лестнице. Подтягиваясь на мускулистых руках, опираясь о кольца культишками ног. Поднималась она быстро, но не настолько быстро, чтобы Эдди не успел протянуть руку и ущипнуть за одно мягкое местечко. – О, моя непорочность! – вскрикнула Сюзанна, засмеялась и закатила глаза. А потом исчезла в люке.

Эдди остался один. Оглядел роскошный салон, который мог стать гробом для их *ка-тета*.

*Тебе это удалось, парень, раздался голос Генри. Удалось загнать дьявола в его костер. Помнишь, что я говорил этим недоумкам в проулке за «Дали»? Джимми Полио и остальным? И как они смеялись. Но тебе это удалось. Ты отправил его домой с пером в заднице.*

*Так или иначе, но мы сделали его, подумал Эдди, и рука его непроизвольно коснулась револьвера Роланда. На этот раз мы сумели остаться в живых.*

Он начал карабкаться по лестнице, потом остановился, посмотрел вниз. Салон для баронов уже умер. Умер *давно*. Превратился еще в один реликт мира, который «сдвинулся с места».

– Адью, Блейн, – бросил Эдди. – Счастливо оставаться, парниша.

И он последовал за своим *ка-тетом* на крышу.



Джейк стоял на чуть покосившейся крыше Блейна Моно и смотрел на юго-восток, вдоль Тропы Луча. Ветер ерошил его волосы (теперь довольно-таки длинные, с такими в школу Пайпера определенно не пустили бы), сдувал назад, с висков и лба. Глаза мальчика изумленно раскрылись.

Джейк не мог сказать, что ожидал увидеть, – возможно, более маленький и провинциальный аналог Лада, но он и *представить* себе не мог, что увидит предмет, торчащий над вершинами деревьев соседнего парка. Синий навес, особенно яркий на фоне серого осеннего неба, укрывал от осадков зеленый дорожный указатель, на котором значилось:

### АВТОСТРАДА 70

Роланд присоединился к Джейку, осторожно достал из-за пазухи Ыша, опустил на крышу. Ушастик обнюхал розовую поверхность, посмотрел вперед, на носовую часть поезда. Там гладкая пулеобразная поверхность топорщилась искореженным металлом. Две темные параллельные борозды начинались у переднего торца поезда и заканчивались в десяти ярдах от того места, где стояли Джейк и Роланд. В конце каждой торчал металлический столб, раскрашенный чередующимися черными и желтыми полосами. Эти столбы и взрезали крышу Блейна Моно. Джейку они чем-то напоминали стойки футбольных ворот.

– Это те самые упоры, о которые он и хотел разбиться, – прошептала Сюзанна.

Роланд кивнул.

– Похоже, нам повезло. Если бы он мчался быстрее...

– *Ка*, – раздался за их спинами голос Эдди. По интонации чувствовалось, что он улыбается.

Роланд вновь кивнул.

– Именно так. *Ка*.

Джейк отвернулся от столбов, опять посмотрел на щит с маркировкой дороги. Он уже убедил себя, что если щит и останется, то надпись он увидит совсем другую («ПЛАТНАЯ ДОРОГА СРЕДИННОГО МИРА» или «БЕРЕГИСЬ ДЕМОНОВ»), но прочитал на щите то же самое, что и в первый раз.

– Эдди? Сюзанна? Вы это видите?

Они проследили взглядами за его указующим пальцем. Какое-то время, достаточно долгое, чтобы Джейк успел испугаться, а не галлюцинации ли у него, они молчали. Потом паузу нарушил Эдди:

– Святое дерьмо. Неужели мы дома? Если да, то где люди? Если бы Блейн прикатил в Топику... нашу Топику, Канзасскую Топику... как могло получиться, что я не видел этого в «Шестидесяти минутах»<sup>[10]</sup>?

– Что такое «Шестидесять минут»? – спросила Сюзанна. Прикрыв ладонью глаза, она

смотрела на юго-восток, на щит.

– Телевизионная передача, – ответил Эдди. – Ты с ней разминулась на пять или десять лет. Белые господа в галстуках. Не важно. Этот указатель...

– Это Канзас, точно, – кивнула Сюзанна. – Наш Канзас, полагаю. – Она заметила другой щит, едва проглядывающий за деревьями. Показала на него Джейку, Эдди и Роланду.

*Девиз*

***КАНЗАССКОЙ ПЛАТНОЙ АВТОСТРАДЫ:***

*Без карты – никуда.*

*Загляните в дорожный атлас Рэнда Макнелли.*

– В твоём мире есть Канзас, Роланд?

– Нет, – Роланд переводил взгляд с одного щита на другой. – Мы далеко за пределами того мира, который я знал. Я покинул его задолго до того, как встретил вас троих. Это место...

Он замолчал, склонил голову набок, словно прислушивался к какому-то очень далекому звуку. И выражение его лица... Джейку все это очень не нравилось.

– Итак, дети! – радостно воскликнул Эдди. – Сегодня мы будем изучать географию Срединного мира. Видите ли, мальчики и девочки, в Срединном мире вы выходите из Нью-Йорка, путешествуете на юго-восток к Канзасу, затем следуете вдоль Тропы Луча, пока не добираетесь до Темной Башни... которая находится в самом центре. Первым делом вы сражаетесь с гигантскими лобстерами! Потом катите на сбрендившем поезде! И наконец, после короткого визита в наш любимый бар...

– Вы что-нибудь слышите? – оборвал его Роланд. – Кто-нибудь из вас?

Джейк прислушался. Ветер, шуршащий листвой деревьев в парке, листья только-только начали желтеть и опадать, постукивание коготков Ыша, двинувшегося по крыше к носовой части Моно. Потом Ыш остановился, прекратилось и постукивание...

На плечо Джейку, заставив подпрыгнуть от неожиданности, легла рука. Рука Сюзанны. Голова, склоненная набок. Глаза-блюдца. Вслушивался и Эдди. И Ыш: он наострил уши, чуть слышно зарычал.

Джейк почувствовал, как по коже у него побежали мурашки. В то же время губы затвердели, скривились в гримасе. Точно так же, как кривились они, стоило укусить лимон. Им предлагалась звуковая версия этого самого укуса. И он уже слышал нечто подобное. Несколько лет назад он видел в Центральном парке одного психа, который мнил себя музыкантом... да, психом, полагающих, что они музыканты, в Центральном парке хватало, но только этот играл на столярном инструменте. Перед тем типом рядом с лежащей полями вверх шляпой стояла табличка с надписью: «ВЕЛИЧАЙШИЙ В МИРЕ ИГРОК НА ПИЛЕ! ЗВУЧИТ, КАК ГАВАЙСКАЯ ГИТАРА, НЕ ТАК ЛИ? ПОЖАЛУЙСТА, ПОЗАБОТЬТЕСЬ О МОЕМ ПРОПИТАНИИ!»

В парк Джейк тогда ходил с Гретой Шоу, и он запомнил, как она ускорила шаг, проходя мимо этого музыканта, сидящего, словно виолончелист в оркестровой яме, только на его голых ногах лежала слегка тронутая ржавчиной ножовка. Джейк помнил выражение комического ужаса на лице миссис Шоу, подрагивание ее плотно сжатых губ, как будто... как будто она только что надкусила лимон.

Звук, который слышался сейчас, не полностью соответствовал тому,  
(ЗВУЧИТ, КАК ГАВАЙСКАЯ ГИТАРА, НЕ ТАК ЛИ?)

что извлекал тот парень в парке из пилы при вибрации ее полотна, но и не так уж отличался: колеблющийся, дрожащий металлический звук, от которого заполнялись синапсы, а из глаз начинали литься слезы. Источник звука находился перед ними? Джейк за это поручиться не мог. Вроде бы звук накатывал со всех сторон, но такой слабый, что Джейку хотелось верить, что его нет и в помине, просто у него разыгралось воображение. Да только остальные...

– Берегись! – крикнул Эдди. – Помогите мне! Скорее! Я думаю, он сейчас отключится!

Джейк резко повернулся к стрелку и увидел, что лицо у того побелело как мел. Один уголок рта дергался, словно зацепленный рыболовным крючком.

– Джонас, Рейнолдс и Дипейп, – произнес он. – Большие охотники за гробами. И она. Коос. Именно они. Именно они...

По телу Роланда, стоящего на крыше монопоезда в разбитых пыльных сапогах, пробежала дрожь. Невероятная печаль отразилась на лице.

– О, Сюзан, – прошептал он. – О, дорогая моя.

## 2

Они его поймали, подхватили на руки, уберегли от падения. Стрелка бросило в жар от чувства вины и презрения к себе. Что он такого сделал, чтобы его оберегали с таким рвением? Всего лишь жестоко вырвал из привычной жизни, точно так же, как садовник вырывает с грядок сорняки.

Он попытался сказать им, что с ним все в порядке, что они могут отойти, что он в норме, но ни слова не сорвалось с губ. Этот ужасный вибрирующий звук перенес его в далекое прошлое, в каньон к западу от Хэмбри. Дипейп, Рейнолдс и старый хромоногий Джонас. Но более всего он ненавидел женщину с холма, черной ненавистью, на какую только способен очень молодой мужчина. Да, теперь ему не оставалось ничего другого, он мог только ненавидеть. Тогда у него разбилось сердце. И теперь, по прошествии стольких лет, ему вроде бы открылась истина: разбитые сердца склеиваются вновь, и ничего ужаснее не может выпасть на долю человека.

*Моя первая мысль – он лгал в каждом слове, этот страшный калека со злоецим взглядом...*

Чьи слова? Из какого стихотворения?

Он не помнил, но знал, что и женщины тоже могут лгать. Женщины, которые прихрамывали, и улыбались, и видели слишком много за свою долгую жизнь. Не важно, кто написал эти строки, главное – слова эти соответствовали действительности. Ни Элдред Джонас, ни старая карга с холма не служили Мартену, ни даже Уолтеру... но и они олицетворяли собой зло.

Потом, после... в каньоне к западу от города... этот звук... звук и крики раненых людей

и ржание лошадей... и единственный раз на его памяти замолчал даже говорливый Катберт.

Но случилось все это очень давно, в другой реальности. Здесь же вибрирующий звук или пропал, или временно ушел за порог чувствительности человеческого уха. Они его еще слышат. Он знал это точно. Знал и о том, что однажды уже прошел дорогой, ведущей в ад.

Роланд оглядел своих спутников, выдавил из себя улыбку. Они заметили, что уголок рта уже не дрожит, – добрый знак.

– Со мной все в порядке. Но послушайте меня внимательно: мы очень близко от того места, где заканчивается Срединный мир, очень близко от того места, где начинается Крайний мир. Первый этап нашего великого похода окончен. Мы прошли его с честью. Мы запомнили лица наших отцов. Все испытания мы встречали плечом к плечу и не подводили друг друга. Но сейчас мы подошли к червоточине, а потому требуется предельная осторожность.

– Червоточине? – Джейк нервно огляделся.

– Так называется место, где ткань реальности истончается до предела. Их стало больше с тех пор, как Темная Башня начала терять силу. Помнишь, что мы видели под нами, когда выезжали из Лада?

Они мрачно кивнули, вспомнив спекшуюся в черное стекло землю, древние трубы, мерцающие сиреневым ведьминым огнем, бесформенных птиц-мутантов с крыльями, напоминающими большие кожаные паруса. Роланду внезапно стало неважно. Ну что они сгрудились вокруг него и смотрят, как на забудыгу, которого сшибли с ног в пьяной драке в баре.

Он протянул руки своим друзьям, новым друзьям. Эдди взялся за них и помог ему подняться. Невероятным усилием воли стрелок заставил себя не покачнуться, твердо встал на ноги.

– Кто такая Сюзан? – спросила Сюзанна. По наморщенному лбу чувствовалось, что она взволнована, и скорее всего не только совпадением имен.

Роланд посмотрел на нее, потом на Эдди, Джейка, присевшего, чтобы почесать Ыша за ухом.

– Я вам расскажу, но сейчас не время, да и место неподходящее.

– Ты постоянно это повторяешь, – заметила Сюзанна. – Опять хочешь отстраниться от нас, так?

Роланд покачал головой.

– Вы услышите мой рассказ... во всяком случае, эту часть... но не на крыше этого металлического гроба.

– Да, – кивнул Джейк. – Мы словно сидим на спине мертвого динозавра. Я все время боюсь, что Блейн оживет и... ну, не знаю, открутит нам головы.

– Звук пропал, – вставил Эдди. – Словно дребезжала гитарная струна.

– Мне это напомнило одного старика, которого я видел в Центральном парке, – добавил Джейк.

– Мужчину с пилой? – спросила Сюзанна. Джейк воззрился на нее, его глаза округлились от изумления. Сюзанна кивнула. – Только он не был стариком, когда я его видела. Здесь не только у географии съехала крыша. Время тут тоже какое-то странное.

Эдди обнял ее за плечи, прижал к себе.

– И слава Богу.

Сюзанна повернулась к Роланду. В ее глазах читался явный вызов.

– Я напомню тебе о твоём обещании, Роланд. Я хочу знать о той девушке, что носила мое имя.

– Ты узнаешь, – повторил Роланд. – А теперь давайте спускаться со спины этого чудища.

### 3

Сказать оказалось легче, чем сделать. В отличие от Колыбели Лада конечная станция, к которой подкатил Блейн, располагалась на поверхности земли. Вдоль платформы тянулся искореженный розовый рельс. Крышу от бетона отделяли добрых двадцать пять футов. Если и была аварийная лестница вроде той, по которой они выбрались из салона, ее заклинило при столкновении с упорами.

Роланд скинул заплечный мешок, порылся в нем, достал кожаную упряжь, которой они пользовались, чтобы нести Сюзанну, если она не могла проехать на инвалидном кресле. О кресле, однако, они больше могли не беспокоиться, отметил стрелок. Оно осталось в Ладе, его пришлось бросить во время их отчаянной попытки загрузиться в монопоезд.

– Зачем это тебе? – подозрительно спросила Сюзанна. Так ее голос звучал всегда, когда упряжь извлекалась на свет Божий. *Сильнее упряжи я ненавижу только этих хонки на Миссисипи*, как-то сказала она Эдди голосом Детты Уолкер, *но не так чтобы намного, сладенький*.

– Расслабься, Сюзанна Дин, расслабься. – Стрелок чуть улыбнулся и начал разделять и отстегивать ремни, отложив в сторону сиденье, потом связал ремни между собой и с последним куском веревки испытанным шкотовым узлом. Работая, он прислушивался к дребезжанию червоточины... точно так же, как они прислушивались к Божественным барабанам... точно так же, как он и Эдди ждали, когда чудовища-лобстеры начнут задавать свои умные вопросы (Дад-а-чок? Дуб-а-чум?), каждую ночь выползая из волн на берег.

*Ка есть колесо*, думал он. Или, как говорил Эдди, приходит вертяться и уходит вертяться.

Последней он соорудил петлю на ременной части. Джейк уверенно сунул в нее ногу, одной рукой схватился за веревку, на стиб второй посадил Ыша. Зверек нервно оглядывался, скулил, вытягивал шею, лизал Джейку лицо.

– Ты не боишься, не так ли? – спросил Джейк ушастика.

– Ишься, – согласился Ыш, но сидел спокойно, пока Роланд и Эдди опускали Джейка вдоль стены поезда. Длины веревки не хватило, чтобы доставить Джейка на землю, но он без труда высвободил ногу и, пролетев последние четыре фута, благополучно приземлился. Опустил Ыша на платформу. Ушастик побегал, понюхал и задрал лапку у угла станционного здания. Не такого роскошного, как в Колыбели Лада, но той старомодной архитектуры, которая так нравилась Роланду. Обшитое выкрашенными белой краской досками, со свесами крыши, высокими узкими окнами, напоминающими бойницы. Над рядом дверей, ведущих в здание, сияли золотом слова:

### АТЧИСОН, ТОПИКА, САНТА-ФЕ

Города, предположил Роланд. Последнее название показалось ему знакомым. Вроде бы был город Санта-Фе в феоде Меджис. И мысли его вновь вернулись к Сюзан. Прекрасная Сюзан, стоящая у окна с незаплетенными, падающими на спину волосами, пахнущая

жасмином, розой, жимолостью и сеном, запахами, которые оракул в горах смог воссоздать с большой натяжкой. Сюзан, лежащая на кровати, пристально вглядывающаяся в него, потом улыбающаяся, закидывающая руки за голову, чтобы грудь поднялась, словно ждала прикосновений его рук.

*Если ты любишь меня, Роланд, так люби... птички и рыбки, медведи и зайки...*

– ...следующая?

Он повернулся к Эдди, отогнал образ Сюзан Дельгадо. В Топике есть червоточины, все так, причем разного вида.

– Я отвлекся, Эдди. Извини.

– Сюзанна следующая? – повторил вопрос Эдди.

Роланд покачал головой.

– Следующий ты, потом Сюзанна. Я – последним.

– Справишься? У тебя же изуродована рука и все такое?

– Справлюсь.

Эдди кивнул и вставил ногу в петлю. Когда Эдди впервые пришел в Срединный мир, Роланд без труда спустил бы его с крыши один, даже без двух пальцев на правой руке. Но Эдди уже несколько месяцев не прикасался к наркотикам и набрал десять или пятнадцать фунтов мышц. Поэтому Роланд с радостью принял помощь Сюзанны, и вдвоем они опустили его на платформу.

– Теперь вы, леди, – улыбнулся Роланд Сюзанне. В Срединном мире, рядом с Джейком, Эдди, Сюзанной, улыбка давалась ему легче.

– Хорошо. – Но мгновение она не двигалась с места, кусая нижнюю губу.

– Что такое?

Ее рука поднялась к животу, потерла его, словно у нее там что-то болело. Он думал, она все объяснит, но Сюзанна лишь качнула головой.

– Ничего.

– Я тебе не верю. Почему ты терла живот? Ты ударилась? Ударилась, когда поезд остановился?

Она тут же убрала руку с живота, словно он внезапно раскалился добела.

– Нет, все нормально.

– Ой ли?

Сюзанна на мгновение задумалась.

– Мы об этом поговорим. Мы это *обсудим*, если так тебе больше нравится. Но, как ты правильно заметил чуть раньше, Роланд... сейчас не время и не место.

– Все четверо или только ты, я и Эдди?

– Только ты и я, Роланд, – ответила она и вставила култышку в петлю. – Только одна курочка и один петушок, во всяком случае, вначале. А теперь, пожалуйста, помоги мне спуститься.

Он помог, хмурясь, надеясь, что его первая мысль, та самая, что пришла, как только он увидел ее потирающую живот руку, ошибочна. Потому что она побывала в говорящем кольце, и демон, который охранял кольцо, сумел овладеть ею, пока Джейк пробирался из одного мира в другой. Иногда... *очень часто*... контакт с демоном многое менял.

И на памяти Роланда никогда – к лучшему.

Он вытянул веревку наверх после того, как Эдди ухватил Сюзанну за талию и осторожно опустил на платформу. Затем стрелок зашагал к упорам, что торчали над вспоротой крышей,

по ходу завязывая на свободном конце веревки петлю особым развязывающимся узлом. Он надел петлю на упор, затянул ее, стараясь не дергать веревку влево, а затем осторожно спустился на платформу, согнувшись вдвое, оставляя следы на розовом борту Блейна Моно.

– Жаль, что мы лишились веревки и упряжи, – вздохнул Эдди после того, как Роланд встал рядом с ними.

– А мне упряжи не жалко, – возразила Сюзанна. – По мне лучше ползти по мостовой, пока я не измажусь в жевательной резинке до локтей.

– Мы ничего не лишились. – Роланд крепко ухватился за петлю на нижнем конце и резко дернул веревку влево. Узел развязался, веревка заскользила вниз, и Роланд свернул ее до того, как она упала на платформу.

– Ловкий фокус! – воскликнул Джейк.

– Кий! Ус! – согласился Ыш.

– Корт? – спросил Эдди.

– Корт, – улыбаясь, кивнул Роланд.

– Инструктор из ада, – добавил Эдди. – Хорошо, что он учил тебя, а не меня, Роланд. Лучше учить тебя, чем меня.

## 4

Когда они направились в дверям, ведущим в здание станции, вновь послышался ноющий, вибрирующий звук. Роланд не мог не улыбнуться: все трое его спутников одновременно дернули носами, а уголки их ртов опустили: словно они не только составляли *ка-тет*, но и стали близкими родственниками. Сюзанна указала на парк. Надписи на щитах, что возвышались на деревьях, чуть затуманились, в воздухе повисло марево, как в сильную жару.

– Это от червоточины? – спросил Джейк.

Роланд кивнул.

– Мы сможем ее обойти?

– Да. Червоточины так же опасны, как и болота с трясинами и сейлигами. Вы знаете, о чем я?

– Что такое трясина, мы знаем, – ответил Джейк. – А если сейлиги – такие длинные зеленые твари с большими зубами, то мы знаем и их.

– Они именно такие.

Сюзанна повернулась, чтобы в последний раз взглянуть на Блейна.

– Никаких глупых вопросов и глупых игр. – Она перевела взгляд на Роланда. – Я насчет Берил Эванс, женщины, которая написала «Чарли Чу-Чу». Ты думаешь, она тоже имеет отношение в тому, что происходит вокруг? Что мы даже можем встретиться? Я бы хотела поблагодарить ее. Эдди, конечно, сообразил, что к чему, но без...

– Полагаю, это возможно, – ответил Роланд, – но скорее всего встретиться нам не удастся. Мой мир – это огромный корабль, затонувший у самого берега. Большую часть обломков море вынесло на сушу. Большая часть того, что мы находим, поражает, что-то даже можно использовать, если будет на то согласие *ка*, но в основном это обломки. Бесполезные обломки. – Он огляделся. – Как вот эта станция.

– Я не думаю, что перед нами обломки, – возразил Эдди. – Посмотри на краску на стенах. Кое-где ее попачкал дождь, но она нигде не лупится. – Он подошел к одной из дверей,

провел пальцами по стеклу, оставляя на нем чистые полосы. – Пыли хватает, но никаких трещин. Я бы сказал, что это здание осталось без присмотра... в начале лета, не раньше.

Он взглянул на Роланда. Тот пожал плечами и кивнул. Слушал он вполуха, да и голова была занята другим: он думал о червоточине и старался отогнать воспоминания, грозящие захлестнуть его.

– Но Лад разваливался не одно *столетие*, – подала голос Сюзанна. – Это место... уж не знаю, Топика это или не Топика, похоже на один из маленьких, вызывающих ужас городков в «Сумеречной зоне». Вы, парни, возможно, не помните этот телесериал, но...

– Я помню, – в унисон ответили Эдди и Джейк, переглянулись, рассмеялись. Эдди протянул руку, и Джейк шлепнул по ней своей.

– Его все еще показывают по ТВ, – пояснил Джейк.

– Да, постоянно, – добавил Эдди. – Обычно в спонсорах адвокаты, специализирующиеся по банкротствам, похожие на коротко стриженных терьеров. И ты права. Это место *непохоже* на Лад. Да и с чего ему быть похожим? Оно и Лад находятся в разных реальностях. Я не знаю, где мы пересекли границу, но... – Он указал на синий навес над щитом с надписью «АВТОСТРАДА 70», словно щит этот служил абсолютным доказательством его слов.

– Если это Топика, то где люди? – любопытствовала Сюзанна.

Эдди пожал плечами и развел руками: кто знает?

Джейк прижался лбом к стеклу средней двери, с боков прикрыл ладонями глаза, несколько секунд вглядывался в темноту, потом увидел что-то такое, что заставило его отпрянуть.

– О-хо-хо. Неудивительно, что тут так тихо.

Роланд подошел сзади, посмотрел через стекло над головой мальчика, также прикрывая глаза ладонями. Еще до того как прижаться лбом к стеклянной двери, стрелок пришел к двум выводам. Во-первых, хотя они, несомненно, на железнодорожной станции, в действительности это не станция *Блейна*... во всяком случае, не Колыбель. И во-вторых, станция наверняка принадлежит миру Эдди, Джейка и Сюзанны... но, возможно, параллельной, не их, *реальности*.

*Это червоточина. Мы должны быть предельно осторожны.*

На одной из длинных скамеек, что занимали большую часть помещения, прислонились друг к другу два трупа. Морщинистые лица, черные руки, они напоминали гуляк, которые засиделись на вечеринке и опоздали на последний поезд. На стене за скамейками висела доска с надписью «ОТПРАВЛЕНИЯ», а ниже, вертикальным столбцом, названия городов, городков и феонов, куда отправлялись поезда. В первой строке значился ДЕНВЕР, во второй – УИЧИТО, в третьей – ОМАХА. Роланд когда-то знал одноглазого картежника, которого звали Омаха. Он умер с ножом в горле прямо у карточного стола. Шагнул в пустошь с конца тропы с отброшенной назад головой, а его последний выдох забрызгал кровью весь потолок. С потолка в зале ожидания свисали прекрасные часы-куб с четырьмя циферблатами. Стрелки остановились на четырех часах и четырнадцати минутах, и Роланд подумал, что больше они никогда не сдвинутся. Грустная мысль... но он и попал в грустный мир. Других мертвецов он не видел, но опыт подсказывал ему, что они наверняка есть. Если два трупа на виду, то где-то рядом еще четыре, а то и четыре десятка.

– Войдем? – спросил Эдди.

– Зачем? – ответил стрелок вопросом на вопрос. – Делать там нам нечего. Тропа Луча



через это здание не проходит.

– Из тебя получился бы отличный экскурсовод, – надулся Эдди. – Все идут сюда, и, пожалуйста, старайтесь не сойти...

Джейк прервал его фразой, смысла которой Роланд не понял.

– У кого-нибудь есть четвертак?

Мальчик смотрел на Эдди и Сюзанну. Стоял он рядом с металлическим ящиком. По нему тянулась синяя надпись:

***НИГДЕ ВАМ НЕ УЗНАТЬ СТОЛЬКО О КАНЗАСЕ,***

***КАК В «ТОПИКА КЭПИТЕЛ-ДЖОРНЕЛ»!***

***В ВАШЕЙ ГОРОДСКОЙ ГАЗЕТЕ!***

***ЧИТАЙТЕ ЕЕ КАЖДЫЙ ДЕНЬ!***

Эдди, ухмыльнувшись, покачал головой.

– Где-то потерял всю мелочь. Возможно, когда залезал на дерево, аккурат перед тем, как ты присоединился к нам. Очень уж не хотелось становиться закуской робота-медведя. Извини.

– Одну минуту... одну минуту... – Сюзанна открыла сумочку и так сосредоточенно начала в ней рыться, что Роланд не мог не улыбнуться, несмотря на все его грустные мысли. Женщина всегда остается женщиной. Она достала пачку мятых «клинексов», перетрясла салфетки, чтобы убедиться, что в них не завалилась монетка, выудила коробочку с пудрой, подняла крышку, опустила, бросила в сумочку. За пудрой тот же путь повторила расческа...

Поглощенная столь увлекательным занятием, она даже не заметила, как Роланд прошагал мимо нее, достав револьвер из самодельной кобуры, которую он ей соорудил. Выстрелил один раз. Сюзанна вскрикнула, выронила сумочку, сунула руку в пустую кобуру под левой подмышкой.

– Хонки, ты до смерти перепугал меня!

– Тебе надо повнимательнее следить за своим оружием, Сюзанна. А не то в следующий раз дырка появится у тебя между глаз, а не в... как это называется, Джейк? Устройство для сообщения новостей? Или там просто лежит бумага?

– И то и другое, – ответил Джейк. Выстрел напугал и его. А Ыш просто отбежал ярдов на двадцать и теперь недоверчиво смотрел на Роланда. Джейк пошуровал пальцем в дыре, образовавшейся посередине запорного механизма автомата, продающего газеты. Из нее еще вился дымок.

– Чего стоишь. Открывай, – поторопил его Роланд.

Джейк дернул за ручку. Она посопротивлялась, потом в автомате что-то щелкнуло, и дверца открылась. На задней стенке Джейк прочитал: «ЕСЛИ ГАЗЕТ НЕ ОСТАЛОСЬ, ПОЖАЛУЙСТА, ВОЗЬМИТЕ ВЫСТАВОЧНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР». Джейк снял его с проволочной подставки, Сюзанна, Эдди и Роланд столпились вокруг него.

– Господи, что же это? – в ужасе прошептала Сюзанна. – Что это значит? Что случилось?

Под названием газеты, занимавшим добрую четверть первой страницы, черные буквы заголовка кричали:

***СУПЕРГРИПП «КАПИТАН ТРИПС» НЕ ЗНАЕТ ПРЕГРАД***

***Руководители государства, возможно, покинули страну***

***Больницы Токии переполнены больными и умирающими***

***Миллионы молят Бога об исцелении***

– Прочитай вслух, – попросил Роланд. – Это буквы твоего алфавита, я их не все знаю и не хочу чего-то упустить.

Джейк взглянул на Эдди, тот нетерпеливо кивнул.

Джейк развернул газету, открыв громадный фотоснимок, который поразил их до глубины души: пожар охватил город, стоящий на берегу озера.

***КЛИВЛЕНД ГОРИТ. ОГОНЬ ПОБЕЖДАЕТ***

– гласила надпись под фотоснимком.

– Читай, парень! – вырвалось у Эдди. Сюзанна ничего не сказала: она уже читала статью, единственную на первой полосе, заглядывая через плечо. Джейк откашлялся, словно у него запершило в горле, и начал.

**5**

– Тут написано, что в статье использованы материалы Джона Коркорана, сотрудников редакции и информация АП. То есть статью готовили много людей, Роланд. Вот что в ней написано:

«Величайший кризис Америки, а может, и всего мира, за ночь только усилился. Эпидемия супергриппа, который прозвали „Раздутая шея“ на Среднем Западе и „Капитан Трипс“ в Калифорнии, продолжает распространяться.

Хотя число умерших еще только подсчитывается, медицинские эксперты называют кошмарные цифры. Доктор Моррис Хэкфорд из топикской больницы Святого Франциска полагает, что только на континентальной части США умрет от двадцати до тридцати миллионов. От Лос-Анджелеса, штат Калифорния, до Бостона, штат Массачусетс, тела жгут в крематориях, фабричных топках, на городских свалках.

Здесь, в Топике, заболевших, но еще способных передвигаться, просят прийти умирать в одно из трех мест: мусоросжигательный завод к северу от Окленд-Биллард-парка, шахты около ипподрома в Хартленд-парке и свалка на Юго-Восточной Шестьдесят первой улице, к востоку от Форбс-Филда. На свалку следует ехать по Берритон-роуд. Дороги Калифорнии блокированы столкнувшимися автомобилями. Потерпел катастрофу по меньшей мере один транспортный самолет ВВС США».

Джейк испуганно посмотрел на своих друзей, окинул взглядом пустынную железнодорожную станцию и продолжил:

– «Доктор Эприл Монройя из Регионального медицинского центра в Сормонт-Вейл указывает, что высокая смертность, как это ни прискорбно, лишь часть этой ужасной трагедии. „На каждого умершего от этого нового вируса гриппа, – говорит Монройя, – приходится еще шесть, а может, и двенадцать человек, которых свалила болезнь. И пока мы не знаем ни об одном случае выздоровления“. Откашлявшись, она добавила: „От себя лично могу сказать, что на предстоящий уик-энд я не строю никаких планов“.

Из местных событий отметим:

все пассажирские авиарейсы из Форбса и Филлип-Билларда отменены; компания «Армтрак» приостановила все железнодорожные перевозки не только в Топике, но и по всему Канзасу. Станция «Бульвар Гейджа» компании «Армтрак» в Топике закрыта до особого распоряжения;

все школы Топики закрыты до особого распоряжения. В том числе в округах 437, 345, 450 (Шони-Хейтс), 372 и 501 (Большая Топика). Закрыты также Лютеранский и Технологический колледжи в Топике и Канзасский университет в Лоренсе;

В ближайшие дни и даже недели жителей Топики ожидают перебои с подачей электроэнергии, а может, и полное ее отключение. Компания «Канзасэнерго» объявила о плановой остановке атомной электростанции «Кау-Ривер» в Уэймего. И хотя в пресс-службе АЭС трубку никто не берет, автоответчик всех успокаивает, утверждая, что никакого ЧП не произошло и остановка станции – предохранительная мера. АЭС снова начнет вырабатывать энергию, сообщает далее автоответчик, «как только разрешится текущий кризис». Однако последняя фраза сообщения настораживает. Не «До свидания» или «Благодарим за звонок», а «Да поможет нам Господь в час испытаний».

Джейк запнулся, переверачивая страницу. Новые фотографии. Сгоревший грузовик на ступенях, ведущих к зданию Канзасского музея естественной истории. Замершие, стоящие бампер к бамперу автомобили на мосту «Золотые ворота» в Сан-Франциско. Горы трупов на Таймс-сквер. Одно тело, заметила Сюзанна, висело на столбе. Ей сразу вспомнилась безумная гонка к Колыбели Лада после того, как она и Эдди расстались со стрелком. Ластер, Уинстон, Дживс и Мод. *Когда в этот раз загрели священные барабаны, жребий пал на Резвого*, сказала Мод. *И мы дали ему проплясаться*. Только речь, естественно, шла о том, что они его *повесили*. Точно так же, как когда-то вешали людей и в Нью-Йорке. Когда все идет

наперекосяк, похоже, всегда находится веревка для линчевания.

Эхо. Везде эхо. Эхо несло из одного мира в другой, не желая затухать, как звуковое эхо, но набирая силу, сея ужас. *Как священные барабаны*, подумала Сюзанна и содрогнулась всем телом.

– «Все больше людей склоняется к мысли, – продолжил чтение Джейк, – что руководители государства, которые первые дни, когда распространение инфекции еще можно было остановить жесткими карантинными мерами, отрицали само существование супергриппа, скрылись в подземных бункерах, построенных на случай атомной войны и оснащенных всеми мыслимыми средствами защиты как от радиации, так и от смертоносных вирусов. Вице-президент Буш и ключевые министры администрации Рейгана последние сорок восемь часов не показываются на публике. Самого Рейгана последний раз видели в воскресенье утром, когда он посетил службу в методистской церкви Зеленой Долины в Сан-Симеоне.

«Они попрятались по бункерам, как Гитлер и прочие нацистские крысы в конце Второй мировой войны», – сказал преподобный Стив Слоун. На вопрос, не возражает ли он против того, чтобы цитату дали от его имени, член палаты представителей от штата Канзас, республиканец, рассмеялся и ответил: «С чего? Мне бояться нечего. На следующей неделе я превращусь в пыль».

Пожары, причиной которых скорее всего стал поджог, бушуют в Кливленде, Индианаполисе и Терре-Хоте.

Гигантский взрыв произошел в Цинциннати около Риверф-рант-стадиум. Первоначальные опасения, что взорвалась атомная бомба, не подтвердились. Причиной взрыва стали оставшиеся без должного контроля подземные хранилища природного газа...»

Газета выпала из рук Джейка. Порыв ветра подхватил ее и понес по платформе, разделяя на отдельные листы. Ёш вытянул шею и схватил один, когда тот пролетал мимо. Затрусил к Джейку с листом в пасти, словно собака, несущая брошенную хозяином палку.

– Нет, Ёш, газета мне больше не нужна. – Джейк чуть не плакал, такой юный, такой испуганный.

– По крайней мере теперь мы знаем, куда подевался народ. – Сюзанна наклонилась и взяла остатки газеты, которые принес Ёш: две последние страницы, заполненные некрологами, напечатанными мельчайшим шрифтом. Ни фотографий, ни причин смерти, ни сообщений о похоронах. Такой-то умер, жена, сын, дочь, родственники, друзья скорбят. Все самым мелким шрифтом. Наверное, именно эти некрологи окончательно убедили Сюзанну, что увиденное вокруг не плод ее воображения.

*Но они все равно пытались почтить своих мертвых, отлично понимая, что и им жить осталось недолго*, подумала она, и к горлу подкатил комок. *Они пытались...*

Сюзанна посмотрела на последнюю страницу «Кэпител джорнел». Изображение Иисуса Христа, глаза грустные, руки вытянуты вперед, на лбу раны от тернового венца. А ниже три слова, огромными буквами:

**МОЛИСЬ ЗА НАС**

Она посмотрела на Эдди, во взгляде читалось обвинение. Протянула ему газету, коричневый палец постучал по дате. 24 июня 1986 года. Эдди «извлекли» в мир стрелка из следующего года.

Он долго держал газету одной рукой, пальцы раз за разом скользили по дате, словно от их прикосновений она могла измениться. Потом Эдди оглядел всех, покачал головой.

– Нет. Я не могу объяснить ни происшедшего в этом городе, ни появления этой газеты, ни трупов в зале ожидания. Но в одном могу вас заверить – когда я покидал Нью-Йорк, там все было в полном порядке. Не так ли, Роланд?

Стрелок поморщился.

– Насчет порядка сказать не могу, твой город мне не понравился, но по горожанам никак не чувствовалось, что они пережили такую чуму.

– У нас была какая-то болезнь легионеров, – вставил Эдди. – И, разумеется, СПИД...

– Это венерическое заболевание, так? – спросила Сюзанна. – Распространяемое фруктами и наркоманами?

– Да, только в мое время голубых фруктами уже не звали. – Эдди попытался улыбнуться, но улыбка вышла кривая, и он быстренько стер ее с лица.

– Значит, этого... этого никогда не случилось. – Джейк осторожно прикоснулся к лику Христа на последней странице газеты.

– Сам видишь, что случилось, – возразил ему Роланд. Случилось в июне одна тысяча девятьсот восемьдесят шестого года. А мы попали сюда после того, как здесь побывала чума. Эдди, похоже, прав. С той поры как тут похозяйничал этот супергрипп, прошло несколько месяцев. Мы в Топике, штат Канзас, в восемьдесят шестом году двадцатого столетия. То есть *со временем* все ясно. Что же касается *реальности*, то теперь мы знаем, что эта реальность не Эдди. Возможно, твоя, Сюзанна, или твоя, Джейк, потому что вы покинули свой мир до того, как на Америку обрушилась эта напасть. – Он указал на дату выпуска газеты, потом посмотрел на Джейка. – Однажды ты мне кое-что сказал. Я сомневаюсь, что ты это помнишь, но я не забыл. Потому что фраза эта – одна из самых важных, какие мне доводилось слышать: «Тогда иди, есть и другие миры, кроме этого».

– Опять загадки, – нахмурился Эдди.

– Разве не факт, что Джейк Чеймберз однажды умер, а теперь вновь стоит перед нами, живой и невредимый? Или вы сомневаетесь в правдивости моей истории о его смерти в чреве горы? То, что вы иной раз сомневались в моей честности, мне известно. И на то у вас были веские причины.

Эдди обдумал его слова, покачал головой:

– Ты лжешь, когда ложь способствует достижению поставленной тобой цели, но о Джейке ты рассказывал нам в таком состоянии, что мог говорить только правду.

Роланда задела слова Эдди (*Ты лжешь, когда ложь способствует достижению поставленной тобой цели*), но он предпочел на них не реагировать. В конце концов, Эдди не грешил против истины.

– Мы вернулись в заводь времени, – продолжил стрелок, – и вытащили его, прежде чем он успел утонуть.

– Ты его вытащил, – поправил Эдди.

– Ты, между прочим, помогал, хотя бы тем, что без тебя я бы умер, но оставим это. Речь о другом. Миров много, и в них ведет бесконечное число дверей. Сейчас мы в одном из таких миров. Червоточина, которую мы слышим, – одна из дверей... только гораздо больше тех, что

мы нашли на берегу океана.

– И каковы ее размеры? – спросил Эдди. – Со складские ворота или с сам склад?

Роланд покачал головой, раскинул руки – *кто знает?*

– Эта червоточина, – подала голос Сюзанна. – Мы не просто рядом с ней, не так ли? Мы проскочили *через нее*. Иначе не попали бы в эту Топику, в реальность, параллельную реальности Эдди.

– Возможно, и проскочили, – признал Роланд. – Кто-нибудь из вас чувствовал что-то странное? Головокружение, тошноту?

Они покачали головами. Даже Ыш, который пристально смотрел на Джейка.

– Не почувствовали. – Похоже, другого ответа Роланд и не ждал. – Но мы все сосредоточились на загадках...

– Сосредоточились на том, как бы избежать смерти, – пробурчал Эдди.

– Да. Возможно, мы проскочили Червоточину, даже не заметив ее. В любом случае червоточины – не естественные явления. Они вроде язв на коже, свидетельства того, что в организме что-то не так. Только организм этот – совокупность *всех* миров.

– А непорядок исходит от Темной Башни, – добавил Эдди.

Роланд кивнул.

– Даже если это место... эта *реальность*, это *время*... не есть *ка* твоего мира, оно может стать этим *ка*. Супергрипп, да и другие болезни, могут распространяться, проникать из одной реальности в другую. Точно так же, как распространяются червоточины, растут и числом, и размером. Я видел их с полдюжины за все годы поисков Темной Башни, а слышал порядка двух десятков. Первую... первую я увидел еще совсем молодым. Около города Хэмбри. – Он опять потер щеку ладонью и не удивился, обнаружив не только щетину, но и пот. *Люби меня, Роланд. Если ты любишь меня, люби.*

– С нами что-то случилось, Роланд, и это что-то вышибло нас из твоего мира, – подвел итог Джейк. – Мы соскочили с Луча. Смотри, – он указал на небо.

Облака медленно плыли над ними, но не в том направлении, куда смотрела искореженная «морда» Блейна. Юго-восток по-прежнему оставался юго-востоком, признаки Луча, к которым они уже привыкли, отсутствовали.

– А что такого? – спросил Эдди. – Я хочу сказать... *Луч*, возможно, и пропал, но Башня-то существует во всех мирах, не так ли?

– Да, – кивнул Роланд, – но не изо всех миров до нее можно *добраться*.

За год до того, как пристраститься к героину, Эдди короткое время поработал посыльным. Теперь он вспомнил лифты в больших офисных центрах, куда ему случалось что-то привозить, здания, занятые в основном банками и инвестиционными компаниями. На некоторых этажах простым нажатием кнопки лифт не останавливался: требовалось вставить в щель под номером этажа специальную карточку. Когда кабина лифта подходила к одному из таких закрытых этажей, на световом указателе вместо номера этажа выскакивала буква Х.

– Думаю, нам надо снова найти Луч. – Роланд обвел взглядом остальных.

– Я в этом убежден, – кивнул Эдди. – Пошли, чего стоять. – Через пару шагов он остановился, повернулся, посмотрел на Роланда. Одна бровь вопросительно изогнулась.

– Куда идем?

– В том же направлении, в котором ехали, – уверенно ответил Роланд и прошел мимо Эдди в пыльных разбитых сапогах, держа курс на парк.

Роланд дошагал до конца платформы, сшибая на железнодорожные пути куски розового металла. У лестницы остановился, посмотрел на остальных.

– Опять трупы. Будьте готовы.

– Они не... э... текут? – спросил Джейк.

Роланд нахмурился, потом лоб разгладился: он понял смысл вопроса.

– Не текут. Уже высохли.

– Тогда все в порядке, – облегченно вздохнул Джейк, но тем не менее протянул руку Сюзанне, которую нес Эдди. Она улыбнулась мальчику и крепко сжала его руку.

У подножия лестницы, ведущей на автостоянку, лежали полдюжины трупов. Два женских, три мужских. И ребенка в коляске. Летние солнце, дожди и жара славно потрудились над трупами (не говоря уже о посильной помощи бродячих котов, скусов и бурундуков). Ребенок превратился в детскую мумию, извлеченную из какой-нибудь инкской пирамиды. Джейк предположил, что это мальчик, по выцветшему синему цвету одежды, но точно, естественно, сказать не мог. Без глаз, без губ, с посеревшей кожей... страх Господний... почему мертвый младенец переходит дорогу? Потому что познакомился с супергриппом.

Но младенец все-таки лежал в коляске, а потому сохранился лучше взрослых. От тех остались разве что скелеты с волосами. Кости-пальцы одного из мужчин сжимали ручку чемодана, похожего на те «самсониты», с которыми путешествовали родители Джейка. Как и у младенца (как и у всех остальных), глаза мужчины то ли выклевали птицы, то ли выели звери. И теперь на Джейка смотрели громадные черные глазницы. А под ними два ряда обесцвеченных зубов разошлись в отвратительной ухмылке. *Что же ты так долго не приходил, малыш?* – казалось, спрашивал мертвый мужчина, рука которого все сжимала ручку чемодана. *Давно жду тебя, а лето выдалось таким долгим и жарким!*

*И куда же вы пойдете, друзья?* – гадал Джейк. *Где надеетесь найти безопасное прибежище? В Де-Мойне? В Сиукс-Сити? В Фарго? На Луне?*

Они спустились по лестнице, Роланд первым, остальные следом. Джейк все еще держал Сюзанну за руку, Ыш не отставал от него ни на шаг. Длиннотелый ушастик преодолевал каждую ступеньку в два приема, как трейлер с прицепом переваливает через «лежащего полицейского».

– Притормози, Роланд, – остановил стрелка Эдди. – Я хочу обследовать инвалидные ячейки. Возможно, нам повезет.

– Инвалидные ячейки? – переспросила Сюзанна. – Что это такое?

Джейк пожал плечами. Он не знал. Не знал и Роланд.

Сюзанна повернулась к Эдди.

– Я только потому спрашиваю, сладенький, что звучит это неприятно. Ты понимаешь, все равно что назвать негра черным или голубого фруктом. Я знаю, что я – невежда из далекого тысяча девятьсот шестьдесят четвертого года, но...

– Смотрите сами. – Эдди указал на знаки, маркирующие ближайший к платформе ряд

авгостоянки. Знаки эти располагались парами на каждом столбе. Верхний – сине-белый, нижний – красно-белый. Когда они подошли ближе, Джейк увидел, что на верхнем знаке изображена инвалидная коляска. Нижний предупреждал: «ЗА СТОЯНКУ В РЯДУ, ОТВЕДЕННОМ ДЛЯ ИНВАЛИДОВ, ШТРАФ 200 ДОЛЛАРОВ. НАЛАГАТЬ ШТРАФ УПОЛНОМОЧЕНО УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИЦИИ ГОРОДА ТОПИКИ».

– Вы только посмотрите! – воскликнула Сюзанна. – Им следовало давным-давно это сделать! Да в мое время с этой чертовой коляской ни в одну дверь не сунешься. Черт, считай, тебе повезло, если смогла взобраться на тротуар. А чтобы специальные места на автостоянке? Такого я и во сне не видела!

Автомобили забили стоянку до отказа, но даже в ситуации, когда до конца света оставалось совсем чуть-чуть, в инвалидном ряду оказались только две машины без маленького изображения инвалидного кресла на номерных знаках.

Джейк предположил, что уважение к «инвалидным ячейкам» загадочным образом вошло в число законов, обязательных для исполнения, встав в один ряд с написанием почтового индекса на письме, расчесыванием волос по утрам и чисткой зубов перед завтраком.

– А вот и то, что нам нужно! – воскликнул Эдди. – Думаю, мы сорвали банк!

С Сюзанной, сидящей у него на бедре – еще месяц назад едва ли он смог бы нести ее, – Эдди поспешил к «линкольну». На крыше лежал гоночный велосипед, а из открытого багажника выглядывало складное инвалидное кресло. Кстати, не единственное. Окинув взглядом ряд «инвалидных ячеек», Джейк насчитал еще четыре, закрепленных на багажнике, засунутых в багажное отделение мини-вэнов и пикапов. Одно, как показалось Джейку, очень уж старое и громоздкое, стояло в кузове небольшого грузовика.

Эдди опустил Сюзанну на асфальт и склонился над багажником, изучая приспособление, удерживающее кресло в неподвижном положении. Множество перекрестных эластичных лент плюс стержень-блокиратор. Эдди вытащил «ругер», который Джейк позаимствовал в отцовском столе.

– Стреляем в дырку, – радостно возвестил он и, прежде чем кто-то успел и глазом моргнуть, нажал на спусковой крючок и вышиб замок блокиратора. Грохот перешел в звенящую тишину. И тут же возобновился вой червоточины, словно выстрел разбудил ее. *Звучит, как гавайская гитара, не так ли?* – вспомнилось Джейку, и его передернуло. Полчаса назад он бы не поверил, что звук может раздражать, как... ну, запах тухлого мяса, но теперь верил. Он посмотрел на щиты. Над деревьями виднелась лишь их небольшая часть, но и этого хватило, чтобы подтвердить его предположение: щиты вновь кутались в марево. *Червоточина генерирует какое-то поле, подумал Джейк. Точно так же, как миксеры и пылесосы вызывают помехи в работе радиоприемников и телевизоров. Или как у учеников, подходивших к циклотрону, который мистер Кинджерри приносил на урок физики, волосы вставали дыбом.*

Эдди уже отбросил блокиратор и ножом Роланда перерезал эластичные ленты. Потом вытащил инвалидное кресло из багажника, внимательно осмотрел, разложил, зафиксировал шарниры, исключив самопроизвольное складывание кресла.

– Оп-ля! – воскликнул он.

Сюзанна приподнялась на одной руке, Джейк решил, что она очень похожа на женщину, изображенную на картине Эндрю Уайета «Мир Кристины», которая очень ему нравилась. На кресло она смотрела как на чудо.



– Святой Боже, да оно, похоже, легче света.

– Современная технология во всей красе, дорогая, – пояснил Эдди. – Ради этого мы сражались во Вьетнаме. Залезай. – Он наклонился, чтобы помочь ей. Сюзанна не возражала, но лицо ее напряглось, когда Эдди опускал ее на сиденье. Словно она ожидала, что кресло рухнет. Потом провела руками по подлокотникам своего нового транспортного средства и сразу же успокоилась.

Джейк тем временем побрел вдоль ряда автомобилей, проводя пальцами по капотам, оставляя бороздки в ровном слое пыли. Ыш последовал за ним, остановившись однажды, чтобы поднять ножку и непринужденно оросить колесо, словно у него это давно вошло в привычку.

– Навевает тоску по дому, дорогой? – спросила Сюзанна. – Ты, возможно, думал, что уже никогда не увидишь американского автомобиля, или я не права?

Джейк обдумал ее слова и решил, что она не права. У него не возникало и мысли, что он навсегда останется в мире Роланда, что ему уже не увидеть автомобиля. Его это особо не волновало, но он также не думал, что карты предсказали ему такую судьбу. Пока еще нет. Потому что в реальности, из которой он пришел, в его Нью-Йорке существовал некий пустырь. На углу Второй авеню и Сорок шестой улицы. Когда-то там был магазинчик деликатесов.

## «ТОМ И ДЖЕРРИ»

*специализируемся на заказах к банкетам и праздникам*

Теперь лишь груды кирпича, сорняки, осколки стекол и...

...и роза. Одна-единственная роза, растущая на пустыре, где должен вознестись к небу громадный кондоминиум, но Джейк чувствовал, что второй такой розы нет на всей земле. А может, и в тех мирах, которые упоминал Роланд. Идущие к Темной Башне наткнулись бы на розы. Миллионы роз, если верить Эдди, акры и акры, засаженные розами. Такое, во всяком случае, ему приснилось. Однако Джейк подозревал, что эта роза отличается и от тех... и пока ее судьба не решена, ему не заказан путь в мир автомобилей, телевизоров и полицейских, которые хотели бы знать, есть ли у тебя удостоверение личности и как зовут твоих родителей.

*Кстати о родителях*, подумал Джейк. *Возможно, мне еще предстоит увидеться и с ними.* И мысль эта породила в его душе как надежду, так и тревогу.

Они остановились, миновав полряда. Джейк смотрел на широкую улицу (как он полагал, бульвар Гейджа), отходящую от стоянки. Роланд и Эдди догнали их.

– Эта крошка покажется тебе пушинкой, после того как ты два месяца толкала Железную деву, – усмехнулся Эдди. – Готов спорить, ты в ней просто *полетишь*. – Он подул в спинку кресла, желая показать, что и этого хватит, чтобы сдвинуть его с места. Джейк уже хотел сказать Эдди, что они могли бы подобрать и другое кресло, с моторчиком, но потом понял, что Эдди наверняка об этом уже подумал и отказался от этой мысли по одной простой причине: аккумуляторы давно сели, а подзарядить их возможности не было.

Сюзанна пропустила слова Эдди мимо ушей – сейчас ее интересовал только Джейк.

– Ты мне не ответил, сладенький. Эти автомобили разбудили в тебе тоску по дому?

– Нет. Но интересно, все ли модели мне знакомы. Я подумал, может... если этот 1986 год не принадлежит к реальности моего 1977 года, это как-то можно установить. Но пока *не знаю*, как. Все так быстро меняется. И девяти лет достаточно... – Он пожал плечами, взглянул на Эдди. – Может, тебе удастся с этим определиться. Я хочу сказать, ты действительно жил в восемьдесят шестом.

– Жил, но не видел, что происходит вокруг, – пробурчал Эдди. – Торчал большую часть времени. Однако... возможно...

Эдди покатыл Сюзанну дальше по гладкому асфальту стоянки, указывая на один автомобиль за другим.

– «Форд-эксплорер»... «Шевроле-капрайс»... а это старый «понтиак», сразу видно по радиаторной решетке...

– «Понтиак-бонневилл», – уточнил Джейк. Его забавляло изумление, застывшее в глазах Сюзанны: для нее все эти автомобили казались чудесами далекого будущего. *А как воспринимает их Роланд?* – подумал Джейк и оглянулся.

Стрелок не выказывал ни малейшего интереса. Он смотрел на уходящую от автостоянки улицу, парк, далекую автостраду... да только Джейк мог поклясться, что ничего этого Роланд не видит. Потому что тот с головой ушел в собственные мысли. И, судя по выражению его лица, не нашел там ничего хорошего.

– Это один из малолитражных «Крайслеров К», – продолжал Эдди. – А это «субару». «Мерседес SEL-450», классная штука, машина победителей... «Мустанг»... «Крайслер-империал», в хорошем состоянии, но возрастом старше Господа...

– Думаешь, что говоришь, – сурово оборвала его Сюзанна. – Этот автомобиль я узнала. А вот этот мне в новинку.

– Извини, Сюзанна. Я не хотел, правда. Это «когуар»... «шеви»... еще один... Топика любит «Дженерал моторс», это сюрприз... «хонда-сивик»... «фольксваген»-кролик... «додж»... «форд»... «та...

Эдди запнулся, уставившись на маленький автомобиль, чуть ли не крайний в ряду, белый, с красной полосой.

– «Такуро». – Говорил он, похоже, сам с собой. Обошел автомобиль, чтобы взглянуть на багажник. – Точнее, «такуро-спирит». Слышал о такой модели, Джейк из Нью-Йорка?

Джейк покачал головой.

– Я тоже не слышал. Ни хрена не слышал.

Эдди покатыл Сюзанну к бульвару Гейджа (Роланд повторял все их действия, пребывая в своем внутреннем мире, шел, когда шли они, останавливался, когда останавливались они). У автоматического шлагбаума (СТОЙ! ОПЛАТИ СТОЯНКУ!) Эдди снова замер.

– При такой скорости мы состаримся до того, как доберемся до парка, и умрем, не поднявшись на автостраду, – бросила Сюзанна.

На этот раз Эдди не извинился, вроде бы даже не услышал ее. Он смотрел на наклейку на бампере старого, тронутого ржавчиной «АМС-пейсера». Сине-белая наклейка чем-то напоминала знак, маркирующий инвалидные ячейки. Джейк присел, чтобы получше ее разглядеть. Ыш тут же положил голову на колено Джейку, мальчик рассеянно почесал зверька за ухом. Другой рукой он коснулся наклейки, чтобы убедиться, что она ему не привиделась. «МОНАРХИ КАНЗАС-СИТИ», прочитал он. Букву О в слове монархи заменял бейсбольный мяч.

– Поправь меня, если я ошибаюсь, – заговорил Эдди, – потому что мои знания о бейсболе обрываются на стадионе «Янки», но разве в Канзас-Сити играют не «Короли»? Ты знаешь, Джордж Бретт и все такое.

Джейк кивнул. Он знал «Королей» и знал Бретта, еще молодого игрока во времени Джейка, но, должно быть, гораздо более опытного и известного девять лет спустя, во времени Эдди.

– Вы говорите про «Атлетов Канзас-Сити»? – В голосе Сюзанны слышалось недоумение.

Роланд бейсбольную дискуссию проигнорировал: он все еще парил в личном озоновом слое.

– Мы же говорим о восемьдесят шестом годе, дорогая, – мягко напомнил Эдди. – К восемьдесят шестому «Атлеты» уже перебрались в Окленд. – Он перевел взгляд с наклейки на Джейка. – Может, это команда низшей лиги? – спросил он. – Трипл А?

– В Трипл А «Короли» все равно остаются «Королями», – ответил Джейк. – Они играют в Омахе. Хватит об этом, пошли.

Об остальных Джейк сказать не мог, но у него словно отлегло от сердца. Он испытывал безмерное облегчение. Он знал наверняка, что его реальности эта чума не грозит, потому что в ней не было «Монархов Канзас-Сити». Может, на основании этой информации не представлялось возможным делать окончательные выводы, но Джейк чувствовал свою *правоту*. А как же приятно осознавать, что твоим отцу и матери не суждено умереть от болезни, прозванной «Капитан Трипс», и их тела не сожгут на... свалке или где-то еще.

Только полной уверенности в этом не было, даже если этот 1986 год и его 1977-й находились в разных реальностях. Потому что, пусть эта ужасная чума и прокатилась по миру, где ездили автомобили «такуро-спирит» и Джордж Бретт играл за «Монархов Канзас-Сити», Роланд говорил, что катаклизмы могут распространяться... что тот же супергрипп может просочиться через ткань пространства, как электролит просачивается через кусок материи.

Стрелок говорил о водяной заводи, выражение это показалось Джейку таким красивым, романтичным. Но, допустим, вода там застоялась и подернулась ряской. Допустим, эти образования, а-ля Бермудский треугольник, которые Роланд назвал червоточинами, когда-то крайне редкие, стали скорее правилом, чем исключением? Допустим... мысль это ужасная, гарантирующая, что до трех ночи уже не заснуть... что все реальности начнут перемешиваться с нарастанием структурных слабостей Темной Башни? Допустим, ее остов не выдержит, один уровень упадет на следующий... тот на следующий, тот... до тех пор, пока...

Когда Эдди положил ему руку на плечо, Джейку пришлось прикусить язык, чтобы не вскрикнуть.

– Ты вызываешь у себя глюки.

– Что ты об этом знаешь? – Джейк понимал, что грубит, но очень уж он разозлился. Оттого, что испугался, или оттого, что Эдди уловил его состояние? Он не знал. Да и не хотел знать.

– В вопросе глюков я классный специалист, – ответил Эдди. – Я, конечно, не знаю, о чем ты думал, но, что бы это ни было, сейчас самое время больше об этом не думать.

А вот это, решил Джейк, скорее всего дельный совет. Они вместе пересекли улицу. И направились к парку Гейджа, где Джейка ждало одно из самых больших потрясений в его короткой жизни.

Пройдя под металлической аркой с надписью «ПАРК ГЕЙДЖА» (старинные, закругленные буквы), они ступили на вымощенную дорожку, проложенную через английский парк, необратимо превращающийся в эквадорские джунгли. Поскольку в это жаркое лето за парком никто не ухаживал, растения пошли в рост. Осенью тоже никто ничего не подрезал, не выстригал лишние побеги, так что от парка уже осталось одно название. Указатель за аркой извещал о том, что они попали в Рейнский розарий, и действительно, вокруг росли розы. Большинство уже отцвели, кроме нескольких диких. Они напомнили Джейку о розе на пустыре на углу Сорок шестой улицы и Второй авеню, и у него заныло сердце.

По одну руку путники увидели прекрасную старинную карусель, с полосатым шатром и лошадами. Карусель застыла, разноцветные лампочки не горели, музыка замолкла навсегда. По спине Джейка пробежал холодок, когда на шее одной лошади он заметил детскую бейсбольную перчатку, зацепившуюся за сбрую. И сразу отвел глаза.

За каруселью растительность стала гуще, с обеих сторон навалившись на тропу так, что странникам пришлось идти колонной по одному, как потерявшимся детям в сказочном лесу. Шипы разросшихся и неухоженных розовых кустов цеплялись за одежду Джейка. Каким-то образом он оказался в авангарде (возможно, потому, что Роланда не отпускали собственные мысли), поэтому «Чарли Чу-Чу» увидел первым.

Приближаясь к рельсам, пересекавшим тропу, маленьким, чуть больше игрушечных, он вспомнил высказывание стрелка о том, что *ка* – все равно что колесо, всякая точка на котором всегда возвращается в прежнее место. *Нас преследуют розы и поезда*, подумал Джейк. *Почему? Я не знаю. Наверное, это еще одна за...*

Тут он взглянул налево, и с его губ сорвался крик: «Божетымойправедный» – все в одно слово. Ноги у него подогнулись, он опустился на землю. Собственный голос донесся до ушей из далекого далека. Сознания он не потерял, но многоцветный мир перед глазами поблек: листва стала серой, совсем как осеннее небо над головой.

– Джейк! Джейк, что случилось?

Эдди. В его голосе Джейк слышал искреннюю озабоченность, но произносил Эдди эти слова на другом континенте. А может, и на другой планете. То ли в Бейруте, то ли на Уране. Джейк почувствовал, как ему на плечо легла рука Роланда.

– Джейк! – Сюзанна. – Что с тобой, сладенький? Что...

Тут она увидела и замолчала. Эдди увидел, больше не сказал ему ни слова. Рука Роланда свалилась с его плеча. Все стояли и смотрели... кроме Джейка, который смотрел сидя. Он полагал, что со временем ноги у него окрепнут и он сможет встать, но пока они напоминали вареные макароны.

Поезд стоял в пятидесяти футах от них, у игрушечной станции, уменьшенной копии той, на которую они прибыли. На свесах крыши красовался большой щит с надписью «ТОПИКА». А сам поезд будто сошел со страниц книги «Чарли Чу-Чу». Те же вагоны, тот паровоз «Бигбой-402». И Джейк знал: если б у него хватило сил подняться и подойти к поезду, он бы нашел мышиное семейство, устроившееся на сиденье, где раньше сидел инженер (и его, безусловно, звали Боб Как-его-там). А еще одно семейство, ласточек, примостилось на дымовой трубе.

*И черные маслянистые слезы*, думал Джейк, глядя на миниатюрный поезд, стоящий у миниатюрной станции, с бегающими по коже мурашками, со скрутившимся в узел желудком.

По ночам он плачет черными маслянистыми слезами, и они блестят в ярком свете его прожектора. Но в свое время, Чарли-бой, ты покатал ребятнишек, не так ли? Ты ехал по периметру парка Гейджа, а ребятнишки смеялись. Все смеялись, за исключением нескольких. Эти-то знали, кто ты такой, и кричали. Как кричал бы я, будь у меня для этого силы.

Но силы к нему возвращались, и когда Эдди подхватил его под одну руку, а Роланд под другую, Джейк сумел подняться. Его качнуло, но он устоял на ногах.

– К твоему сведению, я не думаю, что ты дал слабину. – Голос Эдди звучал мрачно. Мрачным оставалось и его лицо. – У меня тоже такое ощущение, что я сейчас упаду. Это же поезд из твоей книжки. Один к одному.

– Значит, теперь нам понятно, откуда мисс Берил Эванс взяла идею «Чарли Чу-Чу», – вставила Сюзанна. – То ли она жила здесь, то ли до 1942 года, когда эту чертову книгу опубликовали, побывала в Топике...

– ...и увидела игрушечный поезд, который ездит по Рейнскому розарию и вокруг парка Гейджа, – закончил за нее Джейк. Страх уже спал, и он, не только единственный ребенок в семье, но и очень одинокий ребенок, испытывал безграничную любовь и признательность к своим друзьям. Они видели то, что видел он, они понимали причину его испуга. Естественно, все они составляли *ка-тет*.

– Он не будет отвечать на глупые вопросы, не будет играть в глупые игры, – промурлыкал Роланд. – Ты можешь идти, Джейк?

– Да.

– Ты уверен? – спросил Эдди и после утвердительного кивка Джейка покатыл коляску Сюзанны через рельсы. Роланд последовал за ним. Джейк на мгновение задержался, вспомнив сон: он и Ыш пересекают железнодорожные пути, и тут ушастик внезапно поворачивает и бежит по шпалам, отчаянно лая на приближающийся прожектор.

Джейк наклонился, поднял Ыша на руки. Посмотрел на ржавяющий поезд, застывший у станции, темный круг потухшего прожектора, похожего на мертвый глаз.

– Я тебя не боюсь, – прошептал Джейк. – Не боюсь тебя.

Прожектор ожил, коротко сверкнул, как бы говоря: *А я вижу, что боишься. Вижу, маленькая моя, дорогая злючка.*

И погас.

Остальные ничего не заметили. Джейк еще раз посмотрел на поезд, ожидая, что прожектор вспыхнет вновь, может, даже поезд сдвинется с места, чтобы раздавить его, но ничего такого не случилось.

С гулко бьющимся сердцем Джейк устремился вдогонку за своими спутниками.

3

Зоопарк Топики («Всемирно известный зоопарк Топики», если верить вывеске при входе), превратился в кладбище мертвых животных. Некоторые животные, освобожденные из клеток, убежали, другие умерли неподалеку. Большие обезьяны так и остались в обезьяннике, умерли, взявшись за руки. У Эдди на глаза навернулись слезы. С тех пор как остатки героина «выветрились» из организма, он отличался очень бурной эмоциональной реакцией. Прежние друзья подняли бы его на смех.

За обезьянником на дорожке лежал мертвый серый волк. Ыш осторожно приблизился к нему, обнюхал, потом вытянул длинную шею и завыл.

– Заставь его это прекратить, Джейк, слышишь меня? – пробурчал Эдди. Внезапно он понял, что ощущает запах тухлого мяса. Запах очень слабый, поскольку летняя жара уже спала, но к горлу подкатила тошнота, а во рту появился привкус желчи.

– Ыш! Ко мне!

Ыш провыл в последний раз и вернулся к Джейку. Встал у его ног, глядя снизу вверх выпученными глазами с золотистыми ободками. Джейк взял его на руки, по широкой дуге обогнул труп волка, вновь опустил на вымощенную дорожку.

Она вывела их к крутой лестнице (сорняки уже начали пробиваться в зазорах между брусчаткой). На вершине Роланд оглянулся на зоопарк, розарий, парк. Отсюда они видели весь железнодорожный круг, позволяющий пассажирам «Чарли» объехать парк Гейджа по периметру. А за парком холодный ветер наметал опавшие листья на бульвар Гейджа.

– Так пал лорд Перт, – пробормотал Роланд.

– И земля вздрогнула, – добавил Джейк.

Роланд удивленно глянул на него, как человек, пробудившийся после глубокого сна, затем улыбнулся и обнял Джейка за плечи.

– В свое время мне довелось побывать в шкуре лорда Перта.

– Правда?

– Да. И очень скоро вы об этом узнаете.

## 4

Далее путь их лежал мимо вольеров с мертвыми экзотическими птицами, закусочной, рекламирующей (в очень, надо сказать, неудачном месте) ЛУЧШИЕ В ТОПИКЕ БИЗОН-БУРГЕРЫ. Они прошли под еще одной железной аркой с надписью «ЖДЕМ ВАС СНОВА В ПАРКЕ ГЕЙДЖА». А уж за аркой асфальтированная дорога (только для служебных автомобилей), поднимаясь по насыпи, выводила на автостраду. Теперь они уже ясно видели зеленые щиты, которые заметили еще со станции.

– Опять трассоваться, – едва слышно вымолвил Эдди. – Черт побери, – и тяжело вздохнул.

– Что такое трассоваться, Эдди?

Джейк не ожидал, что Эдди ответит. Когда Сюзанна повернулась к нему, Эдди, крепко сжимая рукоятки ее новой коляски, отвел глаза. Потом посмотрел на Сюзанну, на Джейка.

– Не очень приятная история. Как и вся остальная моя жизнь, пока наш Гэри Купер не перебросил меня через Великий Водораздел.

– Ты можешь не...

– Да ничего особенного. Наша компания, я, мой брат Генри, обычно Бродяга О'Хара, потому что у него был автомобиль, Сандра Корбитт, может, еще Джимми Полно, бросали бумажки с нашими именами в шапку. Тот, чье имя вытягивали, становился... гидом, так звал его Генри. Ему... ей, если выбор падал на Сандру, приходилось блюсти «сухой закон». Во всяком случае, не выходить за рамки. Остальные же торчали как хотели. Потом мы все набивались в «крайслер» Бродяги и по автостраде 95 уезжали в Коннектикут. Или по Таконик-паркуэй – в штат Нью-Йорк... только мы его звали Кататоник-паркуэй. Ставили в магнитолах кассету с «Криденс», Марвином Гейе или даже с хитами Элвиса.

Ночью нам нравилось ездить больше, чем днем, особенно при полной луне. Мы мчались по автостраде часами, иногда высовывая головы из окон, как обычно высовываются собаки,

смотрели на луну, считали падающие звезды. Вот это у нас называлось трассоваться. – Эдди улыбнулся. С видимым усилием. – Чудесная жизнь, господи.

– Звучит весело, – ответил Джейк. – Исключая наркотики. Я хочу сказать, ездить по ночам с друзьями, смотреть на луну, слушать музыку... здорово.

– Так оно и было, – кивнул Эдди. – Хотя иной раз мы так наедались «колес», что могли отлить не в кусты, а в свои башмаки. – Он помолчал. – И это самое ужасное, не так ли?

– Трассоваться, – повторил стрелок. – Что ж, потрассуемся.

И они зашагали по дороге, выводящей на автостраду.

5

Кто-то разрисовал два знака, стоящие перед последним поворотом выезда на автостраду. На одном, с надписью «СЕНТ-ЛУИС 215», кто-то размашисто вывел черной краской:

*Берегись ходящего трупа*

На другом, подсказывающем, что до следующей площадки отдыха десять миль, написали уже красной:

*Да здравствует «Кримсон Кинг»*

толстенными буквами, которые так и не выцвели за целое лето. Около каждой надписи красовался нарисованный соответственно черной и красной красками широко раскрытый глаз.

– Ты знаешь, что это означает, Роланд? – спросила Сюзанна.

Роланд покачал головой, но на его лице отразилась тревога, да так и осталась в глазах.

Они двинулись дальше.

6

На пересечении выезда и автострады двое мужчин и мальчик сгрудились у новой коляски, на которой восседала Сюзанна. Все смотрели на восток.

Эдди не знал, что будет, когда они выйдут из Топики, но здесь легковушки и грузовики забили все полосы, ведущие как на запад, так и на восток. У большинства машин рессоры прогибались под тяжестью вещей. Многие изрядно проржавели от летних дождей.

Но не о скопище автомобилей думали они, глядя на восток. Город тянулся еще на полмили и в ту, и в другую сторону: они видели шпили церквей, рекламы кафе быстрого обслуживания («Арбиз», «Уэндиз», «Макдоналдс», «Пицца-Хат» и еще одно название, незнакомое Эдди: «Боинг-Боинг бургерс»), автосалонов, зала для боулинга, называющегося «Хертленд лайнз». Впереди они видели съезд с автострады с указателем «ЦЕНТРАЛЬНАЯ ТОПИКСКАЯ БОЛЬНИЦА». Съезд этот вел к массивному старому зданию из красного кирпича, с маленькими окошками, едва проглядывающими сквозь разросшийся плющ. Эдди

решил, что здание это, очень похожее на тюрьму, должно быть, и есть больница, скорее всего муниципальная, где бедняки часами просиживают на дешевых пластиковых стульях, и все ради того, чтобы какой-нибудь врач кое-как осмотрел их. Оно и понятно: кто они, как не дерьмо собачье.

За больницей город резко обрывался, уступая место червоточине.

Эдди она напонила ровную поверхность воды в стоячем болоте. Червоточина с двух сторон облежала насыпь А-70, серебристая и мерцающая. Ее стараниями знаки, рельсы ограждения и застывшие автомобили дрожали, как миражи. Ноющий, дребезжащий звук накатывал, словно неприятный запах.

Сюзанна закрыла уши руками, уголки ее рта опустились.

– Не знаю, выдержу ли я это. Не хочу показаться неженкой, но меня уже мутит, а я не ела целый день.

Эдди мог подписаться под ее словами. Однако, пусть его и мутило, он не мог оторвать глаз от червоточки. Слово у ткани пространства появилось... что? Лицо? Нет. Огромное вибрирующее марево не имело лица, он видел скорее антипод лица, но у него появилось тело... форма... *присутствие*.

Да, последнее сравнение, пожалуй, самое лучшее. Ткань пространства проявила себя, как проявил себя демон, появившийся в каменном круге, когда они пытались «извлечь» Джейка.

Роланд тем временем копался в своем кошельке. И добрался до самого дна, прежде чем нашел то, что нужно: пригоршню патронов. Он снял правую руку Сюзанны с подлокотника и положил ей на ладонь два патрона.

Затем взял еще два и сунул в уши, пулями вперед. Сюзанна поначалу вытаращилась на него, потом сомнение исчезло из глаз, и она последовала его примеру. И тут же блаженное облегчение разлилось по ее лицу.

Эдди скинул на асфальт заплечный мешок, достал наполовину пустую коробку с патронами сорок четвертого калибра для Джейкова «ругера». Стрелок покачал головой и протянул руку. На ладони лежали четыре патрона, по два для Эдди и Джейка.

– А эти чем плохи? – Эдди вытряс пару патронов из коробки, которая хранилась в глубине одного из ящиков стола Элмера Чеймберза.

– Они из твоего мира и не смогут заблокировать этот звук. Не спрашивай меня, откуда мне это известно. Знаю, и все. Попробуй свои, если хочешь, но они тебе не помогут.

Эдди указал на патроны, лежащие на ладони Роланда.

– Они тоже из нашего мира. Оружейный магазин на углу Седьмой авеню и Сорок девятой улицы. «Клементс», не так ли?

– Они не оттуда. Это мои патроны, Эдди, не раз перезаряженные, но первоначально привезенные из зеленой страны. Из Гилеада.

– Те самые, *мокрые*? – недоверчиво спросил Эдди. – Последние из патронов, попавших в воду на берегу? Которые действительно пропитались водой?

Роланд кивнул.

– Ты же говорил, что стрелять ими уже нельзя! Сколько бы их ни сушить! Что порох... как ты сказал... «Выдохся»?

Роланд вновь кивнул.

– Тогда почему ты их собрал? Зачем тащить с собой бесполезные патроны?

– Что надо говорить после удачной охоты, Эдди? Чтобы и потом не сбиться с прицела.



– Отец, направь мои руки и сердце, чтобы никакая часть зверя не пропала зря.

Роланд в третий раз кивнул. Джейк взял два патрона, вставил в уши. Эдди достались два последних, но сначала он воспользовался своими, которые вытряхнул из коробки. Они приглушили звук, но он остался, вибрируя в центре лба, заставляя глаза слезиться, как при простуде, а в переносице возникло такое ощущение, что она раздувается и вот-вот взорвется. Эдди вытащил их, заменил более крупными, для древних револьверов Роланда. *Вставлять патроны в уши*, подумал Эдди. *Мама бы обделалась*. Но важно не само действие, а результат. Голос червоточины исчез, во всяком случае, удалился на безопасное расстояние. Повернувшись и заговорив с Роландом, Эдди ожидал, что заглохнет и его голос, как бывало, если вставить в уши затычки, однако себя он слышал более чем хорошо.

– Есть хоть что-нибудь, чего ты не знаешь? – спросил он Роланда.

– Да, – ответил Роланд. – И очень многое.

– Как насчет Ыша? – спросил Джейк.

– Думаю, об Ыше можно не волноваться. В путь, надо пройти побольше до темноты.

## 7

На Ыша дребезжащее завывание червоточины действительно не действовало, но он словно прилип к Джейку Чеймберзу, недоверчиво поглядывая на автомобили, запрудившие все полосы движения А-70. И в то же время, отметила Сюзанна, эти машины забили автостраду не полностью. Число их уменьшалось по мере того, как путники удалялись от центра города, но машин все равно хватало. Некоторые сдвигали в одну сторону или другую, несколько автомобилей закатили на разделительную полосу, бетонное возвышение в пределах города и полосу травы вне его.

*Кто-то поработал ломом, вот что я вам скажу*, подумала Сюзанна. Мысль эта несказанно обрадовала ее. Никто не стал бы расчищать тропинку на автостраде в разгар чумы. А если кто-то это сделал, если остались те, кто мог это сделать, значит, чума выкосила не всех. И некрологи в газете – это не вся история.

В некоторых машинах сидели трупы, высохшие, не гниющие, мумии, пристегнутые ремнями безопасности. Но большинство автомобилей пустовало. В большинстве своем водители и пассажиры, попав в пробку, старались покинуть зону заражения на своих двоих, но Сюзанна полагала, что не только эта причина выгнала их на асфальт.

Сюзанна знала, что, почувствовав симптомы смертельной болезни, она осталась бы за рулем только в том случае, если б ее к нему приковали. Если уж умирать, то на открытом воздухе. Лучше всего на вершине холма, даже на пригорке, сойдет и пшеничное поле. Где угодно, лишь бы последний вдох не пах освежителем воздуха, миниатюрный контейнер которого болтался на зеркале заднего обзора.

Поначалу Сюзанне казалось, что им предстоит увидеть много трупов, но теперь она знала, что избытка не будет. Из-за червоточины. Они подходили к ней все ближе и ближе, и она точно уловила момент контакта. По ее телу пробежала дрожь, заставившая вытянуть вперед культишки ног. Оглянувшись, она увидела, что Роланд, Эдди и Джейк кривятся, согнувшись пополам. Словно у них одновременно схватило живот. Эдди и Роланд выпрямились, Джейк, наоборот, нагнулся, чтобы погладить Ыша, который озабоченно уставился на него.

– С вами все в порядке? – спросила Сюзанна сварливым и одновременно насмешливым

голосом Детты Уолкер. Она не собиралась воспользоваться голосом этой дамочки, иногда так получалось само собой.

– Да, – ответил Джейк. – Правда, такое ощущение, что в горле застрял пузырь. – Он тревожно оглядывался. Серебристое марево окружило их, весь мир словно превратился в болотистую норфолкскую топь на рассвете. Неподалеку из этого марева торчали деревья, дрожа, словно миражи. Чуть дальше Сюзанна увидела башню элеватора, которая, казалось, плыла над землей. На ней розовели слова «ГЭДДИШ ФИДС». В нормальных условиях они наверняка стали бы красными.

– А у меня, похоже, пузырь в *голове*, – отозвался Эдди. – Только посмотрите на это гнусное марево.

– Ты ее слышишь? – спросила Сюзанна.

– Да. Но чуть-чуть. Переживу. А ты?

– То же самое. Пошли.

Ощущение такое, что мы летим в открытой кабине самолета сквозь облака, решила Сюзанна. Они все шли и шли в этом гудящем мареве, не похожем ни на туман, ни на воду, иногда какие-то силуэты (амбар, трактор, рекламный щит «У СТАКИ»<sup>[11]</sup>) выплывали из него, затем пропадало все, кроме дороги, которая чуть возвышалась над сверкающей поверхностью червоточины.

А потом внезапно она оборвалась. Дребезжащее гудение осталось позади, слабея с каждым их новым шагом. Вроде бы они могли вытащить затычки из ушей, хотя бы до того времени, как им встретится новая червоточина. Вновь они видели бескрайние просторы...

Нет, слишком уж возвышенно. Канзас под определение «бескрайние просторы» не подпадал. Среди полей тут и там виднелись окрашенные в яркие осенние цвета деревья, отмечающие родник или пруд для коров. Разумеется, ни Большого каньона, ни грохота волн, обрушивающихся на Портлендский маяк, в Канзасе не наблюдалось, но по крайней мере путник мог видеть ниспосланный Богом горизонт и отделаться от неприятного чувства, что ты в могиле. Сюзанна подумала, что лучше всех описал происходящее Джейк, сказав, что они словно добрались до водного миража, которые в жаркие дни видишь далеко впереди на шоссе.

Как ни описывай червоточину, в ее пределах развивается клаустрофобия, потому что окружающий мир исчезает, оставляя лишь две широченные ленты автострады да корпуса автомобилей, похожие на корабли, брошенные в замерзшем океане.

*Пожалуйста, помоги нам выбраться отсюда*, взмолилась Сюзанна Богу, в которого уже не верила. *Во что-то* она продолжала верить, но с того момента как очнулась на берегу Западного моря, ее концепция потустороннего мира претерпела значительные изменения. *Пожалуйста, помоги нам вновь найти Луч. Пожалуйста, помоги покинуть этот мир молчания и смерти.*

Теперь они шагали среди обширных полей. Поравнялись с указателем «БИГ-СПРИНГС – 2 МИЛИ». За их спинами катящееся к горизонту солнце выглянуло в прореху между облаками, осветив алым гладкую поверхность червоточины, задние стекла и фонари замерзших автомобилей. *Полная Земля пришла и ушла*, думала Сюзанна. *Пришла и ушла Жатва. Год, как говаривал Роланд, закрылся.* От этой мысли по спине пробежал холодок.

– На ночь остановимся здесь, – объявил Роланд, как только они миновали съезд к Биг-Спрингс. Далек впереди они вновь видели червоточину, оседлавшую дорогу, но до нее оставались мили и мили. Сюзанна отметила, что в восточном Канзасе до горизонта

чертовски далеко. – Сможем набрать дров, не подходя слишком близко к червоточине, да и ее «голос» здесь не особо достает. Мы даже сможем спать, не затыкая уши патронами.

Эдди и Джейк перелезли через оградительный рельс, спустились по насыпи, начали собирать сушняк в пересохшем русле безымянной речушки, держась вместе, как и наказал им Роланд. Когда они вернулись, облака вновь закрыли солнце, и серые сумерки начали оттеснять день.

Стрелок наколот щепочек для растопки, соорудил из них деревянную трубу на самой правой полосе. Эдди вышел на разделительную полосу и застыл, глядя на восток, сунув руки в карманы. Вскоре к нему присоединились Джейк и Ыш.

Роланд тем временем достал кремень и огниво и разжег костерок.

– Роланд! – позвал Эдди. – Сюзи! Подойдите сюда! Посмотрите туда!

Сюзанна катнула коляску к Эдди, потом Роланд, еще раз бросив взгляд на костерок, взялся за рукоятки коляски.

– Куда смотреть? – спросила Сюзанна.

Эдди показал. Поначалу Сюзанна ничего не увидела, кроме автострады, уходящей за червоточину, до которой они не дошли мили три. Потом... да, что-то там было. Какое-то сооружение на пределе видимости. Тем более в сгущающихся сумерках.

– Это здание? – спросил Джейк. – Черт, похоже, кто-то построил его прямо на дороге.

– Что скажешь, Роланд? – Эдди повернулся к стрелку. – У тебя самые острые глаза во Вселенной.

Какое-то время стрелок молчал, только оторвал взгляд от разделительной полосы, на которой стоял, засунув большие пальцы за ремень.

– Разглядим получше, когда подойдем ближе, – наконец процедил он.

– Да перестань! – не унимался Эдди. – Я серьезно, святое дерьмо! Знаешь ты, что это такое, или нет?

– Разглядим получше, когда подойдем ближе, – повторил стрелок... то есть просто не ответил. Вернулся к костерку, каблуки сапог звонко цокали по асфальту. Сюзанна посмотрела на Джейка и Эдди. Пожала плечами. Пожали плечами и они... а потом Джейк звонко рассмеялся. Обычно, думала Сюзанна, мальчик вел себя скорее как восемнадцатилетний юноша, но, смеясь, превратился в девятилетнего мальчишку. Против чего она несколько не возражала.

Она взглянула на Ыша. Тот не отрывал от них глаз и поеживался так, словно пожимал плечами.

## 8

Они ели кушанье из свернутых листьев с начинкой, которое Эдди обозвал «буррито по-стрелецки», придвинувшись к огню, подкидывая в костер сушняк по мере того, как ночь становилась все темнее. Где-то на юге вскрикнула птица. Такого кричащего одиночества ему еще не доводилось слышать, подумал Эдди. Никто не отличался говорливостью, но Эдди отметил, что после тяжелого дня редко у кого из них возникало желание почесать языком. Словно переход дня в ночь становился для них чем-то особенным, отрывающим каждого от могучего целого, которое Роланд называл *ка-тет*.

Джейк кормил Ыша маленькими кусочками вяленого мяса из своего последнего буррито. Сюзанна сидела на спальном мешке, прикрыв обрубки ног полами халата, и

мечтательно смотрела в костер. Роланд откинулся назад, опершись на локти, вперившись взглядом в небо, где облака начали таять, открывая звезды. Подняв голову, Эдди увидел, что Старая Звезда и Древняя Матерь исчезли, уступив место Полярной звезде и Большой Медведице. Возможно, это не его реальность, подумал Эдди, с автомобилями «такуро», «Монархами Канзас-Сити» и «Боинг-Боинг бургерами»... но очень уж близкая. *Может, соседняя.*

Когда птица закричала вновь, он повернулся к Роланду:

– Вроде бы ты собирался нам что-то рассказать. Насколько я помню, захватывающую историю своей юности. Сюзан... так звали твою девушку, не правда ли?

Какое-то мгновение стрелок продолжал любоваться небом, теперь Роланд не может найти привычных созвездий, догадался Эдди, потом перевел взгляд на своих друзей. Чувствовалось, что ему не по себе. Он словно хотел извиниться.

– Вы не подумаете, что я уйду от ответа, если попрошу у вас еще один день? Мне нужно о многом подумать. А может, мне нужна ночь, чтобы увидеть все во сне. Случилось это давно, очень давно, но я... – Он беспомощно вскинул руки. – Даже после смерти они не успокаиваются. Их кости вызывают из земли.

– Так они – призраки. – В глазах Джейка Эдди увидел ответ того ужаса, который, должно быть, испытал мальчик в доме на Датч-Хилл. Ужас, который он почувствовал, когда привратник вывалился из стены и потянулся к нему. – Если они призраки, то иногда они возвращаются.

– Да, – кивнул Роланд. – Среди них есть призраки, и иногда они возвращаются.

– Может, лучше не раздумывать об этом, – предложила Сюзанна. – Иной раз, если особенно трудно что-то сказать, лучше сразу вскочить на лошадь, и вперед.

Роланд обдумал ее слова, потом вскинул на нее глаза:

– Завтра вечером, у костра, я расскажу вам о Сюзан. Это я обещаю именем моего отца.

– А нам надо это слышать? – резко спросил Эдди. И просто изумился, осознав, что эти слова произнесены именно им: никто так не интересовался прошлым стрелка, как сам Эдди. – Я хочу сказать, если это действительно больно, Роланд... по-настоящему больно... тогда...

– Я не уверен, что вам надо это услышать, но думаю, мне нужно это рассказать. Наше будущее – Башня, и к ней нельзя идти с разбитым сердцем. Я должен сделать все, что в моих силах, чтобы упокоить мое прошлое. Разумеется, я не смогу рассказать вам все... мой мир не стоял на месте даже в прошлом, изменяясь во многих аспектах... но против истины я не погрешу.

– Это будет вестерн<sup>[12]</sup>? – внезапно спросил Джейк.

Роланд недоумевающе воззрился на него:

– Я не понимаю смысла этого слова, Джейк. Гилеад – феодал в Западном мире, все так, как и Меджис, но...

– Это будет вестерн, – уверенно оборвал его Эдди. – Все Роландовы истории – вестерны, когда дело доходит до главного. – Он лег, натянув на себя одеяло. С запада и востока доносилось ноющее дребезжание червоточин. Он сунул руку в карман, где лежали патроны, которые дал ему Роланд, удовлетворенно кивнул, нащупав их. Эдди полагал, что сможет спать, не затыкая ими уши, но вот завтра без них никак не обойтись. Они еще не сошли с трассы.

Сюзанна наклонилась над ним, чмокнула в кончик носа.

– Пора баиньки, сладенький? Притомился?

– Да. – Эдди закинул руки за голову. – Не каждый день удается прокатиться на самом быстром в мире поезде, уничтожить самый умный в мире компьютер и обнаружить, что грипп очистил Землю от людей. И все это, заметь, до обеда. От такого дерьма намаешься. – Эдди улыбнулся и закрыл глаза. И продолжал улыбаться, когда сон принял его в свои объятия.

## 9

В его сне они все стояли на углу Второй авеню и Сорок шестой улицы, глядя через невысокий дощатый забор на заросший сорняками пустырь. В одежде Срединного мира – кожаные штаны и старые рубашки, заштопанные и залатанные, – но никто из прохожих, спешащих по Второй авеню, не обращал на них ни малейшего внимания. Никто не замечал ни ушастика-путаника на руках Джейка, ни их грозного вооружения.

*Потому что мы – призраки*, подумал Эдди. *Мы – призраки и не можем угомониться.*

Забор украшали афиши. Одна сообщала о турне «Секс пистолз» (они решили вновь выступить вместе, и Эдди подумал, что это очень уж забавно: он-то полагал, что «Пистолз» – единственная группа, которая никогда не воссоединится<sup>[13]</sup>), вторая приглашала на концерт комика Адама Сандлера, о котором Эдди никогда не слышал, третья расхваливала фильм «Ремесло» – о малолетних колдуньях. А над ней кто-то красной краской написал на заборе:

Вот МЕДВЕДЬ, как он страшен, огромен,  
МИР в зрачках его сужен и темен,  
ВРЕМЯ мчит, день грядущий, вчерашний,  
Впереди очертания БАШНИ.<sup>[14]</sup>

– *Вон она*, – указал Джейк. – *Роза. Видите, как она нас ждет посреди пустыря.*

– *Да, она прекрасна*, – воскликнула Сюзанна. А потом увидела объявление на щите, вкопанном рядом с розой. – *А это что такое?*

Объявление извещало о том, что две фирмы, «Строительная компания Миллза» и «Риэлтерская контора Сомбра», намереваются возвести на пустыре кондоминиум «Бухта Большой черепахи». Когда? СКОРО – другого ответа на этот вопрос на щите не просматривалось.

– *Я бы об этом не тревожился*, – заметил Джейк. – *Этот щит стоял здесь и раньше. Он, должно быть, такой же старый, как и...*

В этот момент воздух сотряс рев мощного двигателя. Из-за забора, со стороны Сорок шестой улицы, словно дымовая завеса, поднялись клубы сизого выхлопа. Тут же забор рухнул, и в образовавшуюся брешь ворвался огромный красный бульдозер. Даже нож и тот выкрасили в красный цвет. А вот надпись «ДА ЗДРАВСТВУЕТ „КРИМСОН КИНГ“» вывели ярко-желтой, бьющей по нервам, как паника, краской. За рычагами, злобно лыбясь на них, сидел мужчина, который похитил Джейка с моста над рекой Сенд... их давний знакомец Гашер. На каске чернела надпись „ЛИТЕЙНАЯ ЛАМЕРКА“. А повыше кто-то намалевал один широко раскрытый глаз.

Гашер опустил бульдозерный нож. И по диагонали покатил через пустырь, превращая в пыль куски кирпича, бутылки из-под пива и воды, вышибая искры из булыжников.

Надвигался он прямо на розу, покачивающую грациозным бутонем.

– *Посмотрим, сможете ли вы теперь задавать ваши глупые вопросы!* – прокричал этот незванный призрак. – *Спрашивайте о чем хотите, мои дорогие лапочки, почему нет? Старина Гашер обожает загадки! Только одно вы должны усечь – о чем бы вы меня ни спросили, я раздавлю эту мерзкую розу, размажу по земле, будьте уверены! А потом проедусь по ней еще раз, мои дорогие лапочки! Разотру в порошок! Разотру!*

Сюзанна вскрикнула, когда красный нож бульдозера навис над розой. Эдди схватился за забор. Сейчас он перепрыгнет через него, бросится на розу, попытается прикрыть ее своим телом...

...только поздно. И он это знал.

Он взглянул на хихикающего мерзавца, сидящего за рычагами, и увидел, что это не Гашер, а инженер Боб из «Чарли Чу-Чу».

– *Остановись!* – крикнул Эдди. – *Ради Бога, остановись!*

– *Не могу, Эдди. Мир «сдвинулся с места», и я не могу остановиться. Я должен двигаться вместе с ним.*

Тень бульдозера упала на розу, нож срезал один из столбов, на котором держался щит (Эдди увидел, как слово СКОРО сменилось словом ТЕПЕРЬ).

А за рычагами бульдозера сидел уже не инженер Боб.

Роланд.

## 10

Эдди, тяжело дыша, сидел на крайней правой полосе автострады. Воздух, вырываясь изо рта, сразу обращался в пар, пот уже охлаждал разгоряченную кожу. Он не сомневался, что кричал во сне, *не мог* не кричать, но Сюзанна спала, из спальника, который она делила с ним, торчала только ее макушка. Джейк тихонько посапывал слева от него, одной рукой обняв Ёша. Спал и ушастик.

А вот Роланд не спал. Роланд сидел по другую сторону потухшего костра, чистил револьверы под звездным светом и смотрел на Эдди.

– Плохой сон, – без вопросительных интонаций.

– Да.

– Визит старшего брата?

Эдди покачал головой.

– Тогда Башня? Розовые поля и Башня? – Лицо Роланда оставалось бесстрастным, но Эдди уловил то нетерпение, что всегда слышалось в его голосе при упоминании Темной Башни. Эдди как-то сказал, что Башня для стрелка – тот же наркотик, и Роланд не стал этого отрицать.

– На этот раз нет.

– Тогда что?

По телу Эдди пробежала дрожь.

– Холодно.

– Да. Спасибо твоим богам, что хоть нет дождя. Осенний дождь – это зло, которого следует избегать. Так что тебе приснилось?

Эдди, однако, мялся.

– Ты никогда не предашь нас, Роланд?

– Никто не может в этом поклясться, Эдди, и мне не раз довелось побывать в предателях. К моему стыду. Но... я думаю, это все в прошлом. Мы едины, *ка-тет*. Если я предаю одного из вас... даже пушистого приятеля Джейка, я предаю себя. Почему ты спросил?

– И ты никогда не откажешься от нашего общего дела?

– Поисков Башни? Нет, Эдди. Никогда. А теперь перескажи мне свой сон.

Эдди пересказал, ничего не опуская. Когда он закончил, Роланд, хмурясь, смотрел на свои револьверы. Они, казалось, собрались сами, пока Эдди говорил.

– Так что это должно означать? Почему я увидел тебя за рычагами бульдозера? Я все еще не доверяю тебе? Подсознательно я...

– Это и есть психоанализ? Та белиберда, о который ты говорил с Сюзанной?

– Да, похоже на то?

– Дерьмо собачье, – отрезал Роланд. – Мешанины тут быть не может. Сны означают или все, или ничего. Если все – практически на сто процентов это послания... ну, с других уровней Башни. – Он всмотрелся в Эдди. – И не всегда послания эти от наших друзей.

– Кто-то или что-то ковыряется в моей голове? Так тебя понимать?

– Думаю, это возможно. Но ты все равно должен приглядывать за мной. Как ты знаешь, я это терплю.

– Я тебе верю. – И натуга, с которой Эдди выдавил эти слова, придала им искренности. По лицу Роланда чувствовалось, что он тронут, даже потрясен, и Эдди отругал себя за то, что не так давно держал Роланда за бесчувственного робота. Возможно, Роланду не доставало воображения, но с эмоциями у него все было в порядке.

– В твоём сне меня тревожит другое, Эдди.

– Бульдозер?

– Да, машина. Угроза розе.

– Джейк видел розу, Роланд. Во всей красе.

Роланд кивнул.

– В его времени, в конкретный день, роза цвела. Но это не означает, что так будет и дальше. Если начнется строительство, о котором извещало объявление... если появится *бульдозер*...

– Есть и другие миры, кроме этого. Помнишь?

– Есть и такое, что существует только в одном *времени*, одной реальности. – Роланд лег, обозрел звездное небо. – Мы должны защищать эту розу. Защищать всеми силами.

– Ты думаешь, это еще одна дверь, не так ли? Та, что открывается в Темную Башню.

Стрелок посмотрел на него глазами, полными звездного блеска.

– Я думаю – это Башня. И если ее уничтожат...

Его глаза закрылись. Больше он ничего не сказал.

А Эдди долго лежал без сна.

Новый день выдался ясным, солнечным и холодным. Утренний свет подтвердил то, что Эдди заметил вечером: впереди что-то высилось... но что именно, он сказать не мог. Еще одна загадка, а они ему изрядно поднадоели.

Он стоял прищурившись, ладонью прикрывая глаза от солнца, с Сюзанной с одной

стороны и Джейком – с другой. Роланд остался у костра, пакуя то, что он называл их *ганна*, по-простому, пожитки. Загадочное сооружение несколько его не интересовало. И он, похоже, не знал, что это такое.

Далеко ли оно? В тридцати милях? В пятидесяти? Ответ зависел от того, каков предел видимости на плоской равнине, а Эдди этого не знал. Сомнений у него не было лишь по двум позициям: во-первых, это какое-то здание, во-вторых, расположилось оно точно поперек дороги. Иначе они бы его не увидели. Оно растворилось бы в червоточине... не так ли?

*Может, оно стояло на пустоши, какие Сюзи называла «дыры в облаках». А может, червоточина оборвется до того места, где стоит здание. А может, это чертова галлюцинация. В любом случае какое-то время фантазировать не имело смысла. Сначала предстояло прогуляться по автостраде.*

Однако здание завораживало его. Оно переливалось синим и золотым, словно сошло со страниц «Тысячи и одной ночи», хотя Эдди подозревал, что синевой оно обязано небу, а золотом – лучам утреннего солнца.

– Роланд, подойди на секунду!

Поначалу Эдди думал, что стрелок проигнорирует его слова, но Роланд встал, потер поясницу, потянулся и направился к ним.

– Господи, такое ощущение, что до наших вещей никому, кроме меня, дела нет, – проворчал Роланд.

– Мы тебе поможем, – пообещал Эдди. – Мы всегда помогаем, не так ли? Но сначала посмотри вон туда.

Роланд посмотрел, вернее, коротко взглянул, словно знать не хотел, что ждет их впереди.

– Это стекло, не правда ли? – не отставал Эдди.

Еще один короткий взгляд.

– Как будто.

– В моем времени много стеклянных зданий, но все они – бизнес-центры. А тому, что перед нами, самое место в диснеевском мультфильме. Ты знаешь, что это за здание?

– Нет.

– Тогда почему не хочешь получше его рассмотреть? – спросила Сюзанна.

Роланд опять взглянул на пятнышко отражающегося от стекла света, очень коротко, и отвел глаза.

– Ждать от него можно только беды, и оно стоит у нас на пути. Мы туда еще доберемся. А сейчас нечего думать об этом.

– Мы доберемся туда сегодня? – спросил Джейк.

Роланд пожал плечами, лицо по-прежнему напоминало маску.

– Вода будет, если Бог того пожелает.

– Господи, да тебе прямая дорога в предсказатели, – воскликнул Эдди. Он надеялся увидеть на лице Роланда улыбку, но просчитался. Роланд вернулся к костру, подхватил с асфальта заплечный мешок и кошель. Остальным ничего не оставалось, как последовать его примеру. Разобравшись с вещами, путники двинулись на восток по автостраде 70. Стрелок шел первым, опустив голову, не отрывая глаз от сапог.



приближалось (*ждать от него можно только беды*, оно у нас на пути, сказал он), Сюзанна все более склонялась к мысли, что он не сердится на них, не волнуется из-за тех опасностей, что могут подстергать их впереди. Все его мысли сосредоточены на предстоящем вечере. Думает он об истории, которую пообещал рассказать им. И рассказ этот не просто тревожит его. Пугает.

В полдень, на привале, они уже отчетливо видели здание: дворец с множеством башен, облицованный стеклом. Червоточина расположилась вокруг дворца, но сам он как бы парил над ней, с устремленными к небу башнями. На плоской равнине восточного Канзаса дворец этот казался абсолютно инородным телом, но Сюзанна подумала, что никогда в жизни не видела более красивого здания. Сравнения с ним не выдерживал даже Крайслер-Билдинг<sup>[15]</sup>, а это что-то да значило.

И по мере того как они приближались ко дворцу, она уже не могла смотреть ни на что другое. Не могла оторвать глаз от отражений облаков, проплывающих по синему стеклу стен и крыши дворца. Она словно смотрела замечательный фильм... однако ощущения, что все это – иллюзия, не было. Трехмерность дворца сомнений не вызывала. Хотя бы потому, что он в отличие от миражей отбрасывал тень. Он существовал, твердо стоя на земле, пусть Сюзанна никак не могла взять в толк, как такое чудо появилось в краю «Стаки» и «Харди»<sup>[16]</sup> (не упоминая уже о «Боинг-Боинг бургерсах»). Но оно появилось. И Сюзанна пришла к логичному выводу, что со временем она все узнает.

## 13

Лагерь они разбили в молчании, молча наблюдали, как Роланд разжигает костер, молча сели у костра, наблюдая, как заходящее солнце обратило лежащий перед ними огромный стеклянный дворец в огненный замок. Башни и крепостные стены поначалу яростно пламенели, потом стали оранжевыми, золотыми и, наконец, охряными, как только над ними поднялась Старая Звезда.

Нет, подумала Сюзанна голосом Детты. *Это не Старая Звезда, детка. Это Северная Звезда*<sup>[17]</sup>. *Та самая, что ты видела дома, сидя на коленях у папашки.*

Но неожиданно для себя Сюзанна поняла, что ей хочется видеть над собой Старую Звезду, Старую Звезду и Древнюю Матерь. К своему изумлению, она осознала, что тоскует по миру Роланда, а потом задалась вопросом: а чему она, собственно, изумляется? В том мире, в конце концов, никто не называл ее гребаной негритоской (по крайней мере пока), в том мире она нашла мужчину, которого полюбила... и добрых друзей. От этой мысли у нее на глаза навернулись слезы, и она прижала к себе Джейка. Джейк не возражал, он улыбался, полузакрыв глаза. А в отдалении тянула свою ноющую песнь червоточина. Звук неприятный, но еще терпимый, даже без затычек-патронов.

Когда же сумерки смыли последние остатки желтого со стен дворца, Роланд приготовил ужин, раздал еду. Поели они в молчании (Сюзанна заметила, что Роланд едва прикоснулся к своей порции). К тому времени как они закончили трапезу, Млечный Путь раскинулся над дворцом во всей красе: звезды отражались от стеклянных стен, как от стоячей воды.

В конце концов молчание нарушил Эдди:

– Ты не обязан. Тебя простили. Или отпустили грехи. Или сделали все, что требуется, для того чтобы стереть это выражение с твоего лица.

Роланд пропустил его слова мимо ушей. Он пил, придерживая бурдюк локтем, как какой-нибудь крестьянин, хлебающий самогон из горла, закинув голову, глазами к звездам. Последний глоток выплюнул на обочину.

– Вода – дар Божий, – буркнул Эдди без тени улыбки.

Роланд ничего не сказал, но его лицо побледнело, словно он увидел призрак. Или услышал его.

Стрелок повернулся к Джейку, который пристально смотрел на него.

– Я прошел обряд совершеннолетия и стал мужчиной в четырнадцать лет, самым младшим в моем *ка-тет*... ты бы сказал, в моем классе. Возможно, самым молодым во все времена. Кое-что я тебе рассказывал, Джейк. Ты помнишь?

*Ты всем нам что-то рассказывал*, подумала Сюзанна, но рта не раскрыла и взглядом предупредила Эдди, что лучше помолчать. Роланд в то время был не в себе, в его сознании одновременно существовали два Джейка, живой и мертвый, короче, он боролся с безумием.

– Когда мы преследовали Уолтера? – спросил Джейк. – На привале, незадолго до того, как я... как я упал?

– Совершенно верно.

– Кое-что я помню, но смутно. Как помнят сны.

Роланд кивнул.

– Тогда слушай. На этот раз я расскажу больше, Джейк, потому что ты стал старше. Полагаю, и мы тоже.

Сюзанна и во второй раз ловила каждое слово. Роланд обнаружил Мартена, советника отца (и его колдуна) в покоях матери. Разумеется, не по воле случая. Мальчик, проходя мимо двери, ведущей в покои, не удостоил бы ее и взглядом, но Мартен открыл дверь и пригласил его войти. Мартен сказал Роланду, что мать хочет его видеть, но печальная улыбка и опущенные долу глаза подсказали мальчику, что в этот самый момент Габриэль Дискейн меньше всего хотела видеть сына.

Румянец на щеках и отметина от поцелуя на шее сказали ему все.

Результатом стал обряд совершеннолетия, слишком ранний для мальчика его возраста, но выбор оружия, им стал его сокол Давид, оказался сюрпризом для учителя, и Роланд сумел победить Корта, отнял у него палку... и приобрел смертельного врага, Мартена.

Жестоко страдающий, с изорванным в клочья лицом, напоминающим страшную маску гоблина, какую только может представить себе ребенок, Корт нашел в себе силы не потерять сознание и, прежде чем провалиться в темноту, успел дать последний совет самому юному подмастерью<sup>[18]</sup> из тех, кого ему доводилось учить: держись подальше от Мартена, во всяком случае, пока.

– Он посоветовал мне подождать, пока история нашего поединка превратится в легенду. – Стрелок обвел взглядом Эдди, Сюзанну и Джейка. – Подождать, пока у моей тени на лице вырастет борода и начнет преследовать колдуна в его снах.

– Ты последовал его совету? – спросила Сюзанна.

– Мне не дали, – с печальной, полной душевной боли улыбкой ответил Роланд. – Я хотел подумать над этим, серьезно подумать, но... все изменилось. И очень резко.

– Да, так бывает, – кивнул Эдди. – Уж я-то знаю.

– Я похоронил моего сокола, первое оружие, которое выковал, и, возможно, самое лучшее. Потом... и вот об этом я тебе точно не рассказывал, Джейк... пошел в Нижний город. Летнюю жару охладил грозные ливни, и в комнатке над одним из борделей, в которых так любил бывать Корт, я впервые лег в постель с женщиной.

Он задумчиво пошебаршил палкой в костре, внезапно до него дошло, сколь точно его движение ассоциируется с последними сказанными им словами, и с кривой усмешкой отбросил палку. Дымясь, она упала около колеса брошенного «доджа-аспена».

– Мне понравилось. Секс – это хорошо. Конечно, не так хорошо, как мы представляли себе, шепчась об этом между собой, но...

– По-моему, молодые преувеличивают достоинства купленных удовольствий, сладенький, – вставила Сюзанна.

– Я заснул, хотя внизу громко пели под пианино, а в окно бил град. Проснулся наутро в... ну... скажем так, меня разбудил человек, которого я никак не ожидал увидеть в таком месте.

Джейк подбросил в костер сушняка. Он вспыхнул, окрасив багрянцем щеки Роланда, зачернив тени под его бровями, нижней губой. Пока Роланд говорил, Сюзанна буквально видела, что происходило в то давнишнее утро, пахнущее мокрой брусчаткой и пропитанным влагой летним воздухом; что случилось в маленькой комнатке шлюхи над общим залом в Нижнем городе Гилеада, откуда барон правил Нью-Канааном, маленьким феодалом, затерянным в западных землях Срединного мира.

Мальчик, еще не отошедший от вчерашнего поединка, только что познавший тайны секса. Четырнадцатилетний мальчик, во сне тянувший разве что на двенадцатилетнего, с густой бахромой ресниц, лежащих на щеках, с веками, прикрывающими удивительные синие глаза, с ладонью, охватывающей грудь проститутки, исцарапанным когтями сокола запястьем поверх покрывала. Мальчик, досыпающий последний спокойный сон, мальчик, который вскоре отправится в дальний путь, покатится, как высвободившийся камешек по крутому склону. Камешек, вышибающий второй, третий, четвертый, те камешки в свою очередь вышибают другие, и так до тех пор, пока весь склон не придет в движение и земля не задрожит от грохота несущейся лавины.

Мальчик – камешек на склоне, освободившийся от земных уз и готовый покатиться вниз.

В костре рванула шишка. Где-то в поле взвизгнул зверь. Сюзанна наблюдала, как искры пролетели мимо невероятно древнего лица Роланда, и увидела в этом лице мальчика, мирно спящего летним утром в постели шлюхи. А потом она увидела, как с треском распахнулась дверь, оборвав сон последнего романтика Гилеада.

Мужчина влетел в комнату и широкими шагами пересек ее, прежде чем Роланд успел открыть глаза (прежде чем женщина, лежащая рядом с ним, начала соображать, что в комнате они не одни). Высокий, стройный, в вылинявших джинсах и пропыленной рубашке из синей шамбре<sup>[19]</sup>, темно-серой шляпе с лентой из змеиной кожи. По бедрам били выдавшие виды кожаные кобуры. Из них выглядывали отделанные сандаловым деревом рукоятки револьверов, которые мальчику предстояло пронести по землям, каких этот хмурый мужчина с пронзительными синими глазами и представить себе не мог.

Роланд начал действовать, еще не открыв глаз. Скатился влево, сунул руку под кровать.

Быстрота его движений завораживала, даже пугала... Сюзанна все видела, видела отчетливо... но мужчина в вылинявших джинсах оказался проворнее. Он схватил мальчика за плечо и дернул, вышвырнув его из постели на пол. Мальчик распластался на досках, рука его вновь метнулась под кровать со скоростью молнии. Но мужчина в джинсах придавил пальцы каблуком, прежде чем они успели добраться до цели.

– Мерзавец! – вырвалось у мальчика. – Ах ты, мер...

Вот тут его глаза открылись, он поднял голову и увидел, что нарушивший их уединение мерзавец – его отец.

Проститутка уже сидела, с припухшими глазами, на ее лице читалось раздражение.

– Эй ты! – воскликнула она. – Какого черта! Сюда нельзя вот так заходить. Нельзя! Если я сейчас закричу...

Не обращая на нее ни малейшего внимания, мужчина вытащил из-под кровати два пояса. Каждый с револьвером в кобуре. Большими револьверами, на диво большими, учитывая, что в этом мире огнестрельное оружие было редкостью, но не такими большими, как торчали из кобур отца Роланда, с рукоятками, инкрустированными деревянными пластинами. Когда шлюха увидела револьверы на бедрах незваного гостя и те, что он держал в руках... те, что болтались на бедрах ее юного клиента до того, как она привела его в свою комнату и лишила всего вооружения, за исключением одного орудия, наиболее ей знакомого, от раздражения на ее лице не осталось и следа. Мгновенно сработал инстинкт самосохранения. Она соскочила с кровати, метнулась к двери и исчезла за ней, сверкнув на солнце голым задом.

Ни отец, стоящий у кровати, ни сын, лежащий голый на полу, даже не взглянули на нее. Мужчина в джинсах поднял пояса с револьверами, которые Роланд накануне взял из арсенала под казармой, отомкнув дверь ключом Корта. Потряс ими перед лицом Роланда, как трясут изгрызанной одеждой перед мордой щенка, у которого режутся зубы. Тряхнул с такой силой, что один из револьверов выпал из кобуры. Несмотря на то что Роланд еще не пришел в себя от изумления, револьвер он поймал на лету.

– Я думал, ты на западе. В Крессии. Преследуешь Фарсона и его...

Отец Роланда отвесил ему затрецину. Мальчишка отлетел в дальний угол, из уголка рта заструилась кровь. Инстинктивно Роланд подумал о том, что надо поднять револьвер, который он все держал в руке и...

Стивен Дискейн смотрел на него, уперев руки в бока, мысль сына он прочел до того, как тот ее окончательно сформулировал. И губы Стивена разошлись в безрадостной улыбке, обнажив не только зубы, но и десны.

– Пристрели меня, если сможешь. Почему нет? Доверши начатое. О боги, я сочту это за счастье!

Роланд положил револьвер на пол и отодвинул тыльной стороной ладони. Он не хотел, чтобы его пальцы оказались в непосредственной близости от спускового крючка. Они уже не полностью подчинялись ему, эти пальцы. Он узнал об этом вчера, аккуратно после того, как сломал Карту нос.

– Отец, вчера я выдержал испытание. Я отнял палку Корта. Я победил. Я – мужчина.

– Ты дурак, – ответил отец. Улыбка исчезла. Он разом постарел, осунулся. Тяжело опустился на шлюхину кровать. Посмотрел на пояса с кобурами, что держал в руке, выронил их на пол. – Ты – четырнадцатилетний дурак, а это самый худший тип дураков. – Он вскинул голову, вновь пылая яростью, но Роланд не возражал: ярость, она куда лучше, чем покорность судьбе, признак старости. – С того момента как ты научился ходить, я знал, что ты не гений,

но до вчерашнего дня не верил, что ты идиот. Позволить ему заманить себя в ловушку, как корову на бойню! Боги! Ты забыл имя своего отца! Скажи это!

Вот тут разозлился и мальчик. Как раз вчера лицо отца ни на секунду не покидало его, оставаясь с ним во всех его деяниях.

– Это неправда! – прокричал он из угла, сидя голой задницей на занозистых досках пола, прижимаясь спиной к стене. Солнечный свет, вливаясь в окно, касался пушка на его не знающей бритвы щеке.

– Это правда, щенок! Глупый щенок! Извиняйся, а не то я спущу с тебя шку...

– Я видел их вместе! – взорвался Роланд. – Твою жену и твоего министра... твоего мага! Я видел отметину его рта на ее шее! *На шее моей матери!* – Он потянулся за револьвером, поднял его, но, даже сгорая от стыда и ярости, не позволил пальцам приблизиться к спусковому крючку. Револьвер подмастерья он держал за металл ствола. – Сегодня я оборву жизнь этого предателя и соблазнителя, и если у тебя не хватает мужества помочь мне в этом, по крайней мере ты можешь отойти в сторону и не мешать...

Один из револьверов Стивена покинул кобуру на его бедре и оказался в руке, прежде чем глаз Роланда уловил какое-то движение. Единственный выстрел громом прогремел в комнатенке. Прошла минута, прежде чем Роланд вновь начал слышать. Подмастерьевского револьвера у него давно уже не было. Его вышибло из руки, до сих пор дрожащей мелкой дрожью. Он вылетел в окно, превращенный в кусок расплющенного металла, так и не успев послужить новому хозяину.

Роланд изумленно взирал на отца, тот долго молчал, не сводя глаз с сына. Теперь на его лице читались спокойствие и уверенность. Такое лицо Роланд помнил с раннего детства. Усталость и едва сдерживаемая ярость исчезли, как вчерашние раскаты грома.

Наконец Стивен заговорил:

– Я сказал неправду и извиняюсь перед тобой. Ты не забыл моего лица, Роланд. Но все-таки ты сглупил, позволил себе поддаться на уловку хитреца, с которым тебе никогда не сравниться. И только благодаря милосердию богов и воле *ка* тебя не послали на запад. И тогда еще одного истинного стрелка смело бы с дороги Мартена... с дороги Джона Фарсона... с дороги, ведущей к существу, которое правит ими. – Он встал, протянул к сыну руки. – Если бы я потерял тебя, Роланд, то умер бы.

Роланд поднялся, голый подошел к отцу, который яростно его обнял. Когда Стивен Дискейн поцеловал Роланда сначала в одну щеку, а потом во вторую, мальчик заплакал. И тут же Стивен Дискейн прошептал на ухо сыну шесть слов.

– Каких? – спросила Сюзанна. – Каких шесть слов?

– «Я знаю об этом два года», – ответил Роланд. – Вот что он прошептал.

– Святой Иисус, – вырвалось у Эдди.

– Он сказал, что во дворец мне возвращаться нельзя, или я не доживу до захода солнца. Он сказал: «Ты рожден для того, чтобы выполнить предназначенное тебе судьбой, и никакие козни Мартена не смогут этому помешать. Однако он поклялся убить тебя, прежде чем ты вырастешь и превратишься в угрозу его планам. И ты все равно должен покинуть Гилеад, хотя и вышел победителем из поединка с Кортом. Только поедешь ты не на запад, а на восток. Я не могу отослать тебя одного и без цели. – После короткой паузы Стивен добавил:

– И с этими жалкими „подмастерьевскими револьверами“.

– И какую он поставил перед тобой цель? – спросил Джейк. История захватила его, глаза блестели, как у Ыша. – Кого послал с тобой?

– Все это вам предстоит услышать, – ответил Роланд. – И со временем дать мне оценку.

Он глубоко вздохнул, так вздыхают перед тем, как приступить к тяжелой, но нужной работе, подбросил в костер сушняка. А когда разгорелось пламя, отодвинув от костра тени, начал рассказ. Говорил он всю ночь, закончив историю Сюзан Дельгадо, лишь когда на востоке поднялось солнце, залило стеклянный замок ярким светом нового дня и все увидели, что истинный цвет стен, башен и крыши – зеленый.



# Глава первая

## Под Целующейся луной

1

Идеальный серебряный диск, Целующаяся Луна, как ее звали на Полную Землю, висела над изъеденным ветром, лишенным растительности холмом, что высился в пяти милях к востоку от Хэмбри и в десяти милях к югу от каньона Молнии. Под холмом еще стояла жара позднего лета, удушливая даже через два часа после захода солнца, но на вершине Кооса уже миновала пора жатвы, и резкий ветер бросал в лицо порывы холодного воздуха. Женщине, которая жила на холме в компании старого кота-мутанта и змеи, предстояла долгая ночь.

Она, впрочем, не возражала. Отнюдь. Руки при деле – счастливые руки. Так чего жаловаться.

Женщина подождала, пока стихнет топот лошадей ее ночных гостей, сидя у окна в большой комнате хижины (вторая комната, спальня, размерами лишь не намного превосходила чулан). Масти, шестилапый кот, устроился у нее на плече. На ее колени падал лунный свет.

Три лошади уносили прочь троих мужчин. Больших охотников за гробами, так они называли себя.

Она хмыкнула. Забавные они, эти мужчины, но самое смешное заключалось в том, что они об этом и не подозревали. Мужчины, такие хвастливые, выдумывающие себе грозные прозвища. Мужчины, так гордящиеся своими мускулами, способностью много выпить, много съесть, а особенно своими болтающимися концами. Да, даже в нынешние времена, когда большая их часть годится лишь на то, чтобы зачать детей-уродов, которых следует сразу топить в ближайшем колодце. Но вина, разумеется, лежит не на них, не так ли, дорогая? Нет, всегда виновата женщина: ее чрево – ее вина. Мужчины такие трусы. Улыбающиеся трусы. И эти трое ничем не отличались от остальных. Разве что хромоногую старика следовало остерегаться, его ясных и очень уж любопытных глаз, которые смотрели на нее с его головы, но она не видела в них ничего такого, с чем не смогла бы справиться.

Мужчины! Она не могла понять, почему так много женщин их боится. Разве боги не создали их с наиболее уязвимой частью организма, болтающейся между ног, как кишка, которой не хватило места в животе? Ударь их туда, и они свернутся в спираль. Поласкай их там, и у них растают мозги. А тому, кто хоть чуть-чуть сомневался в справедливости этого утверждения, достаточно узнать о том деле, что еще ждало ее. Торин! Мэр Хэмбри! Командир гвардии феода! Нет большего дурака, чем старый дурак!

Однако эти мысли лишь пролетали в ее голове и не несли в себе никакой угрозы, по крайней мере пока. Трое мужчин, называвших себя Большими охотниками за гробами, привезли ей чудо из чудес, и женщине не терпелось взглянуть на него. Не просто взглянуть, до дна испить глазами эту чашу. Этим она и собиралась заняться.

Джонас, этот хромоногий, настоял, чтобы она спрятала привезенное ими чудо, ему сказали, что у нее есть такой тайник. Нет, нет, сам он не хотел знать, где находится этот тайник или какой другой, избави Боже (при этих словах Дипейп и Рейнолдс загоготали, как тролли). Она спрятала, но теперь, когда топот копыт растворился в порывах ветра, могла делать все, что ей заблагорассудится. Девушка, грудь которой лишила Харта Торина остатков



мозгов, придет не раньше чем через час (старуха настояла, чтобы из города девушка шла пешком, якобы для того, чтобы ее очистил лунный свет: на самом же деле ей хотелось развести во времени две встречи), и этот час она могла использовать по собственному усмотрению.

– О, как ты прекрасен, я в этом уверена, – прошептала она и почувствовала некий жар в том месте, где сходились ноги. Влага проступила в сухом ручье, что прятался там? О боги! – Да, даже сквозь ящик, в котором они тебя спрятали, я чувствую твой блеск. Масти, он так же прекрасен, как и ты. – Она сняла кота с плеча, подержала перед собой. Старый кот замурлыкал и потянулся мордочкой к ее лицу. Она поцеловала его в нос. Кот от восторга зажмурился. – Прекрасен, как ты. Да, как ты, как ты! Увидишь сам!

Она опустила кота на пол. Он медленно направился к очагу, где еще горел огонь, «доедая» последнее полено. Хвост Масти, расщепленный на конце, как у дьявола, нарисованного в старинных книгах, мотался из стороны в сторону в освещенном оранжевыми бликами воздухе комнаты. Его лишние лапы, свисая с боков, покачивались в такт шагам. Тень, поднимающаяся с пола на стену, являла собой чудовище: жуткую помесь кота и паука.

Старуха поднялась и направилась в спальню-чулан, где спрятала принесенное Джонасом.

– Если потеряешь, останешься без головы, – предупредил он.

– За меня не беспокойся, мой добрый друг, – ответила она, скупно улыбнувшись через плечо, думая при этом: мужчины! До чего же глупые и самоуверенные существа!

Теперь она подошла к изножию кровати, провела рукой по земляному полу. На, казалось бы, твердой поверхности появились щели. Образовали квадрат. Она сунула пальцы в одну из щелей. Квадрат приподнялся. Она сняла потайную панель (потайную в том смысле, что никто не мог найти ее, кроме старухи). Под ней открылась ниша в два фута глубиной и площадью в квадратный фут. На дне стоял ящик из железного дерева. На его крышке свернулась в клубок зеленая змея. Когда пальцы старухи коснулись змеи, та подняла головку вверх. Пасть раскрылась в безмолвном шипении, открыв четыре пары зубов, две – наверху, две – внизу.

Старуха достала змею из ниши, что-то ей ласково нашептывая. Когда поднесла ее к своему лицу, пасть змеи раскрылась вновь, шипение стало слышимым. Старуха открыла рот, меж серых дряблых губ высунулся желтоватый, дурно пахнущий язык. Две капли яда (достаточная доза, чтобы убить целую компанию, рассевающую за праздничным столом, если подмешать ее в пунш) упали на язык. Старуха проглотила яд, чувствуя, как огнем опалило рот, горло, желудок, словно она хлебнула крепкого напитка. На мгновение комната закачалась перед глазами, она слышала голоса, бормочущие в спертom воздухе лачуги, голоса тех, кого она называла «невидимыми друзьями». Из глаз потекли слезы, заполняя борозды, проложенные временем на ее щеках. Потом она выдохнула, и все встало на свои места. Пропали и голоса.

Она поцеловала Эрмота меж лишенных век глаз (*время Целующейся Луны, все так, подумала старуха*), а потом положила на пол. Змея уползла под кровать, откуда, свернувшись в клубок, наблюдала, как хозяйка водит ладонями над крышкой ящика из железного дерева. Старуха чувствовала, как вибрируют бицепсы, а жар между ног усиливается. Уже много лет она не слышала голоса пола, но теперь он прорезался, и причину следовало искать не в Целующейся Луне.

Джонас запер ящик и не оставил ей ключа, но с такими пустяками она справлялась без труда. Жила она долго, многое узнала и имела дело с существами, при виде которых большинство мужчин, при всей их бравате, удрало бы со всех ног. Она протянула руку к замку, выполненному в форме глаза. Поверх замка тянулась надпись на Высоком Слоге (Я ВИЖУ, КТО ОТКРЫВАЕТ МЕНЯ). Убрала руку. Внезапно она ощутила все те запахи, которые при обычных обстоятельствах ее нос более не улавливал: плесени и грязи, засаленного матраса и крошек еды, годами копившихся на кровати, золы и древних благовоний, старой женщины со слезящимися глазами и сухой (обычно) «киской». Здесь она не могла открыть этот ящик и взглянуть на хранящееся внутри чудо. И решила, что должна вынести его наружу, на свежий воздух, где пахло только шалфеем и мескитовым деревом.

Она должна посмотреть на это чудо при свете Целующейся Луны.

Риа с холма Коос, охнув, вытащила ящик из ямы в земле, с трудом поднялась, сунула ящик под мышку и вышла из спальни.

## 2

Хижина находилась достаточно далеко от вершины холма, чтобы до нее не долетали порывы холодного ветра, который дул практически постоянно от Первой Жатвы до Широкой Земли. К вершине вела узкая тропа. Под лунным светом она превратилась в серебряную дорожку. Старуха, тяжело дыша, поднималась по ней, седые космы торчали во все стороны, старые бедра ходили из стороны в сторону под черным платьем. Кот держался в ее тени, изредка хрипло мурлыкая.

На вершине ветер подхватил волосы Риа и отбросил к затылку. Он же донес до ее слуха ноющий шепот червоточины, которая добралась до дальнего края каньона Молнии. Этот звук многие старались не замечать, а вот ей он нравился. Риа с Кооса он напоминал колыбельную. Над головой плыла луна, тени на ее сверкающей поверхности складывались в лица целующихся влюбленных... если верить дуракам, что жили внизу. Обычные люди видели разные лица или лицо каждое полнолуние, но старая карга знала, что лицо на луне только одно – лицо демона, лицо смерти.

Она же давно не чувствовала себя такой живой.

– О, мой красавчик, – прошептала она и коснулась замка скрюченными пальцами. Красный отсвет появился под ладонью, что-то щелкнуло. Тяжело дыша, словно ей пришлось долго бежать в гору, Риа поставила ящик на землю и открыла его.

Розовый свет, слабее, чем от Целующейся Луны, но куда как прекраснее, вырвался из ящика. Коснулся старческого лица, склонившегося над ним, и на мгновение превратил его в лицо юной девы.

Масти принюхался, вытянул шею, прижал уши к голове, старые глаза заблестели розовым светом. Риа мгновенно заревновала:

– Отвали, дурашка, таким, как ты, делать тут нечего.

И отпихнула кота. Масти подался назад, зашипел, как закипающий чайник, отошел к скале, торчащей к небу на самой вершине, и уселся в ее тени.

В ящике лежал хрустальный шар. Именно его наполнял розовый свет. И пульсировал, словно биение умиротворенного сердца.

– О, моя прелесть, – прошептала она, поднимая шар. Розовое сияние, как капли дождя, оросило ее лицо. – Как ты прекрасен.

Внезапно розовый цвет внутри шара сменился алым. Она почувствовала, как шар завибрировал в ее руках, словно мощный мотор, ощутила влагу между бедер, ее охватили желания, о которых она и думать забыла.

Вибрация стихла, цвет поблек. И тут из розовой дымки появились три всадника. Поначалу она подумала, что это те самые люди, что привезли ей кристалл, – Джонас и два его спутника. Но нет, эти были моложе, моложе даже Дипейпа, которому не исполнилось и двадцати пяти. У того, что скакал слева, на луке седла она видела череп какой-то птицы... как он туда попал? Зачем?

Потом этот всадник и тот, что скакал справа, ушли в тень, так уж распорядился магический кристалл, оставив только одного, центрального. Джинсы и сапоги, широкополая шляпа, скрывающая верхнюю половину лица, уверенность и легкость, с которыми он сидел на лошади, подсказали ей – *стрелок! Скачущий на восток из Внутренних феодалов, возможно, из самого Гилеада!* Но, даже не видя верхней половины лица, старуха знала – это же совсем ребенок. Не увидела она и револьверов на его бедрах. Однако предположила, что едва ли он отправился в путь без оружия. Если б она могла все получше рассмотреть...

Она поднесла хрустальный шар к лицу, прошептала:

– Подъезжай поближе, красавчик! Еще ближе!

Она не знала, что за этим последует, скорее всего ничего, но внутри темного круга, образовавшегося в кристалле, фигура надвинулась на нее, очень медленно, словно лошадь и всадник преодолевали сопротивление воды, а не воздуха. Она увидела трепыхание стрел за спиной всадника. А на луке седла место черепа занимал боевой лук. По правую сторону седла, где стрелок вез бы ружье в чехле, она увидела копье. Он не из Древних, она поняла это по его лицу... но и не с Внешней Дуги.

– Так кто же ты, лапочка? – прошептала Риа. – И как мне тебя узнать? Ты так низко надвинул шляпу, что я не вижу твоих божественных глазок. Ну чего ты так низко ее надвинул? Может, по лошади... или по... брысь, Масти! Не мешай мне! Брысь!

Коту надоело сидеть под скалой, и он, мяукая, кружил между ее раздутых артритом лодыжек. Когда старуха дала ему пинка, Масти отступил на шаг... чтобы тут же двинуться к ней, глядя на старуху залитыми лунным светом глазами и все так же протяжно мяукая.

Риа пнула его вновь, без особо результата, как и в первый раз, вновь всмотрелась в хрустальный шар. Лошадь и заинтересовавший ее всадник исчезли. Вместе с розовым светом. Она держала в руках обычную стекляшку, отражающую лишь свет Целующейся Луны.

Налетел ветер, обтянул платьем старушечье тело. Масти, пинки его несколько не устроили, вновь отирал лодыжки своей хозяйки, беспрестанно мяукая.

– Видишь, что ты наделал, блошиный мешок? Свет ушел, ушел в тот самый момент, когда я...

И тут она услышала какие-то звуки, доносящиеся со стороны проселка, ведущего к ее хижине, и поняла, почему встрепенулся Масти. Она слышала пение. Она слышала *девушку*. Та пришла раньше назначенного срока.

Скорчив злобную гримасу (старуха не любила, когда ее заставляли врасплох, и этой крошке предстояло заплатить за доставленные неудобства), она наклонилась и положила хрустальный шар в ящик, выложенный внутри набивным шелком. Шар лег в выемку, как яйцо, поданное на завтрак его светлости, ложится в подставку для яиц. А со склона холма, пусть и от самого подножия (чертов ветер дует не с той стороны, а не то она засекла бы

девушку раньше), доносилось пение. И с каждой секундой оно становилось все громче.

О любовь, о любовь,  
беззаботная любовь,  
Что ж мне делать теперь,  
беззаботная любовь?

– Я покажу тебе беззаботную любовь, паршивая девственница, – пробормотала старуха. Она чувствовала резкий запах пота под мышками, хотя в другом месте влага уже высохла. – Придется тебе заплатить за то, что являешься к старой Риа раньше времени. Я об этом позабочусь.

Она провела пальцами над замком, но тот не защелкнулся. Должно быть, она слишком торопилась, открывая замок, вот что-то внутри и сломалось. Глаз и девиз, казалось, смеялись над ней: Я ВИЖУ, КТО ОТКРЫВАЕТ МЕНЯ. Она все могла поправить в мгновение ока, но сейчас у нее не было даже этого мгновения.

– Назойливая сучка! – вырвалось у старухи. Она повернулась на приближающийся голос (уже почти пришла, на сорок пять минут раньше).

Она с силой прижала крышку к ящику. С душевной болью, потому что шар вновь стал оживать, наполняясь розовым светом. Но времени у нее не осталось. Потом, возможно, после того, как уйдет эта девушка, из-за которой совсем потерял голову Торин, этот старый козел.

*Но помни, что ты должна сдержаться и не причинить девушке вреда, предупредила она себя. Помни, что та пришла сюда по его требованию, во всяком случае, она не из тех девиц, что слишком широко раздвигали ноги, а теперь удивляются, что парни не выказывают желания жениться. Эту Торин присмотрел для себя, о ней он думает, когда его старая корова-жена засыпает и он может вдоволь подоить себя. Это девица Торина, а на его стороне и закон, и сила. Более того, то, что лежит в ящике из железного дерева, принадлежит человеку Торина, а если Джонас узнает, что она заглянула в ящик... что она воспользовалась ма...*

Нет, пока опасаться ей нечего. Тем более что ящик находится у нее, не так ли?

Она зажала ящик под мышкой, свободной рукой подобрала юбки и побежала по тропе к хижине. Она еще могла бегать, если возникала такая необходимость, хотя мало кто в это верил.

Масти не отставал он нее ни на шаг, подняв хвост трубой. А лишние лапы болтались из стороны в сторону.

## Глава вторая

### Проверка на целомудрие

1

Риа, влетев в хижину, сразу направилась в чулан-спальню и остановилась на пороге, приглаживая растрепавшиеся волосы. Снаружи сучка видеть ее не могла: она перестала бы петь или хотя бы запнулась. Это, конечно, хорошо, но проклятый тайник закрылся, а вот это плохо. Открыть его вновь времени у нее не было. Риа подскочила к кровати, опустила на колени, затолкала ящик в подкроватную темноту.

Да, сойдет и так. До ухода Сюзи вполне сойдет. Улыбаясь правой стороной рта (левую давно парализовало), Риа вернулась в большую комнату, чтобы встретить новую гостью.

2

За ее спиной крышка ящика приподнялась. На дюйм, не больше, но и этого хватило, чтобы под кроватью запульсировало розовое сияние.

3

Сюзан Дельгадо остановилась в сорока ярдах от ведьминой хижины, пот охлаждал ей подмышки и шею. Видела ли она старуху (несомненно, ту самую, к которой пришла), бегущую к хижине с вершины холма? Похоже, что видела.

*Не прекращай петь. Если старая дама так торопится, значит, она не хочет, чтобы ее видели. Если ты замолчишь, она поймет, что ты увидела лишнее.*

На мгновение Сюзан подумала, что все равно придется замолчать: память не желала подсказывать ей следующий куплет песни, которую она пела с самого детства. Но потом сжалилась, и девушка продолжила (не только песню, но и путь):

Все тревоги позабыты,  
Да, тревоги скрылись вдаль.  
И любовь моя пропала,  
И на сердце лишь печаль.

Возможно, неудачная песня для такой ночи, но ее сердце жило своей, отдельной жизнью, не обращая особого внимания на то, о чем думала или чего хотела ее голова. Как всегда. Ее пугала лунная ночь, когда, говорят, вервольфы выходят на охоту, ее пугала миссия, с которой ее послали, ее пугало то, к чему все это могло привести. Однако, когда она миновала Хэмбри и вышла на Великий Тракт, сердце ее захотело пробежаться, и она побежала под Целующейся Луной, задрав юбки выше колен. Поскакала, как пони, а ее тень мчалась следом. Бежала она с милю, а то и больше, пока не заболели все мышцы, а воздух не стал вливаться в легкие как горячая жидкость. И добравшись до уходящего в гору проселка, что

вел к хижине, она запела. Потому что того захотело ее сердце. Сюзан решила, что идея не так уж плоха. Уж по меньшей мере пение отгоняло ее страхи. Пусть маленькая, но польза.

И теперь Сюзан подходила к хижине с песней про беззаботную любовь. Когда же ступила в полосу света, отбрасываемого через приоткрытую дверь огнем очага и поднялась на крыльцо, из комнаты донесся сварливый голос:

– Перестань голосить, мисси<sup>[20]</sup>, от твоего воя у меня сводит скулы.

Сюзан, которой всю жизнь говорили, что у нее прекрасный голос, доставшийся, несомненно, в наследство от бабушки, тут же замолчала, обиделась. Она стояла на крыльце, сложив руки на фартуке. Под фартук она надела не самое лучшее из своих платьев (всего их было два). А под платьем гулко билось ее сердечко.

Кот, отвратительное создание с двумя лишними лапами, торчащими из боков, словно вилки, первым появился в дверном проеме. Посмотрел на нее, словно оценивая, а потом мордочка его скривилась, отобразив вполне человеческое чувство: презрение. Кот зашипел, ретировался.

*Что ж, и тебе желаю доброго вечера,* подумала Сюзан.

Тут к двери подошла старуха, к которой ее послали. Смерила девушку взглядом, в котором читалось то же презрение, затем отступила назад.

– Заходи. И поплотнее затвори дверь. Как видишь, ветер может ее открыть.

Сюзан переступила порог. Она не хотела запирается в этой дурно пахнущей комнате с этой старухой, но, когда у тебя нет выбора, промедление – всегда ошибка. Так полагал ее отец, независимо от того, шла ли речь о математических исчислениях или об общении с мальчишками на танцах, когда их руки становились очень уж шаловливыми. Сюзан плотно закрыла дверь и услышала, как что-то щелкнуло.

– А вот и ты. – Старуха изобразила некое подобие приветливой улыбки. Такая улыбка гарантировала, что даже смелая девушка вспомнит об историях, которые слышала в детстве. Долгих зимних историях о старухах с торчащими изо рта клыками и булькающих котлах, в которых кипело зеленое варево. В этой комнате над огнем котел не стоял, да и сам огонь еле тлел, но девушка догадывалась, что случалось и по-другому, и ей не хотелось даже думать о том, что тогда могло вариться в котле. В то, что эта женщина настоящая ведьма, а не старуха, ее изображающая, Сюзан уверовала в тот самый момент, когда увидела, как Риа вбегала в свою хижину, а шестилапый кот насадал ей на пятки. И дух от нее шел ведьмин.

– Да, – улыбнулась Сюзан. Во весь рот, открыто и бесстрашно. – Вот и я.

– И ты пришла рано, моя маленькая конфетка. Рано пришла! Рано!

– Я пробежала часть пути. Наверное, луна взбудоражила мне кровь. Так говорил мой отец.

Отвратительная улыбка старухи стала шире. Сюзан подумала, что так, должно быть, улыбаются угри после смерти и перед тем как попасть в кастрюлю.

– Да, но он мертв, мертв уже пять лет. Пат Дельгадо, с рыжими волосами и рыжей бородой, лишенный жизни его же собственной лошадью, шагнувший в пустошь с конца тропы, слыша хруст своих же ломающихся костей. Так он ушел!

Нервная улыбка слетела с лица Сюзан, словно ей отвесили оплеуху. На глаза навернулись слезы, ей всегда хотелось плакать при упоминании имени отца. Но на этот раз она не дала им пролиться. Не дождетя эта бессердечная старуха ее слез, не дождетя!

– Давайте перейдем к делу и побыстрее закончим его, – произнесла она сухо, не так, как обычно. Обычно в ее голосе звенели веселые колокольчики. Но она была дочерью Пата

Дельгадо, лучшего конюха-объездчика на Западном Спуске, и хорошо помнила лицо своего отца. Если требовалось, могла проявить характер, а сейчас ничего иного просто не оставалось. Старуха-то стремилась поглубже залезть ей в душу и царапнуть там побольнее, но Сюзан твердо решила, что такому не бывать.

Карга тем временем внимательно наблюдала за девушкой, уперев в бока распухшие руки, а кот кружил у ее лодыжек. Глядя в слезящиеся глаза старухи, Сюзан отметила, что они у нее серо-зеленые, такого же цвета, как и у кота, подумала, что такое возможно только благодаря магии. Очень ей хотелось отвести взгляд, но она не поддалась этому желанию. Испытывать страх – это нормально, но иной раз выказывать его – не самый лучший выход.

– Очень уж нагло смотришь ты на меня, мисси, – нарушила затянувшуюся паузу Риа. Улыбка таки сползла с ее лица, брови сошлись у переносицы.

– Нет, старая мать, – ровным голосом ответила Сюзан. – Я смотрю, как человек, желающий по возможности скорее покончить с делом, ради которого пришел. Я пришла сюда по воле моего господина мэра Хэмбри и тети Корделии, сестры моего отца. Моего дорогого отца, о котором я не хочу слышать ничего дурного.

– Я говорю то, что мне хочется. – Слова прозвучали жестко, но в голосе старухи улавливались интонации рабской покорности. Сюзан не обратила на них особого внимания. Да и могла ли она улавливать столь тонкие оттенки, впервые столкнувшись с этой ведьмой? – Я давно живу одна, сама себе хозяйка, и если уж мой язык начинает говорить, неизвестно, чем он закончит.

– Тогда, может, и не давать ему начинать?

Глаза старухи недобро блеснули.

– Придержи язык, девчонка, если не хочешь, чтобы он отсох у тебя во рту. Он будет там гнить, и тогда мэр дважды подумает, прежде чем поцеловать тебя, даже под Целующейся Луной. Такой вони он может и не вытерпеть.

Сердце Сюзан наполнилось тоской и недоумением. Она пришла сюда только с одной целью: как можно быстрее совершить необходимый ритуал, не столько болезненный, сколько позорный. А теперь эта старуха с такой ненавистью смотрит на нее. Откуда такая резкая перемена? Или для ведьм это обычное дело?

– Мы плохо начали наш разговор, госпожа... можем мы вернуться к исходной точке? – неожиданно спросила Сюзан и протянула руку.

Карга явно удивилась, хотя и протянула свою. Морщинистые подушечки ее пальцев на мгновение прикоснулись к пальцам шестнадцатилетней девушки, с подстриженными ногтями, которая стояла перед ней. Лицо со светящейся изнутри, без единого прыщика, кожей, длинные, заплетенные в косы волосы. Сюзан пришлось поднапрячься, чтобы не скривиться при прикосновении, хоть и очень коротком. Холодные, как у трупа, пальцы старухи Сюзан не удивили. Ей уже приходилось касаться холодных пальцев («Руки холодные – сердце горячее», – не раз слышала она от тети Корд). Неприятно поразили сами пальцы, холодная, губчатая плоть, никак не связанная с костями, словно женщина, которой они принадлежали, утонула и долго пролежала в каком-то пруду.

– Нет, нет, другого начала не будет, но, может, продолжим мы лучше, чем начали. У тебя могущественный друг – мэр, и мне совсем ни к чему такой враг.

*По крайней мере она честна*, подумала Сюзан и тут же посмеялась над собой. Эта женщина могла быть честной, только когда ее припирали к стенке. В остальных случаях она лгала всегда и обо всем – о погоде, видах на урожай, птичьих налетах на поля перед жатвой.

– Ты появилась раньше, чем я тебя ожидала, вот я и вышла из себя. Но хватит об этом. Ты мне что-то принесла, мисси? Принесла, я знаю! – Глаза ее заблестели вновь, на этот раз не от злобы.

Сюзан сунула руку под фартук (очень глупо надевать фартук, отправляясь в такую глухомань, но того требовал обычай) и в карман. Там, привязанный к резинке, чтоб не потеряться (к примеру, не вылететь из кармана, если молоденькой девушке приспичит пробежаться), лежал мешочек из ткани. Сюзан оборвала резинку и достала мешочек. Положила его на протянутую ладонь, такую старую, что линии на ней практически стерлись. Она не хотела прикасаться к Риа... хотя знала, что старуха прикоснется *к ней*, и скоро.

– Завывания ветра пугают тебя до дрожи, мисси? – спросила Риа, хотя Сюзан видела, что та не отрывает глаз от мешочка. Старческие пальцы уже дергали концы завязанной на узел тесемки.

– Да, ветра.

– Так и должно быть. Голоса мертвых ты слышишь в ветре, а кричат они потому, что сожалеют... ага!

Узел поддался. Старуха растянула тесемку, и из мешочка на ее ладонь вывалились две золотые монеты. Неровно отлитые, с шероховатой поверхностью – таких не изготавливали уже несколько поколений, – но тяжелые, а в отчеканенных на них орлах чувствовалась властность. Риа поднесла одну ко рту, развела губы, открыв считанные оставшиеся зубы, надкусила монету. Посмотрела, какой на ней остался след, задумалась на несколько мгновений, потом ее пальцы сомкнулись в кулак.

Пока Риа сосредоточилась на монетах, Сюзан удалось бросить короткий взгляд в открытую дверь комнатухи по ее левую руку, как догадалась девушка, спальню ведьмы. И она увидела нечто странное: свет под кроватью. Розовый, пульсирующий. Вроде бы его источник находился в каком-то ящике, хотя точно...

Ведьма подняла голову, и глаза Сюзан торопливо метнулись в угол, где в кошелке, свисающей с крюка, лежали три или четыре странных белых фрукта. Потом, когда старуха шагнула в сторону и ее гигантская тень переместилась вдоль стены, Сюзан увидела, что совсем это не фрукты, а черепа. У нее скрутило живот.

– Надо бы по сильнее разжечь огонь, мисси. Обойди дом и принеси охапку дров. Нужны толстые полешки, а не какой-то сушняк. И не жалуйся, что не донесешь. Ты не такая слабенькая, сил тебе хватит!

Насчет непосильности работы по дому Сюзан перестала жаловаться аккуратно в то время, когда перестала дуть в штаны... хотя у нее и возникло желание спросить Риа, всем ли, кто приносит ей золото, она предлагает принести и дрова. С другой стороны, поручение даже обрадовало ее: после вони хижины глоток свежего воздуха что чаша доброго вина.

Она уже добралась до двери, когда нога зацепилась за что-то горячее и податливое. Замяукал кот. Сюзан покачнулась, чуть не упала. А сзади раздались какие-то хриплые, придушенные звуки. Не сразу Сюзан поняла, что это смех.

– Поосторожнее с Масти, сладенькая моя! Он такой проказник! Так и норовит подложить свинью! – И старуха вновь зашла в приступе смеха.

Кот смотрел на Сюзан снизу вверх. Прижав уши к голове, широко раскрыв серо-зеленые глаза. Зашипел на нее. А Сюзан инстинктивно, не отдавая себе отчета в том, что делает, зашипела в ответ. И вновь на мордочке Масти появилось вполне человеческое выражение, на этот раз изумления. Он повернулся и бросился в спальню Риа, размахивая раздвоенным на



конце хвостом. Сюзан открыла дверь, вышла на крыльцо. Ей казалось, что в хижине ведьмы она провела уже тысячу лет, и пройдет еще не меньше тысячи, прежде чем она сможет вернуться домой.

Воздух был сладким, как она и надеялась, может, еще слаще. Несколько мгновений она просто стояла, глубоко дыша, стараясь прочистить легкие... и голову.

После пяти вдохов спустилась с крыльца. Пошла вокруг дома... но не в ту сторону, потому что поленницы не нашла. Зато обнаружила узкое окно-бойницу, заросшее каким-то вьюном. Поняла, что окно это скорее всего в той клетушке, в которой спала старуха.

*Не смотри, что бы ни стояло у нее под кроватью, это не твое дело, а вот если она поймает тебя...*

Сюзан подкралась к окну, несмотря на предупреждение внутреннего голоса, заглянула.

Скорее всего Риа не увидела бы Сюзан сквозь густую листву вьюна, даже если бы посмотрела в окно. Но она не посмотрела. Встав на колени, ухватив мешочек зубами, ведьма сунула руки под кровать.

Выдвинула ящик, отбросила уже приоткрытую крышку. Розовый свет залил ее лицо, и Сюзан ахнула. На мгновение оно превратилось в лицо молодой девушки, однако наполненное той же жестокостью, что и теперь. Она видела волевое лицо ребенка, твердо решившего овладеть таинствами зла и употребить их во зло. Возможно, так выглядела в молодости эта старая карга. А исходил свет от стеклянного шара.

Старуха неотрывно, как замороженная, смотрела на шар. Ее губы шевелились, словно она что-то говорила шару, а может, напевала. Маленький мешочек, который Сюзан принесла из города – старуха все еще держала тесемки зубами, – мотался взад-вперед. Потом, как показалось Сюзан, невероятным усилием воли старуха заставила себя закрыть ящик, отсесть розовый свет. Сюзан, к своему удивлению, разом почувствовала облегчение. Светящийся шар ей определенно не нравился.

Одну руку старуха положила на серебряный замок. Из-под пальцев вырвалось алое свечение. Мешочек все свисал у нее изо рта. Затем она поставила ящик на кровать, вновь опустилась на колени, начала водить руками над земляным полом у изножия кровати. Хотя она касалась пола только ладонями, на нем появились линии, словно она держала в руке что-то острое. Линии углублялись, на полу образовался люк.

*Дрова, Сюзан! Неси дрова, прежде чем она смекнет, что ты слишком уж долго отсутствуешь! Ради своего отца!*

Девушка задрала подол платья чуть ли не до талии, не хотела, чтобы старуха увидела траву и листья на ее одежде при возвращении в дом, не хотела отвечать на вопросы, которые могли вызвать такие улики, и, согнувшись в три погибели, прокралась под окном, сверкая в лунном свете белыми панталонами. А миновав окно, выпрямилась и поспешила мимо крыльца к другой стороне дома. Нашла поленницу под пахнущим гнилью навесом. Выбрала с полдюжины увесистых поленьев и с ними вернулась к крыльцу.

Когда Сюзан вошла, бочком, иначе поленья не пролезли бы в дверь, старуха уже сидела в большой комнате, уставившись на очаг, в котором едва тлели угли. Мешочек с тесемками она уже куда-то заховала.

– Долго ты копалась, мисси. – Риа все смотрела в камин, не обращая на нее внимания...

но одна нога, под грязным подолом платья, притопывала по земляному полу, а брови сердито сошлись у переносицы.

Сюзан пересекла комнату, заглядывая через охапку дров. Поэтому вовремя заметила кота, попытавшегося вновь броситься ей под ноги.

– Я увидела паука, – ответила девушка. – Пришлось прогонять его. Терпеть их не могу.

– Скоро ты увидишь кое-что и похуже паука, – усмехнулась Риа одним уголком рта. – То, что вылезет из-под ночной рубашки старины Торина, твердое, как палка, и красное, как корень ревеня! Ха! Постой, девушка! О Боги, этих дров хватит для ярмарочного костра.

Риа взяла два полешка из принесенных Сюзан, бросила их на угли. Искры взлетели к черному зеву трубы. *Ты же разбросала остатки углей, глупая старуха*, подумала Сюзан. Теперь придется разжигать очаг заново. Но Риа простерла над поленьями руку, пробормотала какое-то слово, и поленья вспыхнули, словно облитые нефтью.

– Остальное положи туда. – Старуха указала на ящик для дров. – И осторожнее, мисси, ничего не раскидывай.

*Действительно, а то нарушу здешнюю стерильную чистоту*, подумала Сюзан. И прикусила себе щеку, чтобы стереть улыбку, в которую уже начали растягиваться губы.

Риа, однако, прочитала ее мысли. Когда Сюзан выпрямилась, старуха сурово смотрела на нее:

– Хорошо, мисси, теперь давай перейдем к нашему делу. Ты знаешь, зачем ты здесь?

– Я здесь по желанию моего господина мэра Торина, – повторила Сюзан, зная, что это не истинный ответ. Теперь она напугалась, напугалась больше, чем в те мгновения, когда подглядывала через окно за старухой, склонившейся над стеклянным шаром. – Его жена так и оставалась бесплодной, пока у нее не прекратились месячные. Он хочет зачать сына до того, как сам потеряет...

– Послушай, давай обойдемся без красивых слов. Ему нужны сиськи и зад, которые не расползутся под его руками, и шахта, которая обожмет то, что он в нее затолкнет. Если ему есть что заталкивать. Если из этого дела получится сын, отлично, он оставит его тебе, чтобы ты заботилась о нем и воспитывала, пока мальчик не пойдет в школу, а потом ты его больше не увидишь. Если дочь, он скорее всего возьмет ее и отдаст своему новому прислужнику, хромому с женскими волосами, чтобы тот утопил ее в ближайшем пруду.

Сюзан вытаращилась на ведьму, потрясенная до глубины души.

А та, заметив взгляд девушки, рассмеялась.

– Не нравится правда, не так ли? Она мало кому нравится, мисси. Но будет именно так, а не иначе. Твоя тетушка – баба ушлая, и уж она-то попользуется Ториним и сокровищницей Торина на полную катушку. Какая часть этого золота достанется тебе — не мое дело... но ты не увидишь его вовсе, если будешь хлопать ушами! Так-то! Снимай платье!

*Не сниму*, едва не выкрикнула Сюзан, но что потом? Ее вышвырнут из этой хижины (хорошо, если вышвырнут такой же, как вошла в нее, а не ящерицей или жабой) и погонят на запад, даже без тех двух золотых монет, которые она принесла старухе. И это только меньшее из двух зол. А большее состояло в том, что она дала слово. Поначалу упиралась, но когда тетя Корд упомянула имя ее отца, сдалась. Как всегда. Действительно, выбора у нее не было. А когда нет выбора, промедление – ошибка.

Она стряхнула с фартука кусочек коры, развязала его и сняла. Сложила, оставила на маленькой грязной кушетке у очага, затем расстегнула платье до талии. Повела плечами, и платье упало к ее ногам. Она сложила и его, положила поверх фартука, стараясь не замечать

жадного взгляда, которым Риа с Кооса оглядывала ее при свете очага. Подошел кот, уселся у ног Риа. Снаружи завывал ветер. Очаг давал достаточно тепла, но Сюзан дрожала от холода, словно раздевалась на самом ветру.

– Поторопись, девочка, ради твоего отца!

Сюзан потянула через голову рубашку, положила ее на платье и теперь стояла в одних панталонах, прикрыв грудь сложенными руками. Огонь отбрасывал оранжевые блики на ее бедра.

– Так ты до сих пор не голая! – захохотала ведьма. – Какие мы скромницы! Очень, очень мило! Скидывай панталоны, мисси, и предстань передо мной такой, как выскользнула из матери! Должна же я знать, что так привлекло в тебе Харта Торина, не так ли? Живо!

Сюзан подчинилась, понимая, что деваться-то некуда. Теперь, когда ее «ежик» и «киска» лишились последнего прикрытия, не имело смысла прикрывать и грудь. Она медленно опустила руки.

– Да, неудивительно, что он возжелал тебя! – покивала старуха. – Ты же у нас красавица, это точно! Не так ли, Масти?

Кот мяукнул.

– У тебя на коленях грязь. – Риа разом насторожилась. – Откуда?

Сюзан запаниковала. Она подобрала платье, пробираясь под окном ведьмы... и этим подписала себе смертный приговор. Но девушка тут же нашлась с ответом, и голос ее звучал ровно:

– Когда я увидела вашу хижину, то перепугалась. Встала на колени, чтобы помолиться, и приподняла подол. Не хотела его пачкать.

– Я тронута... ты, значит, хотела явиться ко мне в чистом платье. Приятно это слышать! Ты согласен, Масти?

Кот вновь замаякал и начал вылизывать переднюю лапу.

– Перейдем к делу. – Сюзан не отрывала взгляда от старухи. – Вам заплатили, я сделаю все, что вы мне скажете, но только не надо меня высмеивать.

– Ты знаешь, что я должна сделать, мисси?

– *Нет.* – Слезы вновь навернулись на глаза Сюзан, но она не позволила им вылиться. *Не позволила.* – В общем представляю себе, что это должно быть, но когда спросила тетю Корд, права ли я, она ответила, что вы меня просветите.

– Естественно, где ж ей пачкать грязными словами свой рот. А вот тетя Риа скажет тебе все. У нее в отличие от тети Корделии язык повернется. Я должна убедиться, что ты чиста, физически и духовно, мисси. Проверить твое целомудрие, как говорили древние, и были в этом правы. Такие вот дела. Подойди ко мне.

Два неохотных шага, и пальцы ног Сюзан едва не коснулись шлепанцев старухи, а груди – платья.

– Если дьявол или демон проник в твою душу, а это обязательно скажется на ребенке, он оставил отметину на твоём теле. Чаще всего она похожа на родимое пятно или на засос, но есть и другие... открой рот!

Сюзан открыла, старуха наклонилась к ней. От нее так воняло, что Сюзан едва не вырвало. Она затаила дыхание, надеясь, что скоро все закончится.

– Высуни язык.

Сюзан высунула.

– Теперь дыхни мне в лицо.

Сюзан дыхнула. Риа поймала ее выдох, потом, хвала богам, отвернулась. Ее голова находилась так близко от Сюзан, что та разглядела вошь, ползущую по волосам ведьмы.

– Сладко, – вынесла вердикт старуха. – Да, как хороший десерт. Повернись спиной.

Сюзан повернулась и почувствовала, как пальцы старухи прошлись по ее позвоночнику, пояснице, ягодицам. Холодные, как грязь.

– Наклонись и раздвинь ягодицы, мисси. Не стесняйся, Риа на своем веку довелось повидать многих курочек!

Покраснев, ей казалось, что сердце бьется у нее во лбу и отдает в виски, Сюзан подчинилась. Один из ледяных пальцев залез ей в анус. Она прикусила губу, чтобы не закричать.

К счастью, визит закончился быстро... но Сюзан опасалась, что ее ждет еще один.

– Повернись.

Сюзан повернулась. Старуха провела ладонями по грудям Сюзан, поводила большими пальцами по соскам, внимательно осмотрела нижние полукружья. Затем Риа сунула палец в пупок девушки, подобрала подол своего платья, охнув, опустилась на колени. Провела руками по ногам Сюзан, сначала спереди, потом сзади. Особенно ее интересовали ложбинки под коленями, где проходили сухожилия.

– Подними правую ногу, девочка.

Сюзан подняла и нервно засмеялась, когда Риа провела ногтем большого пальца по стопе от пальцев до пятки. Потом старуха внимательно осмотрела зазоры между каждым двумя пальцами.

То же самое повторилось и с левой ногой.

– Ты знаешь, что за этим последует? – спросила старуха, не поднимаясь с колен.

– Да, – испуганно вырвалось у Сюзан.

– Стой смирно, мисси. С остальным все в порядке, все чисто, но теперь мы переходим к самому главному, к тому, что особенно заботит Торина. Там действительно доказывается целомудрие. Поэтому стой смирно!

Сюзан закрыла глаза и подумала о лошадях, скачущих вдоль Спуска... номинально они принадлежали феодалу, и распоряжались табуном Раймер, канцлер Торина, и министр имущества феодала, но лошади-то этого не знали. Они думали, что они свободны, а если ты свободен в своих мыслях, все остальное – ничто.

*Позволь мне быть свободной в своих мыслях, как лошади на Спуске, не позволяй ей причинить мне боль. Пожалуйста, не позволяй ей причинить мне боль. А если она причинит, пожалуйста, помоги мне вытерпеть ее молча.*

Холодные пальцы раздвинули курчавые волосы под пупком, затем два холодных пальца скользнули внутрь. Боль она почувствовала, но на мгновение и не сильную. Наколотый палец или щиколотка при случайном ударе об угол, если идешь ночью по малой нужде, болели сильнее. Другое дело, унижение, которое испытывала она от прикосновений старческих пальцев Риа.

– Закупорено как надо! – воскликнула ведьма. – Лучше не бывает! Но Торин об этом позаботится, обязательно! Что же касается тебя, моя девочка, я поделюсь с тобой секретом, которого твоей ханже-тетке с ее длинным носом, толстым кошельком и пупырышками вместо сисек никогда не узнать. Даже целке нет нужды лишать себя удовольствия, если она знает, как это делается!

Пальцы старой карги нежно сомкнулись вокруг маленькой выпуклости в верхней части

половой щели Сюзан. На долю секунды Сюзан показалось, что старуха ушибнет ее за это чувствительное местечко, из-за которого у нее, бывало, перехватывало дыхание, если она терлась им о седло во время скачки, но вместо этого пальцы начали поглаживать... потом надавили... и, к своему ужасу, девушка почувствовала, как истома поднимается от низа живота.

– Как маленький шелковый бутончик, – ворковала старуха, а ее шаловливые пальцы задвигались быстрее. Сюзан почувствовала, как ее бедра подались вперед, словно обрели разум и зажили собственной жизнью, потом подумала о жадном, самоуверенном лице старухи, розовом, как лицо шлюхи, купающемся в струящемся из ящика свете, представила себе, как свисал из ее морщинистого рта мешочек с двумя золотыми монетами, и жар, который она испытывала, потух. Вся дрожа, она подалась назад, руки, живот и грудь покрылись мурашками.

– Вы закончили с тем, за что вам уплачено? – сухо, осипшим голосом спросила Сюзан.

Лицо Риа закаменело.

– Не тебе учить меня, что я закончила, а чего – нет, наглая девка! Только *я знаю*, когда будет поставлена точка, *я*, Риа, ведьма с Кооса, и...

– Не прикасайся ко мне и встань, если не хочешь после моего пинка оказаться в очаге, нелюдь.

Морщинистые губы старухи разошлись, обнажая в зверином оскале немногие оставшиеся зубы, и Сюзан поняла, что она и эта ведьма вернулись к тому, с чего начали: изготовились выцарапать друг другу глаза.

– Подними на меня руку или ногу, наглая сучка, и ты покинешь мой дом слепой, безрукой и безногой.

– Не сомневаюсь, что тебе это по силам, но только Торин может рассердиться. – Впервые в жизни Сюзан прикрылась именем мужчины. Когда до нее это дошло, ей стало стыдно. Почему, понять она не могла – она же согласилась лечь в его постель и родить ему ребенка, – но стало.

Старуха злобно смотрела на нее, губы беззвучно шевелились, а потом сложились в подобие улыбки, еще более страшной, чем оскал. Тяжело дыша, оперевшись о подлокотник кресла, Риа поднялась. А Сюзан тут же торопливо начала одеваться.

– Да, он может рассердиться. Возможно, тебе все-таки стоит узнать об этом, мисси. Эта ночь для меня необычная, она разбудила во мне, казалось бы, давным-давно уснувшее. Считай это комплиментом твоей чистоте... и твоей красоте. Ты прекрасна, сомнений в этом нет. Твои волосы... когда ты расплетаешь косы, а ты расплетишь их для Торина, это точно, прежде чем лечь с ним в постель... они сияют, как солнце, не так ли?

Сюзан не хотелось снова злить старуху, но и эти глупые похвалы ее не волновали. Тем более что она видела ярость в слезящихся от старости глазах Риа. А тело еще не забыло прикосновения ее отвратительных пальцев. Она ничего не ответила, только натянула платье и стала застегивать пуговицы.

Риа, должно быть, прочитала ее мысли, потому что улыбка увяла, а тон стал более деловым. Сюзан такие перемены только порадовали.

– Ладно, не будем об этом. Твое целомудрие доказано, можешь одеться и уйти. Но Торину о том, что произошло между нами, не говори ни слова. Запомни это! Женские разговоры не должны долетать до уха мужчины, особенно такого влиятельного. – Вот тут Риа не смогла подавить смешок. Возможно, он вырвался у нее подсознательно, она об этом даже

не догадывалась. – Мы договорились?

*Все, все, что угодно, лишь бы выбраться отсюда!*

– Ты объявляешь меня целомудренной?

– Да, Сюзан, дочь Патрика. Объявляю. Но важны не мои слова. Сейчас... подожди... где-то здесь.

Она порылась на каминной доске, среди треснувших блюдец с огарками, достала сначала керосиновую лампу, потом ручной фонарик на батарейках, несколько секунд смотрела на рисунок молодого человека, прежде чем отложить его в сторону.

– Где... где... *аг-г-г-га...* вот!

Она схватила блокнот с запачканной сажей обложкой (с надписью СИТГО<sup>[21]</sup>, вытисненной древними золотыми буквами) и огрызок карандаша. Пролистала блокнот чуть ли не до конца, прежде чем нашла чистый лист. Что-то нацарапала на нем, сорвала с металлической спирали, соединяющей все листки и обложку, протянула Сюзан. Та взяла листок, посмотрела на него. Старуха нацарапала слово, которое Сюзан поначалу понять не смогла:

## ЦИЛАМУДРЯНАЯ

А под ним нарисованы вилы.

– Что это? – спросила Сюзан, указывая на рисунок.

– Риа, мой знак. Известен в шести окрестных феодах, скопировать его невозможно. Покажешь этот листок своей тете. Потом Торину. Если твоя тетьа захочет взять его, чтобы самой показать Торину, знаю я и ее, и ее замашки, скажешь ей – нет, Риа запретила, листок должен быть у тебя, а не у нее.

– А если его захочет взять Торин?

Риа пренебрежительно махнула рукой:

– Пусть хранит его или сожжет, или подотрет им задницу, мне все равно. И тебе тоже, потому что ты знаешь, что чиста. Так?

Сюзан кивнула. Один раз, возвращаясь с танцев, она разрешила парню на мгновение или два залезть рукой ей под юбку, но что такого? Она чиста и она целомудренна, о чем знала и без этой мерзкой старухи.

– Но не потеряй этот листок. Если только не хочешь увидеть меня вновь и заново пройти весь ритуал.

*Упаси Боже*, подумала Сюзан и с трудом подавила дрожь, грозящую сотрясти все тело. Сунула листок в тот карман, где раньше лежал мешочек с золотыми.

– А теперь шагай к двери, мисси. – Старуха вроде бы хотела схватить Сюзан за руку, но в последний момент передумала. К двери они пошли бок о бок, не касаясь друг друга, глядя прямо перед собой. А вот на крыльце Риа сжала запястье Сюзан. А второй рукой указала на яркий серебристый диск, висящий над вершиной Кооса.

– Целующаяся Луна. Середина лета.

– Да, – кивнула Сюзан.

– Скажешь Торину, что он не должен укладывать тебя в свою постель... или в стог сена... или на пол судомойни при кухне, или куда-то еще... до того, как полная Демоническая Луна поплывет по небу.

– То есть только после Первой Жатвы? – Три месяца для нее – целая жизнь. Сюзан попыталась ничем не выказать свою радость. Она-то думала, что Торин лишит ее девственности еще до следующего восхода луны. Об этом ясно говорили взгляды, которые он бросал на нее.

Риа тем временем смотрела на луну, вроде бы что-то рассчитывала. Ее рука нащупала косу Сюзан, начала ее поглаживать. Сюзан пока терпела, но знала, что ее хватит ненадолго. Риа убрала руку.

– Да, не просто после Первой Жатвы, а после *fin de aco* — Ярмарочной ночи. Скажем так, он может взять тебя после праздничного костра. Ты поняла?

– *Fin de aco*, поняла. – Теперь уже Сюзан не скрывала радости.

– Когда огонь в «Зеленом сердце» догорит и последние угли покроются золой. Только тогда, и *не раньше*. Ты должна ему это сказать.

– Скажу.

Рука вернулась, вновь начала поглаживать волосы. Сюзан терпела. После столь хороших новостей она уже не так злилась на старуху.

– Время до Жатвы используй с толком. То ли думай только о том, как родить мэру мальчика, то ли гуляй по Спуску и собирай последние цветы своей девственности. Ты поняла?

– Да. – Она склонилась в реверансе. – Спасибо-сэй.

Риа отмахнулась, словно терпеть не могла лесть.

– Никому не говори о том, что произошло между нами. Это никого, кроме нас, не касается.

– Не скажу. Наши дела закончены?

– Ну... пожалуй... осталась разве что *самая малость*... – Риа улыбнулась, показывая, что это действительно малость, потом резким движением подняла левую руку на уровень глаз Сюзан. С тремя сложенными вместе и одним отставленным пальцем. В зазоре поблескивал серебряный медальон, взявшийся неизвестно откуда. Взгляд девушки тут же остановился на нем. А потом Риа произнесла одно слово.

И глаза Сюзан закрылись.

## 5

Риа смотрела на девушку, застывшую на ее крыльце под Целующейся Луной. Медальон она убрала в рукав (ее старые распухшие пальцы при необходимости могли двигаться очень даже быстро). Деловое выражение лица сменилось неприкрытой яростью. *Так это ты грозила дать мне пинка, паскуда, чтобы я упала в очаг? Ты хотела нажаловаться на меня Торину?* Но не угрозы или наглость Сюзан так взбесили ведьму. Особенно достало ее то отвращение, что выказывала девушка при ее прикосновениях.

Она, значит, считает, что Риа недостойна ее! И эта горячка, несомненно, думает, что она слишком хороша и для Торина. А у нее же ничего нет, кроме шестнадцати лет и прекрасной косы, что болтается за спиной. Торин-то мечтает зарыться в ее волосы лицом. И ничуть не меньше ему хочется зарыться в другое место, пониже.

Она не могла причинить девушке вреда, хотя ей очень хотелось, да и девушка того заслуживала. В наказание Торин может по меньшей мере отнять у нее хрустальный шар, а вот это было бы совсем нежелательно. Во всяком случае, пока. Значит, причинить вред

девушке она не может. Зато *может* подгадить ему, лишить его того удовольствия, на которое он рассчитывает, хотя бы на какое-то время.

Риа наклонилась к девушке, схватилась за длинную косу, вновь начала поглаживать, наслаждаясь шелковистостью волос.

– Сюзан, – прошептала она. – Ты слышишь меня, Сюзан, дочь Патрика?

– Да. – Глаза не открывались.

– Тогда слушай. – Свет Целующейся Луны упал на лицо ведьмы, превратив его в серебряный череп. – Слушай меня внимательно и запоминай. Пусть слова эти останутся в той темной пещере, куда никогда не заходит твое бодрствующее сознание.

– Запомню, – ответила стоящая на крыльце девушка.

– Ага. Ты должна кое-что сделать после того, как он лишит тебя девственности. Ты должна сделать это сразу же, даже не думая об этом. Теперь слушай меня, Сюзан, дочь Патрика, и слушай внимательно. Не упусти ни единого слова.

Все еще поглаживая шелковистые волосы, Риа приложила морщинистые губы к гладкому ушку Сюзан и зашептала. А с небес на них смотрела Целующаяся Луна.



# Глава третья

## Встреча на дороге

1

Не было в ее жизни второй такой необычной ночи, по этому не стоило удивляться тому, что она не слышала цоканья копыт всадника за спиной, пока он практически не настиг ее.

По пути домой ее более всего волновал вновь открывшийся смысл соглашения, которое она заключила. Хорошо, конечно, что она получила передышку, свою часть сделки ей предстояло выполнить не тотчас же, а через несколько месяцев, но суть оставалась прежней: когда по небу поплывет полная Демоническая Луна, мэр Торин, костлявый, дерганый, с венчиком седых волос вокруг обширной лысины на макушке, лишит ее девственности. Мужчина, на которого его собственная жена не могла смотреть без жалости. Харт Торин чувствовал себя как рыба в воде в шумливой толпе, собравшейся, чтобы посмотреть на кулачный бой или турнир, где оружием служили гнилые фрукты, но любая трагическая или жалостливая история вызывала у него недоумение. Похлопать ближнего по плечу, смачно рыгнуть за обедом – это получалось у него мастерски, но при каждом слове он озабоченно поглядывал на своего канцлера, дабы убедиться, что никоим образом не оскорбил Раймера.

Сюзан все это видела не единожды. Ее отец долгие годы занимал пост главного конюха феода и частенько ездил в Дом-на-Набережной по делам. Много раз он брал с собой любимую дочь. И, похоже, зря. За эти годы она многократно видела Харта Торина, но и он видел ее ровно столько же. Отсюда и результат! В итоге в матери своему сыну он выбрал девушку, на пятьдесят лет моложе его самого.

Слишком уж легко она согласилась на сделку...

Нет, так, пожалуй, сказать нельзя, это будет несправедливо по отношению к ней... но уж особо не горевала, это точно. Подумала, выслушав доводы тети Корд: *В общем-то невелико дело, учитывая, что удастся снять арест с земель... наконец-то получить во владение участок на Спуске... зафиксировать в документах, один будет храниться в нашем доме, второй – в архивах Раймера, что земля принадлежит нам. Да, и еще лошади. Только три, все так, но на три больше в сравнении с тем, что у нас сейчас есть. А что на другой чаше весов? Лечь с ним в постель раз или два, выносить ребенка, как вынашивали до меня миллионы женщин безо всякого ущерба для себя. В конце концов он не мутант и не прокаженный, а всего лишь старик с хрустящими суставами. Это же не навсегда, и, как говорит тетя Корд, я еще смогу выйти замуж, если будет на то согласие времени и ка. Я буду не первой женщиной, которая придет в постель мужа уже матерью. Я же не стану из-за этого шлюхой! Закон гласит, что нет, но закон тут мне не указ. Последнее слово остается за сердцем, а сердце говорит, что ради земли, принадлежащей отцу и трех лошадей, чтобы скакать по ней, можно стать и шлюхой.*

Был и другой момент. Тетя Корд сыграла, и, теперь Сюзан это понимала, сыграла безжалостно, на невинности младенца. Именно на младенца упирала тетя Корд, маленькую крошку, которая появится у нее. Тетя Корд знала, что Сюзан, только-только расставшаяся с куклами, с энтузиазмом воспримет идею завести собственную живую, говорящую куклу, которую можно кормить и одевать, спать с ней в жаркий летний день.

А вот старуха этой ночью предельно ясно сказала ей то, о чем умолчала Корделия

(возможно, в силу своей невинности она об этом не подозревала, но Сюзан как-то в это не верилось): Торин хотел не просто ребенка.

*Ему нужны сиськи и зад, которые не расползутся под его руками, и шахта, которая обожмет то, что он в нее затолкнет.*

От одного воспоминания об этих словах у нее зарделось лицо. Сюзан шагала в темноте, луна уже зашла. Желания петть или бежать, подобрав подол, не возникало. Она согласилась, предполагая, что все будет, как при спаривании домашнего скота: самца и самку держали вместе, «пока семя не попадало куда надо», а потом разделяли. Но теперь она знала, что Торин может вновь и вновь возжелать ее, мало того, обязательно возжелает, а закон, неукоснительно выполняемый двумя сотнями поколений, прямо указывал, что он будет ложиться с ней в одну постель, пока она, доказавшая свою чистоту и целомудрие, не докажет, что ребенок тоже чист... что это нормальный ребенок, а не мутант. Сюзан наводила справки и знала, что проверка эта обычно проводится на четвертом месяце беременности... когда животик становится виден даже под одеждой. И решение выносить Риа... а Риа ее невзлюбила.

Теперь она не могла дать задний ход... после того как согласилась на формальное предложение канцлера, после того как эта ведьма признала ее чистой и целомудренной. Но сожалела о своей согласии. Думала она о том, как Торин будет выглядеть без штанов, с костлявыми, в седой поросли ножонками, как у журавля, о том, как захрустят его колени, спина, локти, шея, когда они лягут в постель.

*И костяшки пальцев, не забывай о костяшках.*

Да, больших костяшках с растущими на них волосами. Сюзан захихикала при этой мысли, так комично они выглядели, но одновременно и теплая слеза скатилась из уголка глаза. Она машинально смахнула ее со щеки, все еще не слыша негромкого цоканья копыт по мягкой дорожной пыли. Мысли ее по-прежнему блуждали далеко-далеко, вернувшись к розовому шару, который она увидела, обойдя дом и заглянув в окно старухиной спальни, источаемому им мягкому, довольно приятному свету, выражению лица ведьмы, которая не могла оторвать от этого света глаз...

Когда Сюзан наконец-то поняла, что к ней приближается всадник, она первым делом подумала о том, чтобы метнуться в растущие у дороги кусты и спрятаться там. Едва ли ее догонял припозднившийся горожанин, в Срединном мире настали лихие времена... но убежать было поздно.

Тогда канава. Лечь в нее, распластаться и застыть. Луны нет, авось ее и не заметят...

Но прежде чем она успела двинуться к канаве, всадник, который подкрался к ней незамеченным, спасибо ее печальным мыслям, нарушил тишину:

– Да хранят вас боги, леди, и пусть долгими будут ваши дни на земле.

Сюзан повернулась, подумав: *А что, если это один из новых людей мэра, которые постоянно отираются или в его дворце, или в «Приюте путников». Не самый старший, у того голос более низкий, но один из двух других... может, тот, кого зовут Дипейп...*

– Да хранят боги и вас, – услышала Сюзан свой голос, обращаясь к силуэту всадника. – Пусть и ваши годы будут долгими.

Ее голос не дрожал, во всяком случае, она дрожи не услышала. Девушка уже понимала, что перед ней не Дипейп, не Рейнолдс, но пока различала только шляпу с широкими полями, какие ассоциировались у нее с людьми, приезжавшими из Внутренних феодалов в те дни, когда поездки с востока на запад и наоборот были обычным делом. До нынешних лихих времен, до

того, как появился Джон Фарсон, Благодетель, и началась резня.

Когда незнакомец поравнялся с ней, она простила себя за то, что не услышала его издали: если не считать цоканья копыт, двигался он совершенно беззвучно, ничего не звенело, не гроыхало. Настоящий бандит с большой дороги (она подозревала, что Джонас и два его приятеля промышляли этим самым делом, в другие времена и в других феодах), а может, даже стрелок. Но у этого человека не было огнестрельного оружия, если только он его не припрятал. Короткий лук, вроде бы копье в чехле, и все. Да и больно молод он для стрелка.

Он натянул поводья, точно так же, как делал ее отец (и, разумеется, она сама), и лошадь остановилась как вкопанная. Когда он перекидывал ногу через седло, легко и непринужденно, Сюзан воскликнула:

– Нет, нет, не утруждай себя, незнакомец, езжай своей дорогой.

Если он и услышал тревогу в ее голосе, то не обратил на это ни малейшего внимания. Соскользнул с лошади, не воспользовавшись стремящем, приземлился рядом с ней, вокруг его сапог с квадратными носками поднялась пыль. Света звезд вполне хватило, чтобы разглядеть его лицо. Действительно, совсем молодой, ее возраста, плюс-минус год-другой. Одежда как у ковбоя, только новая.

– Уилл Диаборн, к вашим услугам. – Он коснулся рукой шляпы, выставил вперед ногу и поклонился по обычаю Внутренних феонов.

Неуместность его учтивых манер посреди дороги, окутанной резким запахом нефтяного поля, расположенного у окраины города, заставила ее забыть о страхе и рассмеяться. Она подумала, что смех оскорбит его, но он улыбнулся. Хорошей улыбкой, честной и открытой.

Она ответила реверансом, придерживая подол платья с одной стороны.

– Сюзан Дельгадо.

Он трижды похлопал по шее правой рукой.

– Спасибо, сэй Сюзан Дельгадо. Надеюсь, мы встретились во благо. Я не хотел пугать вас.

– Но испугали. Немного.

– Да, я так и думал. Извините.

И по выговору чувствовалось, что молодой человек не местный – из Внутренних феонов. Она с интересом оглядела его.

– Нет, извиняться вам не за что, просто я глубоко задумалась. Я заходила к... к подруге... и не замечала, как быстро бежит время, пока не зашла луна. Если вы остановились в тревоге за меня, незнакомец, я вам благодарна, но вы можете продолжить свой путь, как я продолжу мой. Идти-то мне лишь до окраины городка... Хэмбри. До нее совсем ничего.

– У вас такой мелодичный голос, – улыбнулся он. – Но час поздний, вы одна, и я думаю, что остаток пути мы можем пройти вдвоем. Вы ездите верхом, сэй?

– Да, но...

– Тогда подойдите и познакомьтесь с моим другом Быстрым. Последние две мили вы проедете на нем. Он кастрированный и очень смирный, сэй.

В ее взгляде, брошенном на Диаборна, смешивались удивление и раздражение. *Если он еще раз обратится ко мне «сэй», подумала она, словно я учительница или его великовозрастная тетушка, я сниму этот идиотский фартук и отхлещу его по физиономии.*

– Я полагаю, что лошадь под седлом не должна быть совсем уж смирной. До самой смерти мой отец объезжал лошадей мэра... а здешний мэр еще и командует гвардией феода.

Я ездила верхом всю жизнь.

Она подумала, что он извинится, может, даже начнет что-то лепетать в свою защиту, но он лишь кивнул.

– Тогда ногу в стремя, моя госпожа, и на коня. Я пойду рядом и не стану донимать вас разговорами, если не будет на то вашего желания. Уже поздно, и некоторые говорят, что после захода луны разговоры не в радость.

Она покачала головой, смягчив отказ улыбкой:

– Нет. Благодарю за доброту, но думаю, что негоже, чтобы меня видели на лошади незнакомца глубокой ночью. Вы же знаете, что пятна с репутации женщины ничем не оттираются.

– Увидеть вас тут некому. – В голосе Уилла слышалась железная логика. – А я вижу, что вы устали. Так что, сэй...

– Пожалуйста, не называйте меня так. От этого слова я чувствую себя такой же древней, как... – Она замялась, потому что ей не понравилось слово,

*(ведьма)*

первым пришедшее на ум. – ...как старуха.

– Тогда мисс Дельгадо? Так вы действительно не хотите ехать на лошади?

– Действительно. В любом случае я не села бы в седло в этом платье, мистер Диаборн... даже если бы вы были моим братом. Это неприлично.

Он поднялся на стремя, потянулся за седло (Быстрый покорно стоял, лишь подрагивая ушами. Сюзан, будь она Быстрым, проделывала бы то же самое, очень уж красивые были уши), затем вновь ступил на землю с каким-то рулоном, перетянутым ремнем, в руках. Сюзан подумала, что это пончо.

– Этим вы можете прикрыть колени и ноги, как накидкой. Длины хватит, это пончо моего отца, а ростом он выше, чем я. – На мгновение он взглянул на западные холмы, и Сюзан отметила, что он очень красив. Она почувствовала легкую дрожь и уже в тысячный раз пожалела о том, что эта мерзкая старуха совала свои руки не только туда, куда следовало. Сюзан не хотелось смотреть на этого симпатичного незнакомца и вспоминать прикосновения Риа.

– Нет, – мягко ответила она. – Спасибо вам за доброту и заботу, но я вынуждена отказаться.

– Тогда я пойду рядом с вами, а Быстрый будет нашим шапероном, – радостно возвестил Уилл. – Провожу вас хотя бы до окраины, где нет глаз, которые могут подумать что-то плохое о добропорядочной молодой женщине и более-менее добропорядочном молодом человеке. А там я откланяюсь, пожелав вам спокойной ночи.

– Я бы без этого обошлась, честное слово. – Она провела рукой по лбу. – Вам легко говорить, что тут нет никаких глаз, но иногда глаза оказываются там, где их быть просто не может. А я сейчас... в очень деликатном положении.

– Я все равно пойду с вами. – Лицо его стало серьезным. – Времена сейчас не самые лучшие, мисс Дельгадо. Меджис, конечно, далеко от тех краев, где совсем плохо, но у зла длинные щупальца.

Она уже открыла рот, хотела запротестовать, сказать, что дочь Пата Дельгадо сможет постоять за себя, а потом подумала о новых людях мэра, их холодных взглядах, которыми они мерили ее, когда Торин смотрел в другую сторону. Она видела всех троих этой самой ночью, когда направлялась к ведьминой хижине. Их она услышала издали и успела сойти с дороги,

чтобы отдохнуть за подвернувшимся деревом (она и в мыслях не допускала, что спряталась). Ехали они в город, и Сюзан полагала, что сейчас они выпивают в «Приюте путников», где и останутся, пока Стенли Руис не закроет бар. Но точно она знать не могла. Вполне возможно, что они вновь объявятся на дороге.

– Раз уж мне не удалось разубедить вас, пусть будет по-вашему. – Она вздохнула, как бы показывая, что смиряется с неизбежным злом, хотя на самом деле не возражала против такой компании. – Но только до почтового ящика миссис Бич. С него начинается город.

Он вновь похлопал себя по шее и отвесил очередной абсурдный поклон: выставил вперед ногу, словно хотел сделать кому-то подножку, уперся в пыль каблуком.

– Благодарю вас, мисс Дельгадо!

*По крайней мере он не добавил «сэй», подумала она. Прогресс налицо.*

## 2

Сюзан думала, что он будет стрекотать, как сорока, несмотря на обещание молчать, потому что так вели себя все парни. Она не питала особых иллюзий насчет своей внешности, но полагала, что девушка она симпатичная, хотя бы потому, что парни постоянно толклись вокруг нее, всегда что-то говорили и переминались с ноги на ногу. А этому сами боги велели задавать вопросы, ответы на которые горожане знали: сколько ей лет, всегда ли она жила в Хэмбри, живы ли ее родители, да еще полсотни таких же скучных. Но все они в итоге сводились к одному: есть ли у нее постоянный ухажер?

Но Уилл Диаборн из Внутренних феодалов не стал расспрашивать ее об учебе, родственниках или друзьях (наиболее простой, как ей казалось, способ выяснить наличие соперников). Уилл Диаборн просто шагнул рядом с ней, взявшись за уздечку Быстрого, глядя на восток, в сторону Чистого моря. Они находились достаточно близко от него, и соленый запах частично забивал нефтяную вонь, хотя ветер дул с юга.

Они проходили мимо СИТГО, и Сюзан радовало присутствие спутника, хотя молчание и начинало раздражать. Нефтяное поле, со скелетами-вышками, всегда пугало ее. Многие из этих вышек давно уже не качали нефть: не было ни запасных частей, ни навыка ремонтных работ, да и потребность в нефти практически отпала. Из двух сотен работали только девятнадцать, и то лишь потому, что никто не знал, как их остановить. Они качали и качали нефть из неиссякаемых кладовых. Какая-то часть использовалась, но очень малая, а в основном нефть утекала в скважины под неработающими вышками. Все меньше машин использовали нефть, и их число уменьшалось с каждым годом. Мир «сдвинулся», а это место напоминало ей кладбище механизмов, где некоторые трупы еще не угомонились...

Что-то холодное и гладкое заелозило по ее пояснице, и она не сумела подавить вскрик. Уилл Диаборн резко повернулся к ней, его руки упали на бедра. Потом он разом расслабился, улыбнулся.

– Быстрый жалуется, что его забыли. Извините, мисс Дельгадо.

Она взглянула на лошадь. Быстрый посмотрел на нее, а потом опустил голову, как бы говоря, что он тоже сожалеет. Пугать ее он не хотел.

*А вот это глупость, девушка, слышала она до боли родной голос отца. Он хочет знать, почему ты так выпендриваешься, ничего больше. И я тоже. На тебя это непохоже, так что прекращай.*

– Мистер Диаборн, я передумала. Дальше хотелось бы ехать верхом.

Он повернулся к ней спиной, сунув руки в карманы, оглядывая нефтяное поле. Сюзан тем временем положила пончо на заднюю луку седла (простого черного, как у ковбоев, без герба феода или даже знака ранчо), потом вставила ногу в стремя. Подобрала юбку, резко оглянулась, дабы убедиться, что он не подсматривает. Но Уилл по-прежнему стоял к ней спиной. Казалось, его зачаровали ржавые вышки.

*И что ты увидел в них такого интересного, красавчик, не без раздражения подумала Сюзан: сказались поздний час и пережитое. Старые железяки, которые стоят здесь уже шесть столетий, а то и больше. Я-то уж досыта нанюхалась их вони.*

– Стой смирно, мой мальчик, – обратилась она к Быстрому, одной рукой схватилась за поводья, второй – за луку седла. Быстрый подергивал ушами, как бы говоря, что простоит смирно всю ночь, если будет на то ее желание.

Она взлетела вверх, сверкнув в звездном свете белизной обнажившегося бедра, испытывая то самое возбуждение, которое всегда охватывало ее, когда она садилась в седло... только в эту ночь чувство было сильнее, острее. Может, из-за силы и красоты Быстрого, может, потому, что видела она его впервые...

*А может, подумала она, причину следует искать в другом: хозяин лошади – незнакомец и такой интересный.*

Глупости, конечно... но потенциально опасные глупости. Опять же против истины она не грешила. Она развернула пончо и накрыла им ноги. Диаборн начал насвистывать. Мелодию она узнала сразу, испытав не столько изумление, сколько суеверный страх. «Беззаботная любовь»! Та самая песня, которую она пела, поднимаясь к хижине Риа.

*Может, это ка, девочка, прошептал голос ее отца.*

*Отнюдь, мысленно ответила она ему. Я не должна видеть ка в каждом дуновении ветра или пробегающей тени, как это принято у старушек, собирающихся в «Зеленом сердце» летними вечерами. Это старая песня, ее все знают.*

*Может, будет лучше, если правота окажется на твоей стороне, вернулся голос Пата Дельгадо. Потому что, если это ка, она налетает, как ветер, и шансов у твоих планов устоять перед ней не больше, чем у сарая моего отца выдержать надвигающийся ураган.*

Не ка, твердо решила она, ее не собьют с толку темнота, тени, мрачные силуэты нефтяных вышек. Не ка, а всего лишь случайная встреча с милым молодым человеком на пустынной дороге по пути в город.

– Я прикрылась, – сухим, таким непривычным для нее голосом объявила Сюзан. – Если хотите, можете оборачиваться, мистер Диаборн.

Он повернулся, посмотрел на нее. Поначалу молчал, но его взгляд оказался красноречивее слов. Сюзан поняла, что и он находит ее красивой. И хотя мысль эта обеспокоила ее, особенно после мелодии, которую он насвистывал, девушка также и обрадовалась. А потом он нарушил затянувшуюся паузу:

– Вы очень хорошо смотрите. Прирожденная наездница.

– И у меня скоро будут свои лошади, – ответила она, подумав: *вот теперь вопросы обязательно последуют.*

Но он только кивнул, словно уже знал об этом, и зашагал к городу. Чувствуя легкое разочарование, хотя и не понимая его причины, Сюзан повела поводьями и сжала бока Быстрого коленями. Тот тронулся с места, догнав своего хозяина, который ласково потрепал

жеребца по морде.

– Как здесь называют это место? – спросил он, указывая на вышки.

– Нефтяное поле? СИТГО. Понятия не имею, почему.

– Некоторые еще качают нефть?

– Да, их не остановить. Никто не знает, как.

– Понятно, – и *ничего* больше. Но он отошел от Быстрого, когда увидел заросшую сорняками дорогу, ведущую к вышкам, посмотреть на старую сторожку охранников. Она помнила, что рядом стоял щит с надписью «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН», но его давно сдуло очередным ураганом. Уилл Диаборн постоял у сторожки и легкой походкой вернулся к лошади.

Они вновь двинулись к городу, молодой человек в странной шляпе с широкими полями шагал по дороге, молодая женщина сидела на лошади, прикрыв ноги пончо. Лунный свет падал на них, как на всех молодых мужчин и женщин со времен оных, а подняв голову, Сюзан увидела, как небо прочертил метеор, короткая и яркая оранжевая искорка. Сюзан хотела загадать желание, и внезапно ее охватила паника: она не знала, что себе пожелать. Не знала, и все.

## 4

Она молчала, пока расстояние до города не сократилось до мили, а потом задала вопрос, который давно вертелся у нее в голове. Она намеревалась задать его, ответив на заданный им, и ей никак не хотелось брать инициативу на себя, но в конце концов любопытство взяло верх.

– Откуда вы приехали, мистер Диаборн, и что привело вас в этот забытый богами уголок Срединного мира... надеюсь, вас не раздражают мои вопросы?

– Отнюдь. – Он с улыбкой посмотрел на девушку. – Мне хотелось поговорить с вами, но я не знал, как начать. В разговорах я не силен. – *Тогда в чем же, Уилл Диаборн?* спросила она себя. Да, этот вопрос очень ее интересовал, потому что, устраиваясь поудобнее в седле, она положила руку на свернутое одеяло, притороченное к седлу сзади, и нащупала что-то твердое. Очень похожее на револьвер. Разумеется, она могла и ошибаться, но хорошо помнила, как его руки автоматически метнулись к поясу и бедрам, когда лошадь ткнулась в нее мордой и она вскрикнула от неожиданности.

– Я прибыл из Привходящего мира, о чем вы, наверное, уже догадались. У нас особый выговор.

– Да. А из какого, позвольте спросить, феода?

– Нью-Канаан.

Сюзан разом оживилась. Нью-Канаан! Инициатор создания Альянса! Возможно, это ничего не значило, но...

– Из Гилеада? – В голосе явственно слышался девичий восторг.

– Нет, – хохотнул Уилл. – Ничего похожего. Из Хемпхилла, городка, расположенного на сорок колес к западу. Думаю, он поменьше Хэмбри.

*Колес*, подумала она наслаждаясь звучанием этого древнего слова. *Он сказал, колес.*

– А что тогда привело вас в Хэмбри? Если вы можете говорить об этом.

– Почему нет? Я приехал с двумя друзьями, мистером Ричардом Стокуортом из Пеннилтаона, городка в Нью-Канаане, и мистером Артуром Хитом, веселым молодым

человеком из самого Гилеада. Мы здесь по приказу Альянса, и приехали как счетоводы.

– Счетоводы чего?

– Всех и всего, что может пригодиться Альянсу в ближайшие годы, – добавил он, и легкая ирония покинула его голос. – Ситуация с Благодетелем приобретает очень серьезный оборот.

– Неужели? Новости с дальнего юга или востока до нас доходят с большим опозданием, а то и не доходят вовсе.

Он кивнул.

– Удаленность этого феода – главная причина нашего появления здесь. Меджис всегда сохранял верность Альянсу, и если нам потребуются какие-то здешние ресурсы, они будут посланы. Вопрос лишь в том, на что и в каких объемах может рассчитывать Альянс.

– На что и в каких объемах?

– Да, – согласился он, словно в ее фразе не прозвучало вопросительных интонаций. – На что и в каких объемах.

– Вы так говорите, словно Благодетель – реальная угроза. Разве он не обычный бандит, прикрывающий убийства и грабежи разглагольствованьями о «демократии» и «равенстве»?

Диаборн пожал плечами, и Сюзан уже подумала, что других комментариев не последует, но юноша, пусть и с неохотой, заговорил:

– Когда-то, возможно, так и было. Но времена изменились. В какой-то момент этот бандит стал генералом, а теперь генерал превращается в правителя, который выступает от лица людей. – Он помолчал, потом с грустью добавил: – Северные и западные феоды в огне, леди.

– Но они отстоят на тысячи миль! – Этот разговор пугал ее, но одновременно и возбуждал своей экзотичностью. По-другому и быть не могло. Ведь в Хэмбри по три дня судачили о чьем-то пересохшем колодце!

– Да. – Его выговор по-прежнему казался странным для ее слуха. – Но ветер дует в этом направлении. – Он повернулся к Сюзан, и его губы разошлись в улыбке. Суровые черты смягчились, он стал похож на мальчика, которого давно ждала постель. – И я не думаю, что сегодня мы увидим Джона Фарсона. Вы со мной согласны?

Она улыбнулась в ответ:

– Если и увидим, мистер Диаборн, вы сумеете защитить меня от него?

– Несомненно, – он все улыбался, – но я защищал бы вас с куда большим рвением, если бы вы позволили называть вас по имени, которое дал вам ваш отец.

– Разрешаю, в интересах собственной безопасности. И полагаю, исходя из тех же интересов, я должна называть тебя Уилл.

– Совершенно справедливо и так изящно высказано. – Теперь он улыбался во весь рот. – Я... – И тут новый приятель Сюзан, который уже не мог оторвать от нее глаз, но продолжал идти, зацепился ногой за булыжник, выпирающий из пыли, и чуть не упал. Быстрый тихонько заржал и подался назад. Сюзан весело рассмеялась. Пончо сдвинулось, обнажив голую ножку, но она выдержала паузу, прежде чем поправить его. Он ей нравился, это точно. И не было в этом ничего дурного. Он всего лишь мальчик, не так ли? Когда он улыбался, она ясно видела, что он только год или два как перестал прыгать на стогах сена (мысль о том, что и она лишь недавно переросла эту игру, почему-то ее не посетила).

– Обычно я не столь неклюж, – попытался оправдаться он. – Надеюсь, я тебя не испугал.

*Отнюдь, Уилл, мальчишки в моем присутствии сбивают себе пальцы ног с тех пор, как*



у меня выросла грудь.

– Отнюдь. – Она вернула разговор в прежнее русло. Уж очень заинтересовала ее тема. – Так ты и твои друзья приехали по воле Альянса, чтобы определить, чем мы богаты, так?

– Да. И я уделил столько внимания нефтяному полю только потому, что среди прочего нам поручено сосчитать работающие нефтяные вышки.

– От этой обязанности я могу тебя освободить. Их девятнадцать.

Он кивнул.

– Я у тебя в долгу. Но мы также должны определить... если сможем... сколько нефти выкачивают эти девятнадцать насосов.

– Неужели в Нью-Канаане так много нефтесжигающих машин, что эта величина имеет значение? И у вас еще есть алхимия, позволяющая превратить нефть в продукт, который используется в этих машинах?

– Этот агрегат называется не алхимией, а нефтеперегонной установкой, если я не ошибаюсь, и, по-моему, одна из них все еще работает. Но нет, избытка работающих машин у нас нет, однако в Зале Предков в Гилеаде еще горят лампы накаливания.

– Это же надо! – воскликнула Сюзан. Лампы накаливания и электрическую иллюминацию она видела только на картинках, но не вживую. В Хэмбри (в здешних краях они назывались «искрянки», но Сюзан полагала, что это те же лампы накаливания) последние уже два поколения как перегорели.

– Ты упомянула, что твой отец до самой смерти работал главным конюхом. Его звали Патрик Дельгадо? Ведь так?

Она пристально посмотрела на него, вопрос разом вернул ее к настоящему.

– Откуда ты знаешь?

– Его имя прозвучало на инструктаже. Нам поручено сосчитать коров, овец, свиней, быков... и лошадей. Из всей живности наиболее важны лошади. И все вопросы, касающиеся лошадей, нам порекомендовали задавать именно ему. Мне очень жаль, что он ушел в пустошь, пройдя тропу до конца, Сюзан. Ты примешь мои соболезнования?

– Да, и с благодарностью.

– Несчастный случай?

– Да. – Она надеялась, что в голосе ясно звучало ее желание: *давай оставим эту тему, больше не спрашивай.*

– Позволь мне быть с тобой откровенным. – Вот тут Сюзан показалось, что впервые она уловила фальшь в его голосе. А может, разыгралось ее воображение. Она не так много и знала, на что тетя Корд указывала ей чуть ли не ежедневно, но ей представлялось, что те, кто говорит: *Позволь мне быть с тобой откровенным*, могут не моргнув глазом заявить, что дождь падает с земли на небо, деньги растут на деревьях, а детей приносит аист.

– Конечно, Уилл Диаборн, – чуть суше, чем раньше, ответила она. – Некоторые утверждают, что честность – лучшая политика.

Он с сомнением посмотрел на Сюзан, потом улыбнулся. Опасная у него улыбка, подумала Сюзан. Как трясина. Зайти легко, выйти – куда как труднее.

– Идеи объединения в эти дни не очень популярны в тех феодах, которые входят в Альянс. В этом одна из причин того, что с Фарсоном еще не покончили. Потому-то и возросли его устремления. Он прошел долгий путь, и уже не тот грабитель, что орудовал на дорогах Гарлана и Десоя. И он пойдет еще дальше, если вера в Альянс не возродится. Может, доберется и до Меджиса.

Она и представить себе не могла, с какой стати Благодетелю может понадобиться ее маленький сонный городок в захолустном феоде, граничащем с Чистым морем, но предпочла промолчать.

– Но дело в том, что нас послал не Альянс, – продолжил Уилл. – И мы проделали столь долгий путь не для того, чтобы считать коров, нефтяные вышки и гектары обрабатываемой земли.

Он помолчал, глядя себе под ноги, словно боялся вновь споткнуться, рассеянно поглаживая длинную морду Быстрого. Она подумала, что он смутился, что ему стыдно.

– Нас послали наши отцы.

– Ваши... – Тут она все поняла. Шалопаи, вот кто они такие, их отослали с надуманным поручением, по существу, отправили в ссылку. Она догадалась, что настоящая работа у них в Хэмбри одна – восстановить запятнанную репутацию. *Что ж, подумала Сюзан, этим и объясняется его опасная улыбка, не так ли? Остерегайся его, Сюзан. Он из тех, кто сжигает мосты и переворачивает почтовые телеги, чтобы потом продолжать развлекаться как ни в чем не бывало. И толкает его на это не злоба, а мальчишеская беззаботность.*

Тут ей на ум вновь пришла старая песня, которую она пела, а он насвистывал.

– Да, наши отцы.

Сюзан Дельгадо в свое время тоже откалывала номера (один, два, а может, и две дюжины), так что слова Уилла Диаборна вызвали у нее не только настороженность, но и сочувствие. А также интерес. Плохиши обычно забавны... до определенной степени. Вопрос в том, насколько плохи Уилл и его дружки.

– Набедокурили? – спросила она.

– Набедокурили, – согласился он мрачным голосом, но глаза у него посветлели. – Нас предупреждали. Да, еще как предупреждали. Но... мы слишком много пили.

*И лапали девок той рукой, что не держала кружку пива?* Этот вопрос не могла задать в лоб ни одна добропорядочная девушка, но он не мог не прийти в голову.

Теперь улыбка, которая затеплилась в уголках рта, исчезла.

– Мы перегнули палку, и веселье закончилось. Только дураки доходят до такого. Как-то ночью мы устроили скачки. *Безлунной* ночью. После полуночи. Все мы крепко выпили. Одна из лошадей угодила копытом в норку суслика и сломала ногу. Ее пришлось пристрелить.

Сюзан передернуло. Не самое плохое, о чем она могла подумать, но все-таки. Но худшее Уилл приберег на потом.

– Лошадь была чистокровной, одной из трех принадлежащих отцу моего друга Ричарда, человека далеко не богатого. Каждому из нас дома закатили жуткий скандал, о котором я не хочу даже вспоминать, не то что говорить. Короче, после долгих разговоров и перебора различных наказаний нас отправили сюда с этим поручением. Идея эта принадлежала отцу Артура. Я думаю, отец Артура всегда был в ужасе от своего сыночка. Естественно, все эти качества Артур унаследовал не по линии Джорджа Хита.

Сюзан не могла не улыбнуться, потому что вспомнила, как тетя Корделия не раз говорила: «Это у нее не от нас, – имея в виду Патрика Дельгадо и себя. А затем после театральной паузы следовало: – Ее тетка по материнской линии сошла с ума... вы этого не знали? Да! Зажгла на себе одежду и металась по Спуску. В год кометы».

– В общем, мистер Хит напутствовал нас словами: «В чистилище есть смысл поразмыслить о содеянном». И вот мы здесь.

– Хэмбри – далеко не чистилище.

Он вновь отвесил Сюзан забавный поклон.

– Если б тут и было чистилище, многие хотели бы вести себя дурно ради того, чтобы приезжать сюда и знакомиться с местными красавицами.

– Этот комплимент тебе надо бы подшлифовать, – сухо отрезала Сюзан. – Боюсь, он еще грубоват. Может...

Она оборвала фразу на полуслове, потому что ее осенило: ей придется уговорить этого парня действовать с ней заодно. Иначе ее ждут неприятности.

– Сюзан?

– Извини, задумалась. Вас тут еще нет, не так ли, Уилл? Я хочу сказать, официально?

– Нет, – Уилл сразу понял, о чем она. И, вероятно, догадался, что за этим последует. Соображал он быстро. – Мы прибыли в феод во второй половине дня, и ты – первый человек, с кем мы разговаривали... если, конечно, Ричард и Артур не встретили кого-нибудь из местных. Я не мог уснуть, поэтому поехал прогуляться и кое-что обдумать. Мы расположились вон там. – Он указал направо. – На пологом склоне, который сбегает к самому морю.

– Да, это Спуск, так мы его называем. – Она подумала, что Уилл и его друзья, возможно, разбили лагерь на том самом участке земли, который в недалеком будущем отойдет ей. Мысль эта забавляла, возбуждала... и немного пугала.

– Завтра мы приедем в город и засвидетельствуем наше почтение господину мэру, Харту Торину. Если исходить из того, что нам рассказали о нем перед отъездом, ума у него небогато.

– Вам действительно так сказали? – Сюзан изогнула одну бровь.

– Да, хвастун, большой любитель выпить и очень охоч до молоденьких девушек. Как, по-твоему, все правда?

– Думаю, тебе лучше судить самому, – ответила Сюзан с вымученной улыбкой.

– В любом случае мы должны также посетить достопочтенного Кимбу Раймера, канцлера Торина, а он, насколько мне известно, свое дело знает. И умеет считать деньги.

– Торин пригласит вас на обед в свой дворец. Может, не завтрашним вечером, но уж послезавтра – точно.

– Званный обед в Хэмбри, – улыбнулся Уилл, поглаживая нос Быстрого. – О боги, я весь в нетерпении.

– Прикуси язычок и послушай, если хочешь быть моим другом. Это важно.

Улыбка исчезла, и вновь она увидела не мальчика – мужа: в одно мгновение Уилл перепрыгнул через несколько лет. Закаменевшее лицо, твердый взгляд, безжалостный рот. Пугающее лицо, однако то местечко, которого коснулась ведьма, полыхнуло огнем, и она не могла оторвать глаз от своего невольного попутчика. А какие у него волосы под этой дурацкой шляпой?

– Говори, Сюзан.

– Если тебя и твоих друзей пригласят за стол мэра, вы, возможно, увидите меня. Если ты увидишь меня, Уилл, пусть это будет наша первая встреча. Ты познакомишься с мисс Дельгадо, а я – с мистером Диаборном. Ты понял, что я хочу сказать?

– До последней буквы. – Он задумчиво смотрел на Сюзан. – Разве ты прислуга? Если твой отец был главным конюхом феода, ты...

– Что я делаю, а чего – нет, значения не имеет. Обещай, что наша встреча в Доме-на-

Набережной, если она произойдет, будет первой.

– Обещаю. Но...

– Больше никаких вопросов. Мы уже подходим к тому месту, где должны расстаться, и я хочу тебя кое о чем предупредить... расплатиться за поездку на твоём великолепном скакуне. Если вы будете обедать с Торинем и Раймером, то за его столом кроме вас будут и другие чужестранцы. Скорее всего трое мужчин, которых Торин нанял охранять его и дворец.

– Не помощники шерифа?

– Нет. Они подчиняются только Торину... и, возможно, Раймеру. Зовут их Джонас, Дипейп и Рейнолдс. Мне кажется, парни они крутые... хотя молодость Джонаса осталась в столь далеком прошлом, что он, возможно, и не помнит, а была ли она у него.

– Джонас – главный?

– Да. Он хромает, волосы падают на плечи, как у женщины, голос дрожит, как у старика... но я думаю, он опаснее остальных. Я полагаю, за этой троицей числится многое из того, что ты и твои друзья даже представить себе не можете.

А почему она ему об этом сказала? На этот вопрос Сюзан ответить не могла. Может, из благодарности. Он же пообещал сохранить в секрете их ночную встречу, а по нему чувствовалось, что слово свое он держит.

– Я это учту. Спасибо за предупреждение. – Они поднимались по длинному пологому склону. В небе неистово горела Древняя Матерь. – Телохранители. Телохранители в сонном маленьком Хэмбри. Странные настали времена, Сюзан. Очень странные.

– Да. – Она сама не раз задумывалась насчет Джонаса, Дипейпа и Рейнолдса, но не могла найти причины, обуславливающей их присутствие в городке. Они прибыли по просьбе Раймера, по его решению? Скорее всего... Торин не из тех, кто мог *додуматься* о приглашении телохранителей. Главный шериф и его люди вполне устраивали мэра... однако... почему?

Они поднялись на холм. Внизу сбились в кучку дома – город Хэмбри. Горели лишь несколько огней. Самые яркие – в «Приюте путников». Даже сюда тёплый ветер доносил мелодию «Эй, Джуд», исполняемую на разбитом пианино, и нестройный хор пьяных голосов. А вот трое мужчин, о которых она предупреждала Уилла Диаборна, наверняка не пели: стояли у стойки бара, наблюдая за остальными холодными глазами. Они не из певцов, эта троица. Каждый с вытатуированным на правой руке маленьким синим гробом, одним торцом «сваливающимся» в выемку между большим и указательным пальцем. Она хотела рассказать об этом Уиллу, но решила, что скоро он все увидит собственными глазами. Вместо этого она указала на темный предмет, висящий на цепи чуть ниже вершины.

– Видишь?

– Да. – Он тяжело вздохнул. – Не его ли мне надобно остерегаться, как никакого другого? Ужели это ужасный почтовый ящик миссис Бич?

– Да. И здесь мы должны расстаться.

– Если ты так говоришь, то расстанемся. Однако мне хотелось бы... – В этот самый момент ветер переменился, как иногда случается летом, и с силой подул с запада. Запах морской соли мгновенно исчез вместе с пьяными голосами. А заменил их звук несравненно более мрачный, от которого по спине Сюзан всегда бежали мурашки. Низкий, атональный, вой сирены, включенной человеком, которому больше не хочется жить.

Уилл отступил на шаг, глаза его широко раскрылись, вновь она заметила, как руки метнулись к поясу, словно хотели что-то схватить.

– Во имя богов, что это?

– Это червоточина, – тихо ответила она. – Из каньона Молнии. Никогда о них не слышал?

– О них слышал, саму – никогда. Господи, да как это можно выносить? Она словно живая?

Таких мыслей у Сюзан раньше не возникало, но теперь она подумала, что Уилл, похоже, прав. Словно некий занемогший фрагмент ночи обрел голос и пытается петь.

По телу Сюзан пробежала дрожь. Быстрый почувствовал усилившееся давление ее колен и тихонько заржал, выгнув шею, чтобы посмотреть на нее.

– В это время года мы не часто слышим ее так отчетливо. Осенью люди сжигают ее, чтобы она утомилась.

– Я не понимаю.

А кто понимал? Кто что понимал? О боги, да они даже не могли отключить те несколько насосов в СИТГО, что еще качали нефть, хотя половина из них визжали, как свиньи на бойне. В эти дни любой работающий механизм считался за благо.

– Летом, когда есть время, конюхи и ковбои свозят обрубленные сучья в каньон Молнии. Как высохшие, так и еще зеленые. Последние даже лучше, потому что нужен дым, по возможности густой. Каньон Молнии очень короткий, с отвесными стенами. Похож на трубу, лежащую на боку, понимаешь?

– Да.

– По традиции сучья жгут в утро Жатвы – на следующий день после Ярмарки, пира и праздничного костра.

– В первый день зимы.

– Да, хотя в этих местах до зимы еще далеко. Случается, что от традиции отходят, если ветры очень уж разгуливаются или этот звук становится чересчур сильным. Он воздействует на домашний скот: коровы перестают доиться, никто не может уснуть.

– Наверное, иначе и быть не может. – Уилл все смотрел на север, и сильный порыв ветра сдул с него шляпу. Она свалилась ему на спину, открыв чуть длинноватые, черные как вороново крыло волосы, кожаная лямка обтянула шею. У Сюзан возникло безотчетное желание пробежаться рукой по этим волосам. Какие они на ощупь – жесткие, мягкие, шелковистые? Какой от них идет запах? Вновь пупочка под животом полыхнула жаром. Он повернулся к Сюзан, словно читая ее мысли, и та густо покраснела. К счастью, ночь позаботилась о том, чтобы он этого не заметил.

– И давно она здесь?

– Появилась до того, как я родилась, но уже при жизни моего отца. Он говорил, что ее появлению предшествовало землетрясение. Некоторые говорят, что землетрясение вынесло ее на поверхность, другие заявляют, что это предрассудки. Я помню ее с самого детства. От дыма она затихает, как затихает улей или осиное гнездо, но потом звук вновь усиливается. Сучья, сваленные в устье каньона, не пускают туда скотину... иногда их так и тянет туда. Никто не знает почему. Но если корова или овца попадает в каньон, после того как старый хворост сожжен, а нового еще не набралось, она никогда не возвращается. Видать, червоточина сжирает ее.

Сюзан откинула пончо, перебросила правую ногу через седло, не задев его, и ловко соскользнула с Быстрого. Все в едином движении. Трюк этот надлежало проделывать в штанах, а не в платье; по еще больше округлившимся глазам Уилла она поняла, что увидел он

более чем достаточно... но желания отмыться от его взгляда у нее не возникло, так почему бы и нет? Что же касается самого трюка, она частенько его проделывала, если хотела преподнести себя в лучшем виде.

– Красота! – воскликнул Уилл.

– Я научилась этому от моего отца. – Она предпочла наиболее невинную трактовку комплимента. Однако улыбка, с которой она протянула Уиллу поводья, ясно указывала на то, что другое толкование не вызовет у нее возражений.

– Сюзан? Ты когда-нибудь видела червоточину?

– Да, раз или два. Сверху.

– И как она выглядит?

– Мерзко, – без запинки ответила девушка. До этой ночи, когда ей пришлось лицезреть улыбку Риа, почувствовать на себе ее гадкие пальцы, Сюзан думала, что ничего более отвратительного быть не может. – Она похожа на медленно горящий торфяник и в то же время на болото с вонючей зеленой водой. Над ней всегда стоит туман. Иногда похожий на длинные, костлявые руки. С пальцами на концах.

– Она растет?

– Да, так говорят. Все червоточины растут, но эта растет медленно. При нас ей не вылезти из каньона Молнии.

Она подняла голову, увидела, что за время их разговора созвездия проделали по небосводу немалый путь. Она чувствовала, что может проговорить с ним всю ночь, о червоточине, о СИТГО, о тетушке, о чем угодно, и мысль эта повергла ее в смятение. О Боги, почему это случилось с ней именно сегодня? Три года она отвергала ухаживания местных парней, так почему именно в эту ночь она встретила юношу, который так заинтересовал ее? Почему жизнь так несправедлива?

И более ранняя мысль, произнесенная голосом отца, вернулась к ней: *Если это ка, она налетает как ветер, и твои планы не устоят перед ней, как не устоит сарай перед циклоном.*

Но нет. Нет и нет. Она приняла решение, обдуманно, не с бухты-барухты. И не отступится от него. Это не сарай – это ее *жизнь!*

Сюзан протянула руку, коснулась ржавой жести почтового ящика миссис Бич, словно боялась потерять равновесие. Ее надежды и мечты, наверное, ничего не значили, но отец учил ее мерить себя по способности держать данное слово, и она не желала забывать его советы только потому, что встретила симпатичного юношу в тот самый момент, когда ее тело и чувства пребывали в смятении.

– Я оставлю тебя здесь. Ты можешь вернуться к друзьям или продолжить путь. – Суровость собственного голоса опечалила Сюзан, но то была суровость взрослой женщины. – И помни о своем обещании, Уилл: если ты увидишь меня в Доме-на-Набережной и если ты мне друг, это будет наша первая встреча. Как будто я впервые вижу тебя.

Он кивнул, и Сюзан заметила, что ее серьезность теперь отражалась и на его лице. А также печаль.

– Я никогда не приглашал девушку на конную прогулку, и ни одна девушка не приглашала меня в гости. Но я бы пригласил тебя, Сюзан, дочь Патрика... Если я принесу тебе цветы, чтобы увеличить свои шансы... думаю, ничего хорошего из этого не выйдет.

Она покачала головой.

– Нет. Не выйдет.

– Ты обещала кому-то, что выйдешь за него? Понимаю, вопрос бестактный, но я не желаю тебе ничего дурного.

– Знаю, что не желаю, но предпочла бы не отвечать на твой вопрос. Как я тебе и говорила, положение у меня сейчас очень деликатное. Кроме того, уже поздно. Здесь мы расстанемся, Уилл. Но подожди... один момент...

Она сунула руку в карман фартука и достала половину булочки, завернутую в зеленый лист. Вторую половину она съела по пути на Коос... в другой, как ей теперь казалось, половине ее жизни. Оставшуюся она протянула Быстрому, который понюхал булочку, а съев, ткнулся мордой в ладонь Сюзан. Она улыбнулась:

– Хороший ты у нас конь, очень хороший.

Посмотрела на Уилла Диаборна, который стоял на дороге, переминаясь с ноги на ногу, печально взирая на нее. Лицо его вновь стало совсем молодым.

– Хорошо, что мы встретились, не так ли? – спросил он.

Она шагнула к нему и, прежде чем успела подумать о том, что делает, положила руки ему на плечи, поднялась на цыпочки и поцеловала в губы. Коротким, но не сестринским поцелуем.

– Да, я рада, что мы встретились.

А когда он потянулся к ней, как цветок тянется к солнцу, чтобы продолжить начатое, Сюзан мягко, но решительно отстранилась.

– Нет, это всего лишь благодарность; джентльмен должен понимать, что на этом надо остановиться. Шагай с миром своим путем, Уилл.

Он взялся за поводья, словно во сне, какие-то мгновения смотрел на них, не понимая, что это такое, затем перевел взгляд на нее. Она видела, как он пытается взять себя в руки, обуздать взрыв эмоций, которые вызвал в нем этот короткий поцелуй. Этим он ей понравился еще больше. И она похвалила себя за то, что поцеловала его.

– А ты – своим. – Он запрыгнул в седло. – С нетерпением жду нашей первой встречи.

Он улыбнулся Сюзан, и она увидела в его улыбке огонь желания. Затем развернул Быстрого и поскакал в том направлении, откуда они пришли... возможно, вновь хотел взглянуть на нефтяное поле. Сюзан осталась у почтового ящика миссис Бич, надеясь, что он обернется и помашет ей рукой и она сможет еще раз увидеть его лицо. Она не сомневалась, что он обернется... а он все не оборачивался. А когда она уже собралась спускаться с холма, все-таки обернулся, и его вскинутая рука запорхала в темноте, как мотылек.

Сюзан в ответ подняла руку и двинулась вниз, счастливая и несчастная одновременно. Однако – и возможно, ничего важнее на тот момент для нее не было – она больше не чувствовала себя вывалинной в грязи. Когда она коснулась губ юноши, ее кожа очистилась от прикосновений Риа. Как по мановению волшебной палочки, чему она могла только порадоваться.

Шла она улыбаясь, и гораздо чаще, чем обычно, если ей доводилось выходить из дома ночью, поглядывая на звезды.

[Купить полную версию книги](#)





Хонки – пренебрежительное прозвище белых. – Здесь и далее примеч. пер.

Толика – административный центр штата Канзас.

Джон Уэйн – известный американский киноактер.

Перевод загадки Наталии Рейн.

«Семейка Брейди» (The Brady Bunch) – название популярного телесериала и кинофильма.

Хэмпфри Богарт (1899–1957) – известный американский киноактер.

Джеймс Стюарт (р. 1908) – известный американский киноактер.

Bird – птица (англ.).



PADDY O'FURNITURE (paddy – это слово в английском языке имеет два значения: прозвище ирландца и каменщик); мебель Пэдди – кирпичные стены.

«Шестьдесят минут» – информационно-публицистический тележурнал. Выходит еженедельно с 1968 года.

«У Стаки» (Stuckey's) – фирменная сеть кафе у магистральных автодорог фирмы «Стаки стор» (Stuckey Store).

В основе вестерна как жанра лежит борьба доброго героя со злым, полная головокружительных приключений и обязательно с драматической развязкой.

Турне воссоединившейся группы «Секс пистолз» прошло в 1996 г.

Здесь и далее стихи в переводе Наталии Рейн.

Крайслер-Билдинг – одно из красивейших зданий Нью-Йорка, со шпилем из нержавеющей стали.

«Стаки» и «Харди» – сеть кафе-закусочных, в которых подается стандартный набор блюд американской кухни.



Северная Звезда – другое название Полярной звезды.

В Гилеаде, как и в любом феодальном государстве, человек, овладевая навыками профессии, проходит три этапа: ученик, подмастерье, мастер (в нашем случае – стрелок).

Шамбре – платьевая и рубашечная ткань.

Мисси – шутливо-презрительное обращение к молоденькой девушке.

СИТГО Петролеум (SITGO Petroleum) – нефтяная корпорация, входит в число 500 самых крупных мировых компаний.

Джона Фарсона называли как Благодетелем, так и Добрым человеком, отсюда его бандиты – добрые люди.

В Гилеаде слово это произносили как *йез* (yes), в Хэмбри – *эйе* (aye).

Эскалибур – меч легендарного короля Артура (не из Эльда, а из старой доброй Англии).



По аналогии с суррогатной матерью – женщиной, вынашивающей оплодотворенную яйцеклетку другой женщины.

В Америке свистом выражают одобрение.

Il spectro – надсмотрщик (исп.).

Имеются в виду английские слова *thou* (ты, вы) и *thee* (тебе, вам).

В реальности Роланда выражение «дим» соответствует нашему «дежа-вю».

Книга пророка Исаяи, 48:22.

Спасибо, спасибо (исп.).

Не за что (исп.).



Squatter – незаконно поселившийся на незанятой земле (англ.).

платок (исп.).

Благодарю (исп.).

Не за что, сеньор (исп.).

шарф (исп.).

бездельники (исп.).

быки (исп.).

СКотовод (ИСП.).



КОЛДУНЬЯ (ИСП.).

Завершение года (исп.).

земледельцы (исп.).

Крестьяне (исп.).

прощай (фр.).

Проходи. Проходи, глупец (исп.).

мертвец, покойник (исп.).

Гопля! – восклицание фокусника.



НОЖ (ИСП.).

Наручники (исп.).

тюрьма, каталажка (исп.).

попутчики (исп.).

Педераст, гомик (исп.).

Роланд прошептал «thunderclap (тандерклеп)», что в переводе на русский означает «удар грома».

Не понимаю (исп.).

Шлюха (исп. иск.).



Балли и Гуччи – известные модельеры (и фирмы), специализирующиеся на изделиях из кожи.

Gale – вихрь, ураган, шторм, гроза (англ.). Дороти Гейл – героиня сказочного цикла «Волшебник из страны Оз» (Wizard of Oz) американского писателя Лаймена Фрэнка Баума. Следует отметить, что слово wizard может трактоваться и как волшебник, и как колдун. Для романа С. Кинга «Wizard and Glass», который вы сейчас читаете, второй вариант подходит больше, потому что в русских сказках волшебник скорее добрый маг, чем злой, а колдун – скорее злой, чем добрый.

Речь идет о классическом фильме «Волшебник страны Оз» (1939 г., реж. Виктор Флеминг), снятого по вышеупомянутой сказке Л.Ф. Баума.

Джуди Гарленд (1922–1969) – известная американская актриса и певица, мать Лайзы Минелли. Настоящее имя Фрэнсис Гамм (Frances Gumm). Роль Дороти принесла Джуди Гарленд всемирную славу и премию «Оскар».

Кинг несколько вольно трактует оригинал сказки. Но дело в том, что реальность Джейка, Сюзанны и Эдди не обязательно должна совпадать с нашей реальностью, поэтому они могли читать «Колдуна из Оза», чуть отличного от того «Волшебника из страны Оз», что читали мы.

«Уиз» (Wiz) – фильм 1978 г. с Дайаной Росс (р. 1944) в главной роли, принятый в штыки и критикой, и зрителями.

Spirits – духи; Эдди вспомнилось название марки автомобиля.

Где-то над радугой... – знаменитая песенка Дороти из фильма «Волшебник страны Оз», блистательно исполненная Джуди Гарленд.



Томас Вулф (1900–1938) – известный американский писатель и драматург. Прославился монументальными романами-эпопеями.

Эльфы – фирменный знак фирмы «Киблер», производящей кондитерские изделия.

Настоящее имя Мартин Дэвид Роббинсон (1925–1982) – известный американский певец и композитор.